

1970 г.

1978

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА

ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ

священника И. Полянскаго.

Выпускъ второй.

Вторая и третья миссионерская поѣздка въ епархію.

**БИБЛИОТЕКА
Московского дома
научного атеизма**

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1891.

ка
2/2

2534
у 86
72

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

1891 г.

1891

Handwritten signature

1967 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КНИГООБМЕННЫЙ
ФОНД

Отдельный оттискъ изъ №№ 18, 19 и 20 за 1890 г. и изъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5 журнала „Братское Слово“ за 1891 г.

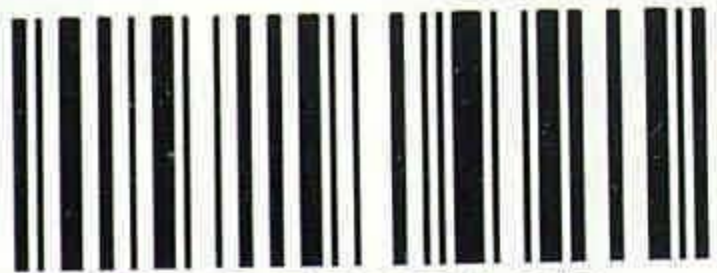
Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, марта 8-го дня 1891 года.

Цензоръ, священникъ *Иоаннъ Петропавловскій*.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

2143-06

АНТОНОВА
МОСКОВСКОГО ДОМА
НАУЧНОГО СЛОВАРЯ

2005227495

Записки миссіонера.

I.

Въ Домшинѣ во второй разъ.

16-го апрѣля (1890 г.) я вторично пріѣхалъ въ Домшино, спустя мѣсяць съ небольшимъ послѣ первой поѣздки сюда. Остановился у церковнаго старосты Василя Николаевича Зайцева. Онъ меня принялъ очень радушно, какъ стараго знакомаго. Имѣть такія знакомства для миссіонера очень полезно, — при нихъ ѣдешь смѣлѣе, знаешь, куда пристать, съ кѣмъ и что говорить. Еще на дорогѣ, въ двухъ деревняхъ Домшинскаго прихода, въ Нестеровѣ и Митицынѣ, я встрѣчалъ своихъ знакомыхъ и раскланивался съ ними, приглашая ихъ на бесѣду въ село. Въ Митицынѣ я зашелъ въ школу. Въ сѣняхъ еще услышалъ пѣніе: ученики пѣли молитву послѣ ученія. Я вошелъ въ комнату, помолился съ дѣтьми Богу, поздоровался съ ними и съ учителемъ. «Здравствуйте, батюшка!» дружно отвѣтили на мое привѣтствіе дѣти (между ними нѣсколько дѣвочекъ). Они уже знали меня: когда постомъ я говорилъ проповѣдь въ Домшинской церкви, они были всѣ и слушали. Учитель на другой день спрашивалъ у нихъ, запомнили ли они, что говорилъ пріѣзжій священникъ. Оказалось, что впечатлительная дѣтская память усвоила и сохранила проповѣдь, — дѣти рассказали все ея содержаніе. Я съ удовольствіемъ заношу въ свои записки и этотъ поступокъ учителя и это знаменательное свидѣтельство, что малыя дѣти благовѣствуютъ слово Божіе: разумѣется, они и дома рассказывали о томъ, что слышали въ церкви и повторили потомъ, въ школѣ. Такъ брошенное въ души слово зрѣетъ и растетъ.

Будемъ надѣяться, что оно принесетъ и плодъ. Я обратился къ дѣтямъ съ просьбой — повѣстить отцамъ и матерямъ, что опять пріѣхалъ миссіонеръ и что, кто хочетъ, пусть приходитъ въ Домшино для бесѣды. Я любовался дѣтьми въ ту минуту, когда они выходили изъ школы: всякій-то изъ нихъ, и мальчикъ и дѣвочка, на прощаньи, съ поклонами, говорилъ: «Прощайте, Александръ Васильчъ! Прощайте, батюшка!» — Этакіе славныя у васъ ребята! — говорю учителю. И онъ подтвердилъ мои слова.

Однако въ слѣдующій день (17 апрѣля) на бесѣду пришло человѣкъ шесть, не больше: день былъ будничнй, и всѣ работали (была пашня). Пришелъ интересный старикъ Дмитрій Петровъ Бобровъ. Онъ уже не задавалъ глубокомысленныхъ вопросовъ; онъ все слушалъ и со всѣмъ соглашался. Другіе собесѣдники тоже молча слушали. На прощаньи я далъ Дмитрію Петрову почитать «Увѣщаніе» митрополита Платона и нѣкоторыя брошюрки.

Изъ того, что собралось на бесѣду всего шесть человѣкъ, я понялъ, что совсѣмъ не вѣ-время пріѣхалъ и что не дожидаться мнѣ, чтобы народъ пошелъ ко мнѣ въ село для бесѣды, — некогда, пашутъ! И я рѣшилъ самъ идти къ нимъ въ деревню: авось, думаю, кто-нибудь и явится послушать бесѣды.

II.

Въ деревнѣ Дьяконицѣ.

Въ числѣ упомянутыхъ шести человѣкъ, явившихся на бесѣду въ Домшино, былъ Александръ Савельевъ Цвѣтковъ, прежде находившійся въ беспоповщинскомъ расколѣ, но года два тому назадъ присоединившійся къ церкви. Присоединеніе его совершалъ достопочтенный о. Павелъ, архимандритъ Московскаго Единовѣрческаго монастыря. Александръ Савельевъ съ глубокимъ благоговѣніемъ говоритъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, которому обязанъ своимъ окончательнымъ утвержденіемъ въ намѣреніи оставить беспоповство.

Какъ недавно обратившійся въ церковь, Александръ Савельевъ еще не снялъ съ себя безпоповщинскаго кафтана, въ которомъ онъ когда-то стаивалъ въ моленной. «Если, говоритъ, я сниму его, то наши всѣ (у него очень много пріятелей въ безпоповствѣ) заохаютъ: погибъ Александръ Савельичъ! погибъ Александръ Савельичъ! А теперь я хоть внѣшнимъ видомъ не отдѣляюсь отъ нихъ». Онъ иконописецъ и, занимаясь своимъ ремесломъ, испортилъ себѣ зрѣніе. Пришелъ онъ не столько послушать миссіонера (что ему слушать меня, если онъ слышалъ о. Павла!), сколько затѣмъ, чтобы предложить себя ему въ помощники. Самъ онъ, правда, не говорилъ мнѣ этого, но близкіе къ нему люди сказали мнѣ, что онъ не прочь бы сдѣлаться помощникомъ миссіонера (человѣкъ онъ начитанный, трезвый, постникъ, мяса не ѣстъ), и я впоследствии сообщилъ объ этомъ его желаніи преосвященному, который благосклонно изъявилъ согласіе — принять его въ званіи моего помощника.

Вотъ съ этимъ-то Александромъ Савельевымъ 18 апрѣля я и пошелъ въ деревню Дьяконицу. Проходя черезъ деревню Яковцы, зашли къ единовѣрческому церковному старостѣ, у котораго немного отдохнули и подкрѣпились пищею. Отсюда съ нами пошелъ еще одинъ слѣпой старикъ, — мастеръ пѣть на клиросѣ и читать въ церкви, конечно, безъ книги. Со старовѣрами онъ часто споритъ, и ему захотѣлось послушать, что будетъ говорить съ нами Егоръ Романовъ.

Егоръ Романовъ — главный учитель въ д. Дьяконицѣ, принадлежащій къ сектѣ «нѣтовцевъ». Мы и пришли прямо въ его домъ. Хозяина въ ту минуту не случилось дома: вышелъ куда-то. Мы сѣли на лавкѣ въ ожиданіи его прихода. Минуть черезъ пять онъ пришелъ. Проворно надѣвъ на босыя ноги катаники (валенки), онъ поздоровался съ нами. Это бодрый, крѣпкій мужикъ лѣтъ 50-ти, русый, довольно солидный на видъ.

Александръ Савельевъ, какъ нѣсколько знакомый съ нимъ, началъ разговоръ приблизительно такъ: «Вотъ, Егоръ Романовичъ, епархіальный миссіонеръ о. Іоаннъ желаетъ знать:

по какимъ собственно причинамъ вы отдѣляетесь отъ единенія церковнаго и не принадлежите къ великороссійской церкви?»

— Да, продолжалъ я, мнѣ всегда было очень любопытно узнать, что собственно удерживаетъ старообрядцевъ вдали отъ насъ. Большинство, конечно, держится обособленности отъ нашей церкви по привычкѣ и по примѣру отцовъ. Но вѣдь есть же у васъ и люди начитанные, которые, кажется, по книгамъ могли бы понять, что наша церковь вполнѣ православна, ибо никакой ереси въ ней нельзя указать. Я слышалъ о тебѣ, Егоръ Романовичъ, что ты начитанный, грамотный человѣкъ, — потому и желательно знать, что тебя больше всего удерживаетъ отъ соединенія съ нашею церковію?

— Грамотность наша небольшая... читали немножко... А что касается того, почему мы не въ соединеніи съ вашею великороссійскою церковію, то причина этого одна: мы боимся, нѣтъ ли въ ней ересей какихъ-нибудь.

— Не первый разъ я слышу эти рѣчи, — сказалъ я Егору Романову. Бояться ересей, конечно, слѣдуетъ; но какія же ереси пугаютъ васъ въ нашей церкви? Иные изъ вашихъ прямо объявляютъ, что нѣтъ такой ереси, которую не ввелъ бы въ русскую церковь Никонъ-патріархъ. Такъ прямо, огуломъ, и говорятъ: всѣ ереси у васъ! И какъ начинаютъ перечислять наши ереси, то дѣйствительно, по ихъ счету, имъ конца нѣтъ! Какихъ только не насчитаютъ ересей! Даже и буквы ставятъ въ ересь: сами говорятъ *Исусъ*, а насъ, за то, что печатаемъ *Иисусъ*, т.-е. за одну букву лишнюю противъ своего чтенія, обвиняютъ въ страшной ереси!

Оказалось, что Егоръ Романовъ объ имени *Исусъ* не сомнѣвается, признаетъ его именемъ Христа Спасителя; онъ говорилъ, что самъ видѣлъ въ старопечатныхъ книгахъ *Исусъ*, съ двумя *иже*. Евангеліе ихъ Домшинской единовѣрческой церкви ему извѣстно. «Мы объ имени *Иисусъ* не сомнѣваемся, — сказалъ онъ въ заключеніе, — оно есть имя Христа Спасителя».

— А если, говорю, ты объ этомъ имени не имѣешь со-

мнѣнія, то вѣдь главной причины раскола между нами уже нѣтъ. Безпоповцы другихъ согласій кричатъ, что *Иисусъ* имя еретическое, даже еще хуже говорятъ о немъ.

— Мы, — отвѣтилъ Егоръ Романовъ, — не слѣдуемъ другимъ согласіямъ: тѣ во многомъ мудрствуютъ не по правиламъ. Иные не принимаютъ крещенія великороссійской церкви; а мы принимаемъ, потому что оно совершается правильно въ три погруженія съ призываніемъ Святыя Троицы.

Филипане (ихъ довольно въ Домшинскомъ приходѣ) и другіе покрещевацы смѣются надъ Нѣтовцами, что они еретическое крещеніе называютъ правильнымъ. Объ Егорѣ Романовѣ мнѣ передавали, что будто онъ говоритъ, что «хоть сатана окреститъ, да только во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и тогда крещеніе правильно и нельзя его повторять».

— Что же васъ удаляетъ отъ нашей церкви, — спрашиваю его, — если крещеніе наше вы принимаете за православное, имя Спасителя *Иисусъ* считаете истиннымъ Его именемъ?

— А больше всего то, что принимаемое нами имя *Иисусъ* обругано въ книгахъ вашихъ учителей церковныхъ, писавшихъ противъ старообрядцевъ. Димитрій Ростовскій, Теофилактъ и другіе, что писали объ этомъ имени?

Я сталъ разъяснять, что св. Димитрій Ростовскій и другіе писатели никакъ не могутъ быть виновниками отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви. Святитель Димитрій писалъ свой «Розыскъ» 50 лѣтъ спустя послѣ начала раскола, какъ же его считать виновникомъ раскола? И объ имени *Иисусъ* онъ только сдѣлалъ ученія разъясненія, которыхъ, быть можетъ, не слѣдовало дѣлать для неученыхъ читателей...

— Да вѣдь онъ прямо сказалъ: «Инъ бо обрѣтесе въ нихъ *Иисусъ*, глаголемый равноухій...»

— Я знаю, что онъ дѣйствительно сказалъ это слово; но только надобно знать, къ чему онъ сказалъ его. Старообрядцы, которые жили при Димитріѣ Ростовскомъ, говорили (да и теперешніе еще иные говорятъ), что *Иисусъ* есть инъ Христосъ, не истинный; считали (и считаютъ еще) имя Христа Спасителя, пишемое и читаемое въ три слога (І-и-сусъ), неправо-

славнымъ, еретическимъ. Вотъ такимъ-то святитель Димитрій и доказываетъ, что греки, отъ которыхъ получили мы самую вѣру во Христа и научились имени Христовому, читали и читаютъ Его имя І-и-сусъ (а латиняне І-е-зусъ), каковое чтеніе согласно и съ еврейскимъ языкомъ, на которомъ первоначально наречено имя Спасителя. Значитъ, имя *Iesus* есть правильное и старинное; съ еврейскаго оно значитъ Спаситель, съ греческаго — Исцѣлитель. А слова *Iesus* у грековъ, говоритъ онъ, совсѣмъ даже и нѣтъ (все равно какъ нѣтъ у нихъ слова Иванъ, а есть Іоаннъ); и если бы грекъ захотѣлъ составить такое слово, то оно, говоритъ, означало бы вотъ что, — и приводитъ то выраженіе, которое такъ не нравится вамъ въ Розыскѣ. Такъ не говорите пожалуйста, что Димитрій Ростовскій похулилъ имя Христово. Онъ даже, какъ будто предвидя, что вы будете обижаться на него за это выраженіе, оговорился: *но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя нашего*¹⁾. Итакъ святитель Димитрій, че-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова изъ книги Розыскъ: „Пишется убо и у насъ то пресвятое имя иногда пространно безъ титлы, якоже сіе видѣти есть въ концѣ Бесѣды Іоанна Златоустаго, на Павлово посланіе, на листѣ 1374, идѣже написано сиче: *Аще бо убо грядый много Iesus проповѣдаетъ*, и прочая. Обыкновеннѣе же у насъ пишется подъ титлою *іс*; обаче глаголати подобаетъ тако, якоже и греки глаголють, не Ісусъ, но *Iesus*, аще иногда и сокращеннѣе пишутъ *іс*. А понеже наши російскіе люди не искусны суще, не яко греки, продолженнѣ глаголющии, аще и сокращенно пишущии, но якоже пишутъ сокращенно, сиче и глаголють сокращенно, — пишутъ *іс*, и глаголють Ісусъ: того ради лучше есть у насъ писати *іис*, неже *іс*, да продолженнѣ имя Спасителяво, якоже у грековъ, глаголется въ три силлаба, а не въ два токмо. Понеже ино знаменуетъ *іис*, ино *Iesus*. *іис*, якоже прежде рѣхомъ, толкуется съ еврейскаго языка *Спаситель*, съ греческаго же *Исцѣлитель*. Ісусъ же что знаменуетъ? — внимлите: по гречески *Ieos*, по нашему глаголется *равный*; *ус* же глаголется *ухо*; та два реченія егда въ едино мѣсто сложити, будетъ Ісусъ, еже глаголется *равноухій*. Но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя нашего. Сего ради лучше есть *іис*, неже *іс*...“ и прочая (Розыскъ, Москва, 1846 г., стр. 45—46.).

ловѣкъ многоученый, не хулилъ имени Христа Спасителя, и вы напрасно вините его, не понимая того, что онъ сказалъ. Грѣхъ! Пора быть грамотными и начинать понимать слова!

Потомъ я рассказалъ Егору Романову, что Св. Синодъ издалъ въ 1886 г. свое «Изъясненіе» касательно порицательныхъ выраженій, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ православныхъ писателей, писавшихъ противъ раскола. Наша высшая церковная власть не одобряетъ этихъ выраженій; поэтому винить за нихъ даже всю церковь, какъ дѣлаютъ старообрядцы, рѣшительно не возможно. Эту мысль я старался разъяснить такимъ примѣромъ. Вотъ мы теперь бесѣдуемъ. Если я эту бесѣду напечатаю, а ты въ ней найдешь что-нибудь обидное не для себя только, но и для вашей вѣры, можешь ли ты обвинять изъ-за меня всю нашу церковь? Грубо сказалъ (примѣрно говорю) миссіонеръ; миссіонера и вини, а не церковь. Димитрій Ростовскій, Теофилактъ — тоже миссіонеры; но не церковь.

Напомнилъ я также Егору Романову, сколько всякихъ ругательствъ разсыпано въ старообрядческихъ сочиненіяхъ на обряды и книги, употребляемые въ нашей церкви. Да и теперь, — говорю, — почти то же самое: ты самъ знаешь, какъ филипане хулятъ троеперстіе... изъ-за него перекрещиваютъ нашихъ...

Поговорили и еще, но недолго. Егоръ Романовъ торопился кончить бесѣду. Онъ давалъ понять, что ему не охота съ нами бесѣдовать, часто упоминалъ о томъ, что время рабочее, а что въ свободное время онъ не прочь и побесѣдовать. Мы встали и простились съ Егоромъ Романовымъ; а онъ поѣхалъ сѣять горохъ. Прощаясь, я сказалъ, чтобы въ воскресенье, когда горохъ не сѣютъ, приходилъ на бесѣду. Онъ обѣщалъ.

Егоръ Романовъ мнѣ понравился, — этакій степенный чловѣкъ, трезвый въ сужденіяхъ и рѣчахъ. Одно не понравилось: ужъ очень остороженъ и очень торопится сѣять горохъ... Да еще не хорошо, что обѣщался придти на бесѣду въ воскресенье, однако не пришелъ.

Отъ Егора насъ пригласилъ къ себѣ побесѣдовать за чаемъ

крестьянинъ Леонидъ Яковлевъ. Бесѣда не представляла ничего особенно интереснаго. Возражателей не было; слушали молча, и больше рассказы Александра Савельева объ его безпоповщинской прежней жизни.

Съ Александромъ Савельевымъ уже часовъ въ 10 вечера воротился въ Домшино на ночлегъ. Утромъ (19 апрѣля), благословившись, онъ ушелъ на родину, въ село Устье Угольское, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. А я часовъ въ 10-ть собрался идти въ Митицыно, какъ совсѣмъ неожиданно явился одинъ изъ вчерашнихъ слушателей, Иванъ Яковлевъ, братъ Леонида, у котораго мы пили чай. Вчерашняя бесѣда и у Егора и у Леонида очень заинтересовала его, и онъ пришелъ попросить нѣкоторыхъ разъясненій. Онъ — овца изъ стада Егора Романова. Я разъяснилъ ему, что могъ, и далъ нѣсколько брошюръ: онъ, хоть и неграмотный, просилъ книжекъ, — «заставлю, говорить, почитать какого-нибудь грамотея». Бесѣдовали болѣе двухъ часовъ. Обѣщался придти на Гору, въ воскресенье; но не пришелъ. Овца послѣдовала пастырю: обоихъ не было на Горѣ.

III.

Въ деревнѣ Митицынѣ и сосѣднихъ.

Проводивъ Ивана Яковлева, мы пошли въ Митицыно; пришли къ старшинѣ. Старшина ходилъ приглашать народъ на бесѣду. Иные отказывались работой, иные малограмотностію; но все же пришло до десятка мужиковъ и нѣсколько женщинъ. Изъ старообрядцевъ пришелъ Никита Тихоновъ, по Спасову согласію, — «Митицынскій попъ», какъ его мнѣ называли.

Никита — небольшой мужичокъ, такой тихоня... Слова у него мягкія, слащавыя, вкрадчивыя; голосъ — нѣжный; въ разговорѣ онъ все оговаривается, что не надо горячиться, а надо бесѣдовать тихо, по-Божьи. И мы, дѣйствительно, бесѣдовали съ нимъ мирно о разныхъ предметахъ; другіе внимательно слушали насъ. Вдругъ прибѣжалъ Кирьякъ, мой старый знакомецъ (по великопостной поѣздкѣ въ Домшино).

Онъ прибѣжалъ прямо съ пашни, только что успѣлъ дома отпрячь лошадь. Поздоровались. Кирьякъ Платоновичъ сейчасъ принялъ участіе въ бесѣдѣ, и она получила другой характеръ. Кирьякъ говорилъ съ жаромъ и увлекъ даже тихоню Никиту Тихонова. Въ чемъ, казалось, и смягчился прежде Никита, какъ будто сдался совсѣмъ, Кирьякъ вновь подогрѣлъ въ немъ прежнее, и онъ запѣлъ свое.

Часа два пробылъ Кирьякъ, и вотъ что интереснаго было въ бесѣдѣ съ нимъ. Его особенно занимаетъ вопросъ: зачѣмъ великороссійская церковь не перекрещиваетъ католиковъ? Ему кажется, что ихъ непременно надо бы перекрещивать. Я, на основаніи Дѣяній Московскаго собора 1867 г., отвѣтилъ ему, что рѣшеніе Филаретовскаго собора о крещеніи латинянъ не справедливо. Кромѣ того, я старался втолковать ему, что крестимъ ли мы католиковъ, или нѣтъ, это нисколько не можетъ служить оправданіемъ его отдѣленія отъ церкви. Если онъ не хочетъ соединиться съ великороссійскою церковію изъ-за того, что мы не перекрещиваемъ католиковъ, то что же мѣшаетъ ему соединиться съ церковію греческою? Она поступаетъ въ отношеніи къ католикамъ такъ, какъ Кирьяку желательно, т.-е. снова ихъ перекрещиваетъ. Но, присоединившись къ греческой церкви, онъ присоединился бы и къ нашей: ибо у насъ съ греками вѣра одна, церкви наши, великороссійская и греческая, составляютъ одну греко-россійскую, православную церковь. А что есть разница въ чинопріемѣ католиковъ между нами и греками, такъ это не должно бы смущать старообрядцевъ: ибо они должны знать, что, на примѣръ, при св. Кипріанѣ, епископѣ Карѳагенскомъ, въ Африканской церкви многихъ еретиковъ перекрещивали, а въ Римской не перекрещивали, — но и Африка и Римъ были тогда вполне православны, и вѣра была одна и тамъ и здѣсь, несмотря на различное рѣшеніе вопроса о принятіи еретиковъ. И даже въ одной и той же церкви разные іерархическія лица по разному рѣшали этотъ практическій вопросъ о принятіи еретиковъ. Въ Кормчей, въ отвѣтахъ Тимоѳея пресвитера, вотъ что говорится: «Зримъ же нынѣ

въ великихъ и соборныхъ церквахъ, рекше патріархіяхъ и въ митрополіяхъ и прочихъ, яко армены и яковиты, и несторіаны и прочіе безглавные и подобныя имъ, обращающіеся въ православную вѣру, божественнымъ мгромъ помазуютъ, а не крещаютъ, творятъ же ихъ проклинати начальники ихъ, и се вообразися нынѣ винъ ради благословныхъ и нужныхъ; *ныни же совершенно крещаютъ армены*».

Кириякъ, передъ которымъ Никита совсѣмъ стушевываясь, самоувѣренно говорилъ: «мы (старообрядцы) стоимъ на Петровой вѣрѣ!»... Я отвѣчалъ: и мы стоимъ на Петровой вѣрѣ. Онъ же, указывая на икону, какъ свидѣтеля, съ чувствомъ восклицалъ: «если у васъ ничего не нарушено противъ Петровой вѣры, идите къ вамъ!» Я доказывалъ, что и дѣйствительно у насъ ничего противъ Петровой вѣры не нарушено, а что, напротивъ, у нихъ очень многое нарушено. Но Кириякъ спорилъ и обѣщался доказать, на свободѣ, будто все у насъ нарушено. «А теперь, говоритъ, некогда, рабочее время!»

Когда рѣчь зашла о причащеніи животворящихъ Христовыхъ таинъ, Кириякъ воскликнулъ: «Отецъ Иванъ! душа измучилась, болитъ, тоскуетъ, все хочетъ причащенія! Но гдѣ оно? гдѣ? — укажи!»

Этотъ вопль души христіанской очень трогателенъ. Дѣйствительно, измучена душа, ищетъ соединенія со Христомъ, какое Онъ самъ установилъ на тайной вечери, хочетъ исполнить то, что заповѣдано творить въ Его воспоминаніе, — и не можетъ!

Я сталъ говорить: Кириякъ Платонычъ! Ты знаешь, Евангеліе и знаешь, что сказалъ Христосъ о необходимости причащенія: *аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съесте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крове Его, живота не имате въ себѣ*. Ты самъ чувствуешь нужду во святомъ причащеніи и страдаетъ душа твоя, мучится голодомъ, не вкушая хлѣба небеснаго. Подумай, — могъ ли Христосъ обѣщать и не исполнить? Не заблуждаешься ли ты? Вѣрь Богу: есть церковь, столпъ и утвержденіе истины, и не могла она пасть ни при Никонѣ, ни прежде, ни послѣ него...

Но у него было рѣшено, что никоніане не могутъ составлять истинной церкви, — и онъ спрашивалъ: гдѣ церковь? гдѣ причастіе?

— Кирьякъ Платончъ! — говорю ему, — сейчасъ день, на небѣ свѣтитъ солнышко красное. Если кто станетъ приста- вать къ тебѣ: Кирьякъ, укажи солнышко! и ты укажешь на солнце, а онъ упрямо станетъ говорить: да не можетъ быть, чтобъ это было солнышко! — и глядѣть на него не хочетъ, — что ты подѣлаешь съ такимъ человѣкомъ? Такъ и церковь есть солнце для людей. Я указываю эту церковь; а мнѣ го- ворятъ: и смотрѣть не хочу! это не церковь! Ищутъ, ищутъ церковь, и не могутъ найти! Затерялась, словно иголочка, та самая церковь, о нейже Бя создатель, Богъ нашъ, ска- залъ: *созижду церковь мою и врата ада не одолють ей!* Слепые ищутъ, гдѣ солнце, и не вѣрятъ зрячимъ, которые указываютъ на него. Не затерялась церковь; есть она не- премѣнно. Удобнѣе солнце загаснетъ, чѣмъ церковь безъ вѣсти будетъ. Это слово святаго Златоуста — вселенскаго учителя. И мы знаемъ ее, церковь, невѣсту Христову, жену облеченную въ солнце... И ярко свѣтитъ она для зрячихъ; и дай Богъ тебѣ прозрѣть и увидѣть ея свѣтъ!

Этими и подобными словами я старался разогнать заблу- жденіе христіанина о св. Христовой церкви.

Кирьякъ побылъ всего часа съ два и ушелъ. Я остался съ нѣсколькими мужчинами и женщинами. Самымъ неутоми- мымъ собесѣдникомъ остался послѣ Кирьяка Никита Тихо- новъ. Онъ снова, безъ подстрекающаго вліянія Кирьяка, сталъ тихъ и сговорчивъ. Когда онъ завелъ рѣчь о клятвѣ боль- шого Московскаго собора (1666—67 гг.), то все читалъ по какой-то книжкѣ церковной печати. Оказалось, что книжка эта — изданіе Братства св. Петра митрополита: «О клятвѣ со- бора 1667 г.» Никита очень осторожно пользовался книгою: онъ вычитывалъ по ней одни выписки изъ соборнаго дѣянія, пропуская мимо замѣтки и поясненія составителя книжки и иногда замѣняя ихъ своими. Я былъ радъ, увидѣвши, что книга, написанная для вразумленія старообрядцевъ, читается

однимъ изъ нихъ. Это первый случай въ мой дѣятельности, что я увидѣлъ книгу «никоніанскую» въ рукахъ «старовѣра».

Изъ бесѣды съ Никитой запомнилось еще то, что мы говорили о молитвѣ Іисусовой. Онъ, повторяя обычныя у старообрядцевъ рѣчи, сказалъ: «зачѣмъ вы отставили *Сыне Божій* въ молитвѣ Іисусовой?»

Я отвѣтилъ: Если что куда отставишь, то не уничтожишь, а только переставишь на другое мѣсто. Куда же, по твоему, переставлено слово *Сыне Божій* изъ молитвы Іисусовой?

— Не знаю, — говоритъ, — куда вы запропастили, а только въ Іисусовой молитвѣ его нѣтъ у васъ.

— Ну гляди же!

И я показалъ ему свой священническій молитвенникъ — канонникъ. На первомъ листѣ напечатано: «Молитвы утреннія. Воспрянувъ безъ лѣности и истрезвився, возставъ отъ сна, рцы сіе: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Посемъ постой мало молча, дондеже утишатся вся чувствія, и тогда сотвори три поклона, глаголя: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій*, помилуй мя грѣшнаго. Таже, аще іерей, глаголетъ: Благословенъ Богъ нашъ. Аще не іерей, начинаетъ сице: Господи Іисусе Христѣ *Сыне Божій*, молитвъ ради пречистыя твоя Матере и всѣхъ святыхъ, помилуй насъ, аминь.

— Вотъ видишь ли, спрашиваю, что напечатано напервой страницѣ? Ты говорилъ, что мы куда-то отставили молитву Іисусову со словомъ «Сыне Божій»; а она оказалась въ молитвенникѣ, т.-е. именно тамъ, гдѣ молитвѣ и быть подобаеть!

Никита удивился.

— И вы читаете ее? — спрашиваетъ.

— Каждый день!...

— И архіерей?

— И архіерей, и священникъ, и дьяконъ и всякій православный христіанинъ, который молится Богу.

— Удивительно!

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. И ты эту молитву читаешь: что же тутъ удивительнаго?

— То — мы, а то — вы! Вы же на Московскомъ соборѣ отмѣнили ее!

— Не правда; если бѣ отмѣнили, не было бѣ ея въ нашихъ молитвенникахъ.

— Да, это такъ...

Обвиненіе рѣшительно падало; Никита не зналъ, что говорить дальше. Я поддержалъ его.

— А вѣдь дѣйствительно, — говорю, — большой Московскій соборъ распоряженіе сдѣлалъ о молитвѣ Іисусовой: онъ въ церквахъ велѣлъ читать ее съ словами *Боже нашъ*, а не *Сыне Божій*. Это было на соборѣ уложено.

Никита ободрился.

— Ну, вотъ, зачѣмъ же, — говоритъ, — было такъ уложено? Развѣ худо чѣмъ-либо говорить *Сыне Божій*?

— Да кто же считаетъ, что такъ говорить худо? Кто обхудилъ молитву «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ?» — Никто, и ужъ конечно не русская церковь, всѣ пастыри которой ежедневно, вставая и ложась, говорятъ «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ». Не могли бы такъ молиться, если бы и дѣйствительно отвергли эту молитву, какъ ты говоришь. А вотъ у васъ, я знаю, — иные ни за что не согласятся даже прочесть просто, не на молитвѣ: «Господи Іисусе Христе, *Боже нашъ*, помилуй насъ». Это я хорошо знаю. Теперь, скажи ты мнѣ: отчего вы такъ не читаете?

Никита отвѣтилъ, что старообрядцы не читаютъ молитвы «Господи Іисусе Христе Боже нашъ» потому, что ее будто бы не знала русская церковь до лѣтъ Никона патріарха.

Я сказалъ на это, что онъ ошибается и что до Никона патріарха была извѣстна молитва Іисусова съ словами «Боже нашъ». Я велѣлъ ему почитать въ Кирилловой книгѣ, на листѣ 552 и дальше, статью подъ заглавіемъ: «Истолковано, Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, аминь».

— Такъ вотъ, — говорю, — молитва Іисусова съ словами *Боже нашъ* не Никономъ выдумана; видишь, она напечатана

въ Кирилловой книгѣ. А хоть бы и Никономъ выдумана была, что же въ ней худого? Выговори ее!

Никита сказалъ: мы ее не говоримъ; но и не обхуждаемъ.

— Значить, она хорошая молитва?

— Хорошая.

— Ну, такъ прочитай.

Но читать Никита не соглашается, потому что боится скрытаго никоніанства въ этой молитвѣ, истолкованной однако же въ дониконовской книгѣ.

Я сталъ ему разъяснять, что обѣ молитвы, т.-е. оба вида Иисусовой молитвы (и «Господи Іисусе Христе, *Сыне Божій*» и «Господи Іисусе Христе, *Боже нашъ* — помилуй насъ») вполне православны, потому что въ Символѣ вѣрѣ мы исповѣдуемъ, во 2 членѣ, Христа *Сыномъ Божиимъ* и истиннымъ *Богомъ*. Каждый православный можетъ безъ всякаго сомнѣнія употребить обѣ молитвы.

Когда Никита пожелалъ знать, почему же въ общецерковномъ употребленіи принята у насъ молитва: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», я сталъ читать ему по соборному дѣянію (1667 г.) разсужденіе объ обоихъ видахъ молитвы. Разсужденіе это очень понравилось Никитѣ. Онъ спросилъ: какая это книга? Я сказалъ: Дѣяніе собора 1666—67 гг. Онъ удивился. «Уже ли?» — говоритъ. Я сказалъ: вѣрно; посмотри самъ. Онъ справился о цѣнѣ книги и выразилъ намѣреніе купить ее. Не знаю, купилъ ли. Бесѣда съ Никитой закончилась самымъ мирнымъ образомъ.

Въ слѣдующіе два дня (пятницу и субботу) я посѣтилъ три деревни: Леушкино, Глыбень и Кожевники. Провожатымъ моимъ былъ мужикъ Ѳедоръ Петровъ Бобровъ. Онъ указывалъ мнѣ удобные для бесѣдъ дома и приглашалъ знающихъ собесѣдниковъ. Но особенно интереснаго во всѣхъ этихъ бесѣдахъ не было, потому что здѣсь не силенъ расколъ и настоящихъ раскольниковъ мало, — есть только сомнѣвающиеся, а потому и вопросовъ задавали не много, — больше все слушали молча.

— IV.

На Горѣ.

Въ воскресенье (22 апрѣля) я провелъ день на Горѣ. Передъ обѣдней и за обѣдней говорилъ по обычаю въ церкви. Во время проповѣди я коснулся нѣсколько вопроса объ имени *Иисусъ*, изъ-за котораго старообрядцы не идутъ въ церковь. «Они, говорилъ я, не идутъ въ церковь, не желаютъ съ нами молиться Богу, исповѣдывать Его вмѣстѣ съ нами едиными усты и единѣмъ сердцемъ. Изъ-за чего же? — изъ-за того, между прочимъ, что будто мы имя Христу Спасителю перемѣнили. А это имя *Иисусъ* есть въ Евангеліи, печатанномъ при патриархѣ Іоасафѣ, которое сейчасъ, здѣсь, въ церкви, лежитъ на престолѣ». — Вдругъ раздался возгласъ отъ западной стѣны храма: «сжечь эту книгу, если въ ней такъ написано!» Я остановился и сказалъ: «кто крикнулъ это слово, что нужно сжечь старопечатную книгу изъ-за имени *Иисусъ*, съ тѣмъ, я поговорю послѣ обѣдни, а теперь слушайте!» — и я продолжалъ проповѣдь.

Послѣ обѣдни нашелся тотъ, кто сдѣлалъ удивительный возгласъ «сжечь такую книгу!» Это оказался Иванъ, по прозвищу Шаньеровъ.

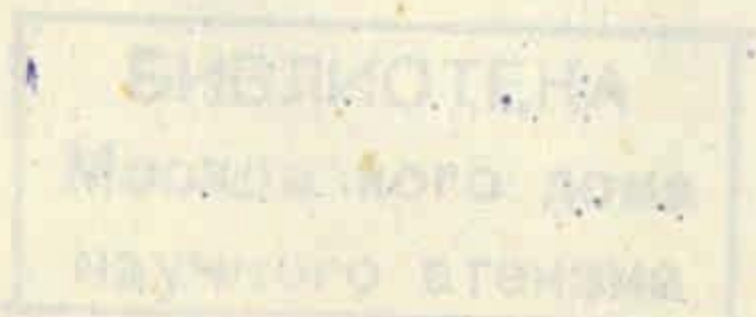
— Ну, Иванъ, говорю ему, какъ ты расправляешься съ книгами, гдѣ написано не то, что тебѣ угодно! Вѣдь книга-то старопечатная, печатана при святѣйшемъ патриархѣ Іоасафѣ!

— Она печатана въ Римѣ! — отвѣтилъ мнѣ Иванъ.

— Въ какомъ Римѣ?!... читай: въ Москвѣ...

— Да онъ и читать-то не умѣетъ! — сообщилъ о немъ одинъ мужичокъ.

— Вотъ и смотрите, — говорю, — на такихъ грамотеевъ, которые и читать-то не умѣютъ, а требуютъ святыхъ книги жечь! Можно ли съ ними разговаривать? Какъ же ты, Иванъ, берешься толковать о книгахъ, когда и читать не умѣешь? — У меня, говоритъ, жена маленько маракуетъ... самъ же я, дѣйствительно, неграмотный.

Бесѣда послѣ обѣдни велась сначала на паперти; потомъ, когда къ вечеру стало холодно, — внутри храма. Я показывалъ древнія Евангеліе и Тріодь изъ семинарской бібліотеки, и Евангеліе, осужденное Иваномъ Шаньеровымъ на сожженіе. Были обычныя попытки истолковать одну букву въ словѣ *Иисусъ*, какъ прилогъ (союзъ). Особенно усердно пытался это сдѣлать нѣкій Гаврила съ Сухолома, Мешехонскаго прихода.

Еще запомнился мнѣ изъ собесѣдниковъ этого дня Онисимъ Кузнецовъ изъ деревни Зубова. Этотъ ожесточенно нападалъ на нашу церковь за принятіе ею четвероконечнаго креста. Когда все, что я говорилъ ему о важности не концовъ, а силы креста, на немже распять былъ Христосъ Спаситель, оказалось мало убѣдительнымъ для него, и онъ все называлъ крестъ четырехконечный ругательно *крыжемъ* латинскимъ, я попросилъ его показать, какой крестъ у него на шеѣ? Онъ былъ очень смущенъ этой просьбой, и не показалъ своего креста, потому что у него, какъ и у всѣхъ старообрядцевъ, на шеѣ крестъ четырехконечный. Иные тутъ же, при немъ, говорили, что онъ и совсѣмъ не носитъ креста, — чему невозможно повѣрить.

Этотъ же Онисимъ очень не любитъ, когда идетъ рѣчь собственно о предметахъ вѣры, когда говорятъ не о концахъ креста, не о пальцахъ, не о просфорахъ, а о тѣлѣ и крови Господа нашего Іисуса Христа, о вѣчности и неразрушимости созданной Имъ церкви, о благодати Божіей, спасительной всѣмъ человѣкамъ. Это, впрочемъ, общее свойство раскольниковъ.

На бесѣду пришло не мало народа изъ сосѣдняго Елданскаго прихода. Въ числѣ ихъ мнѣ запомнился Карпъ Никоновъ, черноватый, улыбающійся мужичокъ, очень смысленный и, какъ говорятъ, довольно начитанный. Онъ, да еще ихъ церковный староста, звали меня къ себѣ въ Бродково, — говорили, что у нихъ въ приходѣ начинается распространяться расколъ изъ сосѣднихъ раскольническихъ приходовъ. Я обѣщаль побывать.

Интересно, что когда Карпъ Никоновъ и другіе изъ елдан-

скихъ прихожанъ начинали вступать въ бесѣду, дѣлая замѣчанія противъ раскольническихъ мнѣній, домшинскіе старообрядцы запрещали имъ говорить на томъ основаніи, что они «не здѣшняго прихода». Разумѣется, этого запрета не было бы, если бы Карпъ говорилъ за старообрядцевъ. Я радъ былъ видѣть, что и среди крестьянъ находятся опровергающіе безпоповщинскія бредни. Такіе начетчики изъ православныхъ имѣютъ важное значеніе среди раскольничьяго населенія. Они даютъ отпоръ начетчикамъ изъ раскольниковъ. Не смотря на то, что я еще слишкомъ мало знаю Вологодскую губернію и ея крестьянское населеніе, но у меня уже есть на примѣтѣ три-четыре человѣка изъ такихъ начетчиковъ.

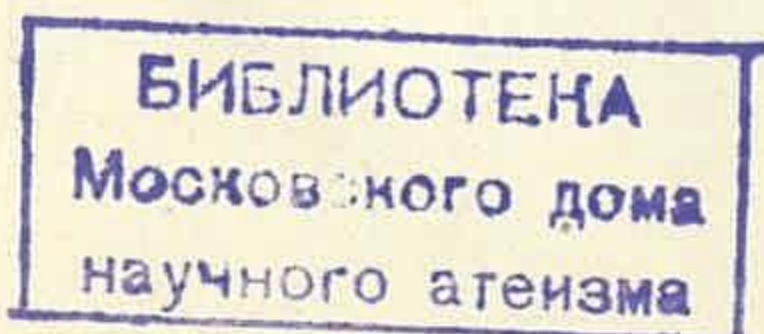
Бесѣда 22 апрѣля шла до вечера.

V.

Въ Устиновскомъ приходѣ.

На другой день (23 апрѣля) я съ своимъ хозяиномъ Василиемъ Николаевичемъ на парѣ его лошадей пріѣхалъ въ село Устиново. 23-е апрѣля — престольный праздникъ въ этомъ селѣ, и приходъ называется Георгіевскимъ. Судя по этому, можно было ожидать большаго стеченія народу, — но народа было въ церкви очень мало. Еще ѣдучи въ Устиново, я удивлялся не мало, что народъ во многихъ домахъ, сидя подъ окошками, пьетъ чай. Въ церковь пришло человѣкъ 50 мужчинъ, женскаго пола до полутора, — больше дѣвушекъ. Объ моемъ пріѣздѣ священникъ предувѣдомилъ прихожанъ, т.-е. собственно интересующихся дѣломъ. Передъ обѣдней я побесѣдовалъ, — показывалъ книги старопечатныя, и грамоты сами читали указанные мною важныя мѣста въ книгахъ. За обѣдней сказалъ проповѣдь о вѣчности церкви и о таинствѣ причащенія.

Собесѣдниковъ интересныхъ не было. Изъ мѣстныхъ отличителей раскола извѣстенъ тамошній церковный староста Василій Гавриловъ. У него есть книги, необходимыя для вразумленія заблуждающихся. Онъ читаетъ изъ этихъ книгъ народу въ промежуткахъ между утренями и обѣднями.

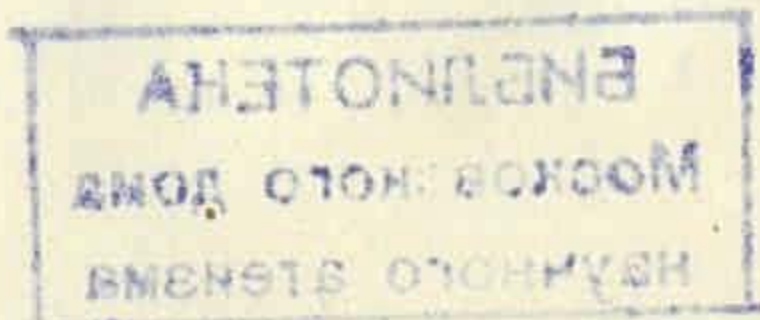

Послѣ обѣда священникъ проводилъ меня въ деревню Губино, самую обильную старовѣрами въ Георгіевскомъ приходѣ. Приѣхали въ церковному старостѣ, тому самому Василию Гаврилову, о которомъ сейчасъ упомянуто. Онъ ходилъ приглашать мѣстныхъ вліятельныхъ старообрядцевъ, Павла Федотова и Грушина, не желаютъ ли они побесѣдовать съ миссіонеромъ. Но они не пришли, извиняясь тѣмъ, что время праздничное, — не могутъ оставить своихъ гостей. Итакъ, бесѣды многолюдной и съ участіемъ начетчиковъ не могло состояться, потому что въ рѣдкомъ домѣ не было гостей и рѣдкій гость и хозяинъ были трезвы. Отъ старосты Василій Николаевичъ повелъ меня къ своему родственнику Лаврентію Филиппову. Въ числѣ гостей былъ отставной солдатъ Нилъ Павловъ. Онъ мнѣ очень понравился, степенный мужикъ, — угощался однимъ чаемъ, вина не пилъ. Хозяинъ указалъ мнѣ на него, какъ на сомнѣвающегося. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ только года съ два какъ отбился отъ церкви, но окончательно еще не присталъ ни къ одной изъ многочисленныхъ «старыхъ вѣръ». Интересно, что Нилъ Павловъ прежде былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей храма Божія, и священника не чуждался, даже водилъ съ нимъ дружбу, бывалъ у него гостемъ и его принималъ у себя какъ гостя; но...

— Года съ два какъ тянетъ меня къ старой вѣрѣ, — признавался Нилъ Павловъ, — кажется мнѣ, что здѣсь все лучше!

«Тянетъ къ старой вѣрѣ» не одного его. Поговорите съ кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ той мѣстности, гдѣ есть расколъ, и вамъ расскажутъ не одинъ случай, что иногда самый лучшій съ виду прихожанинъ церкви кончалъ переходомъ въ «старую вѣру». Причины: тамъ — служба дольше идетъ, все — по уставу, каѳизмы вычитываются, канонъ вычитывается, не позволяется въ моленной разговаривать... Выходить: наша слабость есть сила раскола. Бѣда въ томъ, что у насъ есть храмы, гдѣ служба идетъ богатырскими шагами. Все куда-то спѣшать, куда-то торопятся: все желаютъ

служащіе угодить тѣмъ, для кого служатъ... А прихожане вообще-то недовольны короткой службой, и иные бѣгутъ въ расколъ именно къ продолжительной, «уставной» службѣ. Значить, угождаютъ такимъ, для которыхъ все равно, хоть бы и никакой службы не было. Въ Москвѣ одинъ знакомый старообрядецъ по австрійскому священству, въ откровенной бесѣдѣ, вотъ что между прочимъ говорилъ мнѣ: «Пожалуйста, вы не думайте, что мы всѣ глупы (чего я и не думалъ и не думаю). Вѣдь вотъ я понимаю, что правда на вашей сторонѣ. Когда читаю ваши разсужденія, или миссіонерскія бесѣды, я весь вашъ, я вполнѣ соглашаюсь съ вами, что у васъ церковь, а мы дѣйствительно раскольники. Но когда я изъ области мысли и книгъ вступаю въ область жизни, то вижу, что большинство нашихъ *лучше* большинства вашихъ. Когда я читаю разсужденія вашихъ ученыхъ, доказывающихъ, что никоновское исправленіе богослужебныхъ книгъ не могло испортить православной вѣры, я вполнѣ признаю это; но вотъ я вхожу въ вашу церковь, чтобъ посмотрѣть вашу вѣру, и въ смущеніи выхожу вонъ, такъ какъ вижу, что даже и своего-то, никоновскаго устава и обряда у васъ не исполняютъ. Сказать ли вамъ? Я разъ было совсѣмъ оставилъ старообрядчество и уже пришелъ прощаться къ своему попу; да тотъ спросилъ у меня: а не будешь ли тужить по насъ? Я и остался въ теперешнемъ положеніи: ни старообрядецъ, ни вашъ... Головой, умомъ и разсужденіемъ я весь вашъ; но мое чувство противъ васъ и въ старообрядествѣ оно находитъ себѣ успокоеніе. И вотъ не смотря на то, что я вижу всю незаконность нашего положенія, я все еще старообрядецъ, и чѣмъ кончу, не знаю самъ»... Это признаніе въ высшей степени характерно и интересно.

Кстати ужъ, — вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ изъ московскихъ же единовѣрцевъ: «Двое знакомыхъ, — одинъ православный, другой старообрядецъ, — долго спорили, чья вѣра истинная; старообрядецъ предложилъ наконецъ: пойдемъ, обойдемъ 40 церквей и будемъ глядѣть: умѣютъ ли попы ваши креститься? Пошли, — въ первой церкви

священникъ еле доводитъ руку до носу, — тяжела рука, не донесетъ до лба! не умѣетъ лба перекрестить! Православному досадно, обидно, стыдно; раскольникъ радъ и толкуетъ ему, почему это попь *не можетъ* правильно перекреститься: «антихристъ связалъ руку, потому и не можетъ поднять ее до чела... и вообразить истинный крестъ Христовъ». Идутъ дальше, — и въ другихъ церквахъ все то же; въ иныхъ еще и хуже. Обошли 8 церквей, — раскольникъ радуется и толкуетъ по своему, что такое значить, что попы не умѣютъ креститься; православный смутился, въ другія церкви не пошелъ и смотрѣть, да и совсѣмъ оставилъ церковь, ушелъ въ старую вѣру... Само собою разумѣется, что за недостатки и небрежность частныхъ людей, даже и священниковъ, отдѣляться отъ церкви не разумно и грѣшно; однако надо бы и намъ побольше имѣть состраданія къ слабой совѣсти людей. Слишкомъ труднаго подвига мы требуемъ отъ простолюдина, чтобы онъ усмотрѣлъ православную церковь, не глядя на наши папирсы, воротнички и тросточки, особенно на наше неумѣнье перекреститься истово и нашу небрежность относительно точнаго исполненія устава въ церковныхъ службахъ... Великое дѣло — чувство, религіозное чувство! Оно-то и тянетъ Нила Павлова въ старую вѣру. Я не сталъ, и никогда не стану, да и не могу порицать и отрицать то, что есть въ старообрядчествѣ хорошаго. Хорошее вездѣ хорошо, — и въ старообрядчествѣ, конечно, такъ же, какъ и въ нашей церкви. Я высказалъ все свое сочувствіе старообрядческой твердости въ вѣрѣ, ихъ усердію къ службѣ и уваженію къ церковнымъ уставамъ. Но я всегда разъясняю, и Нилу Павлову вмѣстѣ съ прочими слушателями старался разъяснить, что у старообрядцевъ, при всемъ ихъ желаніи быть вѣрными вѣрѣ отцовъ, во многомъ и самомъ существенномъ эта вѣра отцовъ нарушена. Въ примѣръ былъ взятъ вопросъ о числѣ просфоръ.

Я говорилъ:

— Когда при патриархѣ Никонѣ наименьшее число просфоръ на проскомидіи было указано пять, а не семь, то

родоначальники нынѣшнихъ старообрядцевъ этимъ страшно возмутились: какъ-де смѣли убавить двѣ просфоры?! Имъ, было жаль разстаться съ двумя просфорами. И доднесь старообрядцы все еще не могутъ успокоиться, — все еще горюють по убавленнымъ двумъ просфорамъ. А о чемъ горюють? — Богъ ихъ вѣдаетъ. Я спрашиваю у иныхъ: почему же непременно нужно семь просфоръ, а нельзя пять? Отвѣчаютъ: семью хлѣбами Господь насытилъ четыре тысячи человѣкъ. — Ну, такъ что жъ? — дѣйствительно семью хлѣбами Онъ насытилъ четыре тысячи человѣкъ; объ этомъ сказано въ 15-й главѣ Евангелія отъ Матѳея (зач. 64), — это вѣрно; но если поэтому требовать, чтобы на проскомидіи было семь просфоръ, то отъ чего же не требовать, чтобы ихъ было пять? — вѣдь и пятью хлѣбами Онъ же, Спаситель, насытилъ пять тысячъ человѣкъ? Объ этомъ писано у того же Евангелиста Матѳея въ 14-й главѣ (зач. 58). Видите, было два чуда: въ одинъ разъ Христосъ пятью хлѣбами, въ другой — семью напиталъ великое множество народа.

Нилъ Павловъ сказалъ: значить, оба числа священны, такъ что и на пяти просфорахъ позволительно совершать обѣдню?

— Разумѣется! — отвѣтилъ я, — можно приносить на проскомидію и пять, и семь и сколько угодно больше. Видали, конечно, сколько приносятъ просфоръ на литургіи для поминовенія родныхъ, живыхъ и умершихъ!

— Зачѣмъ же тогда уставъ: то *семь*, то *пять* просфоръ?

— Вотъ зачѣмъ: больше — сколько угодно, а меньше нельзя; хоть бы никто изъ прихожанъ не подалъ на проскомидію, хоть бы во всей церкви только и было народа, что священникъ да дьячекъ, и то должно быть пять просфоръ или семь (гдѣ какой уставъ), — меньше нельзя.

— Больше — сколько угодно, а меньше положеннаго нельзя?

— Да. Но семь ли, пять ли просфоръ, обѣдня одинаково совершается. Рѣшительно все равно, что семь, что пять. Потому что, — вы не удивляйтесь, — литургія никогда не со-

вершалась и не совершается и не будетъ совершаться ни на пяти, ни на семи, ни на десяти просфорахъ, — *но всегда на одной.*

— На одной?!

— На одной... И не только послѣ Никона, но и до Никона всегда таинство причащенія совершалось на одной просфорѣ, потому что примѣръ и законъ такъ совершать его преподаль намъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. Тайная вечеря, совершенная Имъ въ четвергъ, наканунѣ Его крестныхъ страданій, есть первая обѣдня. Обѣдня то же, что вечеря. И когда причащаемся, мы говоримъ: «вечери твоя тайныя днесъ, Сыне Божій, причастника мя пріими». Вѣчно одна и та же тайная вечеря, и одинъ совершитель таинства, — Господь Іисусъ Христосъ. А какъ Онъ совершилъ первую тайную вечерю, — по нашему первую обѣдню? Въ Евангеліи вотъ что объ этомъ повѣдано: *Ядущимъ же имъ (Апостоламъ), пріемъ Іисусъ хлѣбъ, и благословивъ преломи, и дающе ученикомъ, и рече: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое (Матѣ. гл. 26, зач. 10).* Слышите? — *пріемъ хлѣбъ*, — не хлѣбы, пять или семь, но хлѣбъ, — одинъ. Этотъ хлѣбъ становится тѣломъ Христовымъ. *Сіе есть тѣло Мое*, сказалъ Онъ. Тѣло же у Христа едино. Посему на причащеніе употребляется одна только просфора. Да и мы всѣ, которые причащаемся этого хлѣба небеснаго, которые принимаемъ въ себя Христа, должны помнить, что хотя насъ и много, но во всѣхъ насъ одинъ Христосъ; всѣ мы части одного тѣла — Христовой церкви, которая также одна: ибо «*всеи, по Апостолу (зач. 145, 1 Кор. 19 гл.) отъ единого хлѣба причащаемся.*» Вотъ почему всегда на причащеніе употребляется ни больше, ни меньше, какъ одна просфора. Выбрать ее изъ пяти, изъ семи — не все ли равно?...

— А что же другія просфоры означаютъ? — спросили мои слушатели, — зачѣмъ еще четыре (въ пяти) и шесть (въ семи)?

— Вы запомните это хорошенько, — отвѣтилъ я, — первая просфора, — изъ семи ли ее выбирать, или изъ пяти, — и она одна, употребляется на причащеніе. И священнику

строго наказано, чтобы причащалъ непременно этою одною, въ тѣло Христово предложенною, просфорою, и чтобы всячески опасался, какъ бы не причастить частицею изъ другихъ просфоръ. Все это потому, что на первой просфорѣ и на ней одной совершается таинство Евхаристіи; она именно прелается въ тѣло Христово. Вторая просфора назначена для того, чтобы изъ нея вынимать частицу въ честь Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи; третья — чтобы вынимать частицы въ честь святыхъ разныхъ чиновъ. И такъ въ обоихъ случаяхъ, — служатъ ли на семи, или на пяти просфорахъ. Разность начинается далѣе и состоитъ въ томъ, что когда служатъ на семи просфорахъ, то поминаютъ о здравіи: за четвертой — священство, за пятой — царствующій домъ, за шестой — всѣхъ православныхъ христіанъ; а когда служатъ на пяти просфорахъ, то и священство, и царство, и мірянъ поминаютъ о здравіи изъ одной четвертой. Въ этомъ и вся разница. Изъ седьмой же и пятой просфоры одинаково вынимаютъ частицы за умершихъ. Можно ли, разсудите, изъ-за такой незначительной разности не ходить за обѣдню въ православныя церкви?

Собесѣдники молчали. Я продолжалъ:

— Говорятъ иные, что никакъ нельзя поминать изъ одной просфоры всѣ три чина — священство, царство и народъ, потому что будто бы этимъ самымъ какъ-то смѣшиваются чины. Но... развѣ для Бога не все равно, кто ты: царь ли, священникъ ли, или простой человѣкъ? У людей есть чины; у Бога нѣтъ. Говорятъ, что нельзя смѣшивать чиновъ, а сами забываютъ, что на седьмой, заупокойной, просфорѣ поминаются вмѣстѣ всякіе чины: и священство, и цари, и народъ. Скажутъ, что есть разница между живыми и мертвыми? Но опять-таки эта разница есть только для насъ живыхъ людей; для Бога же нѣтъ мертвыхъ. Читайте въ 91 зачалѣ Евангелія отъ Маттея, что сказалъ Спаситель: *Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ.* У Бога всѣ живы. Если за упокой можно поминать и священство, и царство, и народъ надъ одной просфорой, то конечно и за здравіе эти чины

можно поминать надъ одной же просфорой. Такъ мы и дѣлаемъ. И такъ соразмѣриѣ: одна просфора за умершихъ, одна же и за живыхъ.

— Но вѣдь правильно и на семи просфорахъ служить: зачѣмъ же было измѣнять этотъ уставъ?

— Затѣмъ, — говорю, — чтобы во всемъ быть въ согласіи съ остальными православными народами. У всѣхъ православныхъ на проскомидіи употреблялось пять просфоръ; даже въ Кіевѣ было такъ, когда у насъ на Москвѣ служили на семи: вотъ и ввели единообразіе во всей православной церкви. Спорить и тогда было не изъ-за чего, и тѣмъ больше нечего спорить теперь! Понятно ли я говорю?

Возраженій не было. Ниль Павловъ выразилъ даже удовольствіе, что теперь узналъ, въ чемъ дѣло. Онъ признался, что много недоумѣній и смущеній въ народѣ отъ малознанія; а наставить — некому.

— А зачѣмъ на вашихъ печатяхъ перемѣненъ крестъ (осмиконечный на четырехконечный) и зачѣмъ отмѣнена подпись: «се агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра?» — спросилъ старикъ Григорій-глухой.

Я отвѣтилъ:

— Если на просфорѣ будетъ напечатано: «се агнецъ Божій», то что это будетъ означать? — То, что эта просфора знаменуетъ собою Христа Спасителя, названнаго отъ Іоанна Крестителя Агнцемъ Божиимъ. Но одна только просфора можетъ быть такъ названа, — именно та, изъ которой причащаемся, а не всякая. Значитъ такое наименованіе «агнецъ Божій» не ко всякой просфорѣ идетъ, а только къ одной. Если же всякую называть «агнцемъ Божиимъ», то выйдетъ, что будто бы не одинъ Христосъ Агнецъ Божій. Крестъ же четвероконечный потому лучше печатать на просфорѣ, особенно той, которая назначена для агнца, что она разрѣзается на четыре доли, или части, — прямо по линіямъ креста, и сами эти части располагаются такъ, что образуютъ четвероконечный же крестъ; а крестъ восьмиконечный чрезъ это не отвергается.

Говорили потомъ о хожденіи по солонь. Между прочимъ я сказалъ:

— Если кто слишкомъ дорожить тѣмъ, чтобы непременно идти за солнцемъ, тотъ долженъ знать, что это свѣтило, сотворенное Богомъ для того, чтобы во вселенной было свѣтло и тепло, нѣкогда угаснетъ, — придетъ и такое время.

Дѣдушка Григорій возразилъ, что этого быть не можетъ.

— Какъ, говорю, быть не можетъ? Вѣдь сказалъ же Господь, что предъ кончиною міра *солнце померкнетъ* (Матѣ. гл. 24, зач. 100)? Да и что такое солнце, чтобы такъ неотступно идти за нимъ человѣку? Вѣдь, если сравнивать, то передъ нимъ, дѣдушка Григорій, твоя душа дороже.

Дѣдушка Григорій обидѣлся за солнце.

— Какъ? солнце, отъ котораго вся жизнь на землѣ, которому Богъ велѣлъ сіять до скончанія міра, это солнце красное, — ты говоришь, — ничего не стѣитъ?!...

— Не такъ, дѣдушка! Я не сказалъ, что солнце ничего не стѣитъ. Я сказалъ, что душа человѣка такое сокровище, что дороже и самага солнца. Не за небо, не за солнце и звѣзды, и не за землю, а за твою душу грѣшную пролилъ на крестѣ свою кровь Господь Иисусъ Христосъ. И когда онъ страдалъ за наши грѣхи, то солнце померкло, земля потряслась со страха. Весь міръ не стѣитъ единой человѣческой души, а не то, что одно солнце. Кончится этотъ свѣтъ, не будетъ этого солнца, а душа твоя будетъ, потому что бессмертна она и вѣчно будетъ жить. За кѣмъ же ей идти на томъ свѣтѣ? Вѣдь этого солнца тамъ не будетъ... Все это я говорю къ тому, чтобы объяснить вамъ, что не за этимъ видимымъ солнцемъ, или не по этому видимому солнцу мы идемъ, когда крестимъ, на примѣръ, младенца, а за Христомъ и по Христу, Солнцу правды. Это Солнце не зайдетъ никогда; это Солнце вѣчно будетъ сіять. И день, когда свѣтло отъ Христа, будетъ безъ вечера — безконеченъ. Вотъ за этимъ-то Солнцемъ идутъ, когда ходятъ «посолонь».

Григорій и прочіе слушали съ большимъ любопытствомъ это объясненіе посолонія. Я продолжалъ:

— Что же значить, если я иду, напримѣръ, вокругъ церкви въ крестномъ ходу, или при крещеніи младенца, не «посолонь», а на встрѣчу солнцу? Опять и прежде всего, помните, что объ этомъ солнцѣ, которое ходить по небу, церковь при этомъ не думаетъ: она идетъ на встрѣчу Христу, Солнцу правды.

— Но что же это означаетъ «на встрѣчу солнцу?»

— То и означаетъ, что встрѣчаемъ Христа. Развѣ худо дѣлаетъ хозяинъ, когда встрѣчаетъ дорогого гостя? Нѣтъ: хорошо онъ дѣлаетъ. И мы хорошо дѣлаемъ, какъ бы выходя на встрѣчу Христу, Царю небесному. Господа Иисуса Христа сняли со креста, обвили плащаницами (благообразный Иосифъ съ Никодимомъ) и положили во гробъ новомъ. Было это въ пятницу. Наше истинное солнце — Христосъ Богъ нашъ зашелъ во гробъ... Но вотъ въ свѣтлое воскресенье, раннимъ утромъ, оно возшло: «изъ гроба красное намъ возсія солнце». Какъ женихъ изъ чертога вышелъ Христосъ изъ гроба. Мүроносицы жены пошли помазать тѣло умершаго Иисуса драгоценными мазями, — но вмѣсто умершаго встрѣтили воскресшаго Господа: оказалось, что они вышли ему на встрѣчу. И теперь церковь, невѣста, идетъ справа налево — на встрѣчу своему Солнцу, Христу, Жениху своему. Что же тутъ плохого?

— Значить, и то и другое хорошо? — спросилъ Ниль Павловъ.

— Я думаю, что и по солнцу и на встрѣчу солнцу одинаково хорошо ходить «вокругъ церкви».

— Толкуй ты! Все-то у васъ перепорчено, всю вѣру разорили! — вдругъ совершенно неожиданно заключилъ Григорій. Всталъ, взялъ въ руки картузь, и ушелъ.

— Поймай, дѣдъ, побесѣдуемъ еще.

Но онъ ушелъ и больше не приходилъ. Объясняли мнѣ, что онъ по глухотѣ не все могъ слышать, отъ того и ушелъ... Не знаю, но я былъ крайне удивленъ: человѣкъ все какъ-будто понималъ что говорилось, соглашался, и вдругъ это: «все-то у васъ перепорчено!»...

Изъ собесѣдниковъ, кромѣ этихъ двухъ, Никола Павлова и Григорія глухого, я запомнилъ хорошо еще Семена Андреева. Онъ изъ деревни Вахрушева, сосѣдняго Бесѣднинскаго прихода, скромный, молчаливый мужичокъ, лѣтъ подь сорокъ. Съ великимъ интересомъ онъ слушалъ, изрѣдка лишь задавая вопросы. Когда шла рѣчь о необходимости для всякаго христіанина причащаться тѣла и крови Господней, онъ сказалъ съ сокрушеніемъ: «А мы-то? Я и не помню, когда причащался! Должно быть, когда маленькимъ былъ, мать причащала; а самъ — и не помню, чтобы когда причащался». — Онъ звалъ меня въ Вахрушево и къ себѣ на домъ.

Поздно, часовъ въ 10, уѣхалъ я изъ Губина въ Домшино.

VI.

Въ Мешехонскомъ приходѣ.

На другой день (24 апрѣля) мы поѣхали со старостой въ село Мешехонье. Я рассчитывалъ, что въ среду (25-го), въ праздникъ Преполовенія, придетъ не мало народа въ церковь и будетъ съ кѣмъ и для кого поговорить. Но оказалось, что въ этотъ день и службы здѣсь не бываетъ, потому что народъ не считаетъ Преполовеніе за праздникъ и работаетъ. Рѣшили поэтому съѣздить въ деревню Кирьяково и дали туда знать черезъ церковнаго сторожа; еще дали знать въ другую какую-то деревню, чтобы желающіе слушать бесѣду приходили въ Кирьяково. 25-го утромъ мы встали въ 6-мъ часу и вмѣстѣ съ мешехонскимъ священникомъ, о. Николаемъ Левицкимъ, поѣхали туда. О. діаконъ повезъ мѣшокъ моихъ книгъ. До Кирьякова версты три. Для бесѣды избранъ былъ домъ Якова Семенова, кирьяковскаго богача и купца.

Народъ собирался постепенно. Всѣ стулья и диваны были заняты; принесли скамьи, — и тѣ заняли. Много народа стояло въ передней и въ сѣняхъ. Двери, разумѣется, были открыты. Кромѣ мужчинъ (человѣкъ до 50) были женщины и даже дѣти, хотя и не много. Итакъ не смотря на то, что день былъ рабочій, народу сошлось довольно. Иные приходили прямо съ

пашни, отъ сохи, бросивъ для бесѣды работу. Сначала мало было собственно собесѣдованія: я говорилъ, и меня молча слушали, какъ слушаютъ проповѣдь въ церкви. Съ приходомъ знакомаго мнѣ по великопостному собесѣдованію въ Домшинѣ Василя Яковлева бесѣда оживилась. Онъ прибѣжалъ прямо съ поля, босикомъ и въ одномъ коротенькомъ полушубкѣ. Сотворивъ обычный началъ, при чемъ довольно громко читалъ начальныя молитвы, онъ поздоровался съ о. Николаемъ и со мной, какъ со старымъ знакомымъ. Извинился, что не поспѣлъ къ началу: «хотѣлось допахать загонъ». Выказалъ, что радъ еще случаю побесѣдовать, и усѣлся напротивъ меня.

На этомъ Васильѣ Яковлевѣ я могу видѣть, что даже кратковременная бесѣда не остается безъ вліянія. Изъ домшинскаго собесѣдованія онъ многое запомнилъ. И, — почему онъ особенно и запомнился мнѣ, — имя Іисусъ онъ уже не боялся выговаривать, дѣлая удареніе тамъ, гдѣ слѣдуетъ: онъ говорилъ не Іі́сусъ, но Іису́съ. Я напомнилъ ему великопостную бесѣду съ нимъ. Такъ какъ онъ тогда не видалъ старопечатныхъ книгъ, то я показалъ ему это имя въ Іоасафоскомъ и юсовомъ (изъ семинарской библіотеки) Евангеліяхъ. Онъ мало спорилъ. Другіе же поспорили, — и больше всѣхъ Севастьянъ Трифоновъ, русый мужикъ лѣтъ 50. Онъ, въ разговорѣ, часто посматривалъ въ какія-то рукописи. Отсюда, очевидно, онъ черпалъ свои мысли. При одномъ случаѣ онъ даже предложилъ мнѣ прочесть «вотъ это».

— Что же это такое?

— Виноградъ російскій и соловецкая.

— Благодарю, — отвѣчалъ я. И читать не стану. Читалъ и знаю...

Севастьянъ опечалился... Его книга, которой онъ вѣритъ, вдругъ при всемъ народѣ удостоена такого отзыва, что и читать ее не стоитъ. Ему было обидно за свою книгу и вѣру, которая держится вся на этой книгѣ.

— Отъ чего? Хорошая книга.

— Хорошая, говорю, — особенно названіе «Виноградъ»... Василій Яковличъ! Поговори-ка ты ему объ этихъ книгахъ,

которыхъ не читаль и не одобряль не то — что патріархъ, или архіерей, но даже и ни одинъ древлеправославный дьячекъ. Помнишь, что ты говорилъ объ несвидѣтельствованныхъ книгахъ?

Василій подтвердилъ, что ни на Соловецкую, ни на Виноградъ и подобныя книги никакъ нельзя ссылаться: онѣ не имѣютъ ни дониконовской древности, ни надлежащаго церковнаго авторитета.

Севастианъ спрашиваетъ: «Что же? — такъ ничего и не стòять они?»

— Нѣтъ, говорю, стòять; но столько же мало для меня, какъ наша исторія для тебя. Василій не даромъ не придаетъ такимъ книгамъ никакого значенія въ спорныхъ вопросахъ. А между тѣмъ вы всю свою мудрость почерпаете изъ этихъ книгъ: вы стоите не на старопечатныхъ и старописьменныхъ книгахъ, а именно на этихъ сочиненіяхъ вашихъ первыхъ наставниковъ. Вѣдь если разсуждать такъ, какъ разсуждается въ Соловецкой, тогда нельзя слѣдовать никакой книгѣ, потому что разностей въ книгахъ множество, а Соловецкая всякую разность одной книги противъ другой зачисляетъ въ ересь. Слѣдуя этому способу разсужденія о книгахъ, что мы сдѣлаемъ съ самыми Евангеліями? Вотъ въ одномъ напечатано: «Отче нашъ иже еси на небесѣхъ»; въ другомъ *еси* нѣтъ. Какъ тутъ быть? Вѣдь это ересь, по разуму Соловецкой. Или вотъ еще: читайте Тріодъ патріарха Іова (читаются книги при этомъ). Напечатано: «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь дарова». Въ Тріоди же патріарха Іоасафа (въ Вологодской моленной видалѣ) эта же пѣснь такъ читается: «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, гробнымъ животь дарова». Вы слышите разность? Знай эту разность Соловецкіе челобитчики, они непременно обличили бы патріарха Іоасафа въ ереси; а за ними вы, не разсуждая, стали бы кричать, что Іоасафъ еретикъ, потому что вмѣсто «смертію смерть поправъ», напечаталъ «смертію на смерть наступи». Вѣдь кричите же, что Никонъ еретикъ,

потому что Христосъ воскресъ читается въ его книгахъ не по Иоасафовски, а по Іововски.

Утвердивши, какъ мнѣ казалось, своихъ собесѣдниковъ въ той мысли, что разница въ буквахъ не есть еще разница въ вѣрѣ, и что Соловецкая челобитная не надежный руководитель, я возвратился къ той мысли, что старыя книги не оправдаютъ старообрядцевъ. Такъ я указалъ по этимъ книгамъ, что въ нихъ встрѣчается имя *Иисусъ*.

— И, однако, — продолжалъ я, — вы обвиняете насъ, что будто бы подъ этимъ именемъ *Иисусъ* мы вѣруемъ въ иного бога... въ антихриста... Такую дикую мысль выдумали ваши первоучители; а вы ее повторяете! Вотъ объ этомъ вашемъ обвиненіи давайте поговоримъ.

И вотъ какія мысли я изложилъ имъ. Объ *Иисусѣ Христѣ* повѣствуетъ святое Евангеліе, что Онъ родился, когда «изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную»; умеръ при Понтійскомъ Пилатѣ; воскресъ изъ мертвыхъ, вознесся на небо и паки придетъ со славою судити живыхъ и мертвыхъ. Онъ есть истинный Богъ нашъ, воплотившійся и вочеловѣчившійся насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія отъ Духа Свята и Приснодѣвы Маріи; спасеніе наше Онъ содѣлалъ на крестѣ, бывши умерщвленъ и распятъ и проливши свою кровь за наши грѣхи... Развѣ таковъ будетъ антихристъ? Развѣ онъ родился тогда, когда «изыде повелѣніе кесаря Августа написати всю вселенную?» Развѣ Онъ умеръ на крестѣ за наши грѣхи? Развѣ Онъ вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца? Развѣ Онъ послалъ апостольской церкви Духа Святаго?... Боже мой! до чего можно договориться, если толковать по вашему, что *Иисусъ* инъ богъ...

— Нѣтъ вашъ *Иисусъ* родился 8 лѣтъ спустя послѣ нашего *Иуса*, — замѣтили мнѣ.

— Если такъ, то значить въ то время, когда *Иусу* Христу было 33½ года, *Иисусу* Христу было на восемь лѣтъ меньше, т.-е. только 25½ и значить Онъ былъ именно современникъ *Иуса*, почти ровесникъ Ему.

Василій Яковлевъ заинтересовался этими цифрами; Севастьянъ же долго не понималъ; не понимали и другіе.

Я просилъ Василю Яковлева растолковать имъ, въ чемъ дѣло. Когда, казалось, уже всѣ поняли, Гаврило съ Сухолома все-таки замѣтилъ: «*Исусъ* Христосъ родился въ лѣто отъ сотворенія міра 5500, а *Иисусъ* въ лѣто 5508. Ваша церковь проповѣдуетъ другой годъ рожденія, чѣмъ древнеправославная, какового и мы держимся».

Я замѣтилъ Гаврилѣ: церковь не проповѣдуетъ, что Христосъ родился въ 5508 году отъ сотворенія міра.

— Какъ не проповѣдуетъ?!

— Она проповѣдуетъ, что Христосъ родился; въ Евангеліи она находитъ годъ, въ какомъ Онъ родился, — именно знаетъ изъ Евангелія, что это было въ томъ году, когда «изыде повелѣніе кесаря Августа написати всю вселенную» (Лук. зач. 5); но какой именно это былъ годъ *отъ сотворенія міра*, я изъ устъ церкви прямо не слыхалъ, да и ты не слыхалъ.

— Что вы говорите?! въ вашемъ календарѣ прямо сказано, что Христово рождество было въ лѣто отъ сотворенія міра 5508; какъ же вы увѣряете насъ, что церковь ваша этого не проповѣдуетъ!... Покажите календаръ; есть онъ у васъ?

— Календаря со мной нѣтъ; да и зачѣмъ онъ мнѣ?! Ты не говори: въ вашемъ календарѣ! Календаръ не церковная книга; онъ столько же нашъ, сколько и вашъ.

— Да вѣдь ваша же церковь проповѣдуетъ, что Христосъ родился въ 5508 г. отъ сотворенія міра!!

— Никогда этого церковь не проповѣдала. Она проповѣдуетъ Христа, «насъ ради человекъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася». А сколько лѣтъ до воплощенія Сына Божія прошло отъ сотворенія міра, церковь, и наша и ваша, объ этомъ молчитъ. И я не знаю, въ какомъ году отъ сотворенія міра Христосъ родился.

— Какъ? ужели не знаешь? Вѣдь въ вашемъ же календарѣ (жаль, что его при тебѣ нѣтъ) прямо сказано, что въ 5508...

— Ты опять о календарѣ... Да я календарю не вѣрю, — и все тутъ. Развѣ календарь Евангеліе, или Апостоль, или какая святоотеческая книга? Слыхалъ ли ты, чтобы въ церкви его читали когда-нибудь?

— Календарь не читаютъ... А все же въ новыхъ книгахъ несогласно со старыми говорится о томъ, когда родился Христосъ, — въ новыхъ указанъ 5508-й годъ, а въ старыхъ 5500-й.

— Значить и по твоему новыя книги согласны со старыми, когда говорятъ, что Христосъ родился?

— Въ этомъ-то согласны, а о годѣ рожденія несогласны.

— И о годѣ рожденія согласны, потому что и старопечатное Евангеліе и новопечатное въ 5-мъ зачалѣ отъ Луки одинаково указываютъ годъ рожденія Христа Спасителя: «Бысть во дни твѣ изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную». И отъ рождества Христова, по всѣмъ книгамъ, идетъ теперь 1890 г.

— Да какъ же, — по вашему до Рождества Христова прошло отъ сотворенія міра 5508, а по старопечатнымъ книгамъ 5500 лѣтъ?

— Такъ значить не о годѣ рожденія спорятъ книги, а о томъ, какой это былъ годъ отъ сотворенія міра, — такъ что ли?

— Да вѣдь это все равно!

— Нѣтъ, не все равно. Книги не спорятъ о томъ, какой теперь годъ отъ рождества Христова; значить согласно признаютъ одинъ и тотъ же годъ, въ который Христосъ родился и отъ котораго теперь идетъ счетъ лѣтъ. Книги несогласны только по вопросу о томъ, какой это былъ годъ отъ сотворенія міра: одни говорятъ, что 5508-й, другія — 5500-й. Но вѣдь это не касается вѣры; да и между старыми книгами по этому вопросу есть разница: въ одной написано, что отъ сотворенія міра до рождества Христова столько-то лѣтъ, а въ другой не столько.

— Нѣтъ, старыя книги всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что Господь родился въ 5500 лѣтъ отъ сотворенія міра.

— Не говорите такъ, потому что это неправда.

Я взялъ въ руки книгу Кириллову и сталъ читать на л. 13: «пришествіе Христово первое бысть съ небесъ на землю въ полшесты тысячи лѣтъ отъ сотворенія свѣта, егда изволи во утробу Пречистыя Дѣвы отъ Духа Святаго по челоуѣчеству зачатися и родитися».

— Вотъ, видишь, прямо сказано въ полшестъ тысячи лѣтъ, т.-е. въ 5500 году.

— Ну, этого еще я не вижу: здѣсь время рожденія Христа Спасителя не указано же со всею точностью, что вотъ именно въ 5500 году отъ сотворенія міра оно было, а говорится, приблизительно, — въ половинѣ шестой тысячи. Но не стану спорить, — пусть тутъ именно разумѣется 5500 годъ. Почитаемъ теперь въ этой книгѣ листъ 500-й на оборотѣ. Здѣсь кончается посланіе Константина, князя Острожскаго, о православной вѣрѣ, написанное противъ уніи. Кончается оно такими словами: «Въ лѣто отъ созданія міра 7104, а отъ по плоти Рождества Христова 1595, мѣсяца іюля 24, написася». Князь Константинъ ведетъ лѣтосчисленіе и отъ мірозданія и отъ рождества Христова. Не трудно узнать, сколько онъ считалъ до рождества Христова отъ сотворенія міра: надо только изъ годовъ отъ сотворенія міра до написанія посланія вычесть годы отъ рождества Христова до написанія посланія. Если изъ 7104 вычесть 1595, то выйдетъ 5509. Значитъ князь Константинъ считалъ, что Христосъ родился отъ сотворенія міра въ 5509 году.

— Быть не можетъ!

— Считайте сами.

— Да тутъ говорится не о томъ, въ какомъ году Христосъ родился; здѣсь говорится о времени написанія посланія.

Нужно было разъяснить, что по этимъ указаніямъ легко высчитать, какой годъ отъ сотворенія міра Константинъ Острожскій, а съ нимъ вмѣстѣ и издатель Кирилловой книги, считали годами рождества Христова. Хозяинъ-торговецъ принесъ счеты. И по счетамъ получался тотъ же годъ, какой при моемъ устномъ вычисленіи.

— Вотъ, говорю, вы сами видите, что Константинъ,
Записки миссіонера. II.

православія великій защитникъ, считалъ годомъ Рождества Христова отъ сотворенія міра не 5500-й годъ, а 5509-й, — значитъ ровно 5508 лѣтъ. Жилъ же Константинъ Острожскій много раньше Никона, — значитъ, не Никонъ выдумалъ 5508 годъ. Не говорите же на насъ, что мы отбавили 8 лѣтъ Христу. Видите, одна и та же книга, а по разному говоритъ на разныхъ страницахъ о годахъ отъ сотворенія міра до рожденія Христова. Хотите ли видѣть, что и книга Вѣра признаетъ не одинъ и тотъ же годъ рожденія Христова.

— Покажи.

Я раскрылъ Книгу о вѣрѣ и сталъ читать на листѣ 167, на об., изъ 18 главы: «Соборовъ описаніе вкратцѣ. Первый соборъ въ Никей вифинійстѣй, въ лѣто отъ сотворенія міра пятьтысящное осмь сотъ 25, по иныхъ 300 осмое надесять. А отъ воплощенія Сына Божія 325 (по нѣкихъ 318)». Слышали, что я прочелъ?

— Слышали. Ты намъ растолкуй.

— Толковать тутъ нечего, — надо просто запомнить, что прочитали. Что міръ сотворенъ и что первый вселенскій соборъ былъ — это несомнѣнно. Но сколько лѣтъ прошло отъ сотворенія міра до 1-го вселенскаго собора? «Первый, читаемъ, соборъ въ лѣто отъ созданія міра 5825-е, по иныхъ 318», т.-е. 5318. Велика ли здѣсь разница въ счетѣ лѣтъ до собора отъ созданія міра? Вычтите изъ 5825 лѣтъ 5318, останется 507 лѣтъ. Вотъ вы и потолкуйте! Считали годы отъ сотворенія міра до перваго вселенскаго собора, и одни насчитали 5825, а другіе на 500 слишкомъ лѣтъ меньше, — только 5318!

— Пойдемъ дальше: «а отъ воплощенія Сына Божія 325 (по нѣкихъ 318)». Опять, — считали, сколько лѣтъ прошло отъ рождества Христова до перваго вселенскаго собора, и также разные люди по разному сочли, — одни говорили 325, другіе — 318. Вы не очень удивляйтесь такой разности; вѣдь вы хорошо знаете, что «сколько головъ, столько умовъ»... Вотъ, что ваша церковь построена, — это вѣрно, и что отецъ Николай при ней священникомъ, — это тоже вѣрно. Объ этомъ никто не можетъ

спорить. Ну, а сколько лѣтъ прошло съ построения вашего храма до поступленія къ нему о. Николая, объ этомъ я могу съ тобой, примѣрно, Василій Яковлевичъ, — спорить. Ты скажешь, что о. Николай поступилъ къ вамъ 180 лѣтъ спустя отъ построения вашей церкви, а я пожалуй буду говорить, что не 180, а 161 годъ спустя. Бѣды въ этомъ не будетъ. Но возвратимся къ тому, что мы прочитали въ Книгѣ о вѣрѣ. Сообразите вы сами: говорится, что до 1-го вселенскаго собора отъ сотворенія міра прошло 5825 лѣтъ; теперь, если отъ рождества Христова, какъ здѣсь же говорится, прошло до этого собора 325, то значить отъ сотворенія міра до рождества Христова считается 5500 лѣтъ ($5825 - 325 = 5500$); а если, какъ здѣсь же говорится, прошло не 325 лѣтъ, а только 318, то значить и отъ сотворенія міра до рождества Христова считается уже не 5500, а 5507 лѣтъ ($5825 - 318 = 5507$). И еще въ той же книгѣ говорится, что отъ сотворенія міра до 1-го вселенскаго собора другіе считаютъ 5318 лѣтъ. Теперь, если отъ рождества Христова до собора считать 325 лѣтъ, то отъ сотворенія міра до рождества Христова выйдетъ только 4993 года ($5318 - 325 = 4993$), а если считать 318 лѣтъ, то выйдетъ 5000 ($5318 - 318 = 5000$).

— Повторимъ, что мы узнали изъ Кирилловой книги и Книги о вѣрѣ относительно года рождества Христова отъ сотворенія міра:

по Кирилловой книгѣ л. 500 об. это есть 5509-й годъ ($7104 - 1595 = 5509$)

по Книгѣ о Вѣрѣ л. 167 об. это есть:

1) 4993-й годъ ($5318 - 325 = 4993$).

2) 5000-й годъ ($5318 - 318 = 5000$).

3) 5500-й годъ ($5825 - 325 = 5500$).

4) 5507-й годъ ($5825 - 318 = 5507$).

— Итакъ, мы сравнивали показанія двухъ книгъ о годѣ рождества Христова отъ сотворенія міра и нашли 5 различныхъ цифръ, при чемъ есть разница не только на 8 лѣтъ (какъ между годами 5508 и 5500), но и на цѣлыхъ 516

(5509 и 4993). А все же, во всѣхъ этихъ мѣстахъ одинаково проповѣдуется рожденіе единого Христа. Разсуждай я, какъ разсуждаютъ иные изъ старообрядцевъ, что, если въ разныхъ книгахъ указаны равные годы отъ сотворенія міра до рождества Христова, то, значить, въ нихъ проповѣдуется не объ одномъ Христѣ, — разсуждай я такъ, я бы не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этими старопечатными книгами, въ которыхъ такъ различно опредѣляется годъ рождества Христова. Но я не боюсь, что одинъ человекъ насчиталъ на 8 лѣтъ больше, а другой на 507 годовъ меньше отъ мірозданія до рождества Христова, — я не боюсь такой разности, я знаю, что міръ сотворенъ единымъ Творцемъ всего видимаго и невидимаго, и что здѣшній міръ людской спасенъ единымъ безгрѣшнымъ Господомъ нашимъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ, — а до годовъ мнѣ мало дѣла... Я знаю хорошо, что все это было дѣйствительно; а сколько лѣтъ тому назадъ было, — объ этомъ хорошо, если знаю, но никакой бѣды нѣтъ, если и не знаю.

Рѣчь о разности въ лѣтосчисленіи шла очень долго. Слишкомъ трудно было моимъ слушателямъ принять, понять и согласиться, что можетъ быть такая разность. Однако должны были понять и согласиться. Вообще, я употреблялъ всѣ старанія, чтобы доказать, что разность въ лѣтосчисленіи на 8 лѣтъ не можетъ служить доказательствомъ, будто новыя книги проповѣдуютъ иного Христа сравнительно со старыми.

Когда шла рѣчь о причащеніи, я, разобравши безпоповщинскія мудрованія о возможности для христіанина обходиться безъ причащенія святыхъ таинъ, приступилъ къ изложенію положительнаго ученія церкви объ этомъ великомъ таинствѣ. Въ это время надвинулась очень грозная туча; въ комнатѣ, гдѣ мы бесѣдовали, стало темно. Народъ подъ грозой затихъ, крестясь при каждомъ ударѣ грома. Я говорилъ (между прочимъ):

— Никто не знаетъ лучше самого Установителя таинства причащенія всей его нужды для насъ, грѣшныхъ людей. А онъ что говоритъ? Своимъ божественнымъ словомъ Онъ

завѣряетъ всѣхъ насъ, что необходимо причащеніе каждому, вѣрующему въ Него: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ.*

Только-что я прочиталъ по Евангелію это слово Христа Спасителя, какъ раздался необыкновенно сильный ударъ грома. Многіе вздрогнули; всѣ перекрестились. Когда замерли послѣдніе звуки грома, я продолжалъ:

— Слышнѣе, чѣмъ этотъ громъ небесный, раздалось слово Христа Спасителя. Мы одну минуту слышали этотъ громъ; а слово Христово на всѣ вѣка гремитъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ.* И если, когда грянулъ громъ, всѣ невольно вздрогнули и перекрестились, то какъ же до сей поры не образумятся наши безпоповцы, какъ не страшень имъ громъ Христовыхъ словесъ, что безъ причастія невозможно спасеніе? Этотъ громъ прокатился какъ бы прямо надъ безпоповскими головами; а они не слышатъ, или не слушаютъ. На что ужъ нѣмцы, лютеране, и тѣ причащаются; а наши русскіе, величающіе себя православными, мечтаютъ, что будто бы можно спастись и безъ благодатнаго таинства соединенія со Христомъ. И не только сами не принимаютъ Христа чрезъ это таинство, но и другихъ учатъ жить безъ причащенія святыхъ таинъ. Но мы, ученики Христовы, не разлучились со Христомъ. *Господи! Камо идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имашеи...* А вотъ глаголь Его: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ.* И глаголь Его ясенъ, какъ эта ослѣпительная молнія, и слышенъ, какъ этотъ оглушительный громъ, и страшень, какъ громъ же, даже страшнѣе грома. «Страшенъ отвѣтъ Христовыхъ словесъ» говорится въ книгѣ о Вѣрѣ (л. 51, гл. 6), и яко истина суть словеса Его симъ заключаетъ: *небо и земля мимо идетъ, словеса же Моя не мимо идутъ* (Маѳ. зач. 101). Кто не ужаснется отъ вышереченнаго запрещенія и не послушаетъ гласа Господня? развѣ той, иже животъ вѣчный погубити хочетъ...» Мы не хотимъ погу-

бить живота вѣчнаго, мы хотимъ спасти его; будемъ же слушаться гласа Господня, который призываетъ насъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое... пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя*, — рѣшительно всѣ, и старыя и малыя, и люди всѣхъ странъ и народовъ, — потому что за всѣхъ Христосъ положилъ свою душу и за всѣхъ пролилъ свою животворящую кровь. Кто наперекоръ Христову повелѣнію «пійте отъ нея вси», становится къ сторонкѣ, когда другіе идутъ къ чашѣ святаго причащенія, какъ бы говоря: идите вы, а я не пойду, тотъ несчастный думаетъ, очевидно, спасти свою душу самъ, своими силами.

Толковали и о разныхъ «новшествахъ», считаемыхъ старовѣрами за страшныя ереси, о чаѣ, о табакѣ, бородахъ. Они утверждали, что брить бороду — грѣхъ. Я отвѣчалъ:

— По моему, мужчина съ бородой благообразнѣе, чѣмъ безъ бороды. Особенно не идетъ бриться старикамъ. По моему, борода, особенно хорошая, большое украшеніе мужчины. Кромѣ того, бородой мужчина отличается отъ женщины, и ненужно лишать его этого отличія. Но все-таки, ужели грѣхъ — брить бороду?

— Грѣхъ, — говорятъ, — потому-что ей Богъ повелѣлъ расти.

— А волосы на головѣ грѣхъ подстригать?... а ногти грѣхъ остригать? Вѣдь и имъ Богъ повелѣлъ расти...

— На головѣ — другое дѣло...

— Ничѣмъ, — говорю, — не разнятся волосы на головѣ и на бородѣ. Если грѣхъ брить бороду, то грѣхъ же и стричь голову.

— Нигдѣ не писано, что грѣхъ стричь голову, а про бороду писано, что ее грѣхъ брить.

— Гдѣ же писано?

— Въ Кормчей.

— Это посланіе, что ли, монаха Никиты, напечатанное въ Кормчей? Ты его разумѣешь, когда говоришь — писано о бородѣ?

— Да.

— Слушайте, что я скажу объ этомъ. Никита не святой отецъ и посланіе его не каноническое, какъ есть каноническія посланія нѣкоторыхъ святыхъ отецъ, — это разъ. Второе: Никита написалъ посланіе о латинскихъ ересяхъ; онъ дѣлаеть обличенія латинскихъ отступленій на основаніи Евангелія и правилъ св. отецъ и вселенскихъ соборовъ. Но когда онъ дошелъ до обличенія брадобритія латинскихъ поповъ, то промахнулся, сославшись на законъ: въ законѣ писано: «постризало да не въздетъ на брады ваши». Онъ говоритъ: въ законѣ; а въ какомъ законѣ? Въ нашемъ христіанскомъ нѣтъ указа, чтобы не бриться, или не стричься. Это было писано въ ветхомъ законѣ; но вѣдь «прейде сѣнь законная, благодати пришедшей». А если кто думаетъ, что непременно нужно исполнять обрядовый законъ Моисеевъ, тотъ почитай въ Дѣянїяхъ апостольскихъ главу 15 объ отмѣнѣ Моисеева закона для христіанъ, и еще въ Посланіи Ап. Павла къ галатамъ, гдѣ говорится, что даже обрѣзаніе, самый главный изъ обрядовыхъ законовъ Моисея, не имѣеть никакого отношенія къ нашему спасенію, что все спасеніе наше во Христѣ. Монахъ Никита сослался на законъ; но вѣдь въ этомъ законѣ и свинины не велѣно ѣсть, однако христіане ѣдятъ ее, не смотря на запрещеніе ветхаго закона. Значить, христіане могутъ бриться и стричься, не смотря на запрещеніе ветхаго завѣта. Кто думаетъ, что безбородаго, съ остриженной, или бритой бородой, Богъ въ рай ни приметъ, тотъ не знаетъ Евангелія, гдѣ нѣтъ и помину о спасительной силѣ человѣческой бороды.

Была еще рѣчь о дрожжахъ, — спрашивали: «можно ли печь просфоры на дрожжахъ? — вѣдь дрожжи дѣлаются изъ хмѣля, а въ хмѣлѣ пьянство».

Я сказалъ: Если бояться хмѣля, въ видѣ дрожжей, то какъ не боимся причащаться виномъ, подъ видомъ котораго подается кровь Христова? Самъ Христосъ установилъ таинство причащенія Его кровію подъ видомъ вина.

Много и еще было говорено и спрашивается. Конецъ дня прошелъ именно въ вопросахъ; мои собесѣдники не спорили,

только все спрашивали, особенно Василій Яковлевъ. Мы мирно разстались въ 7 часовъ вечера.

Возвращаясь съ о. Николаемъ въ село, я чувствовалъ себя очень хорошо и, казалось, не замѣчалъ усталости, хотъ проговорилъ 12 часовъ непрерывно; но, поужинавши, заснулъ какъ убитый.

На другой день (26 апрѣля) я часовъ до 12 все ждалъ Василя Яковлева и другихъ, которые съ нимъ хотѣли придти еще побесѣдовать; но они не пришли. Изъ Курьякова пришли только два брата — старики, не бывшіе вчера на бесѣдѣ за отлучкою куда-то изъ деревни, да изъ сосѣдняго Елданскаго прихода — нѣсколько женщинъ, также изъ другихъ деревень всего до десятка. Съ ними побесѣдовалъ часа три и вечеромъ въ 4 часа я уѣхалъ изъ Мешехонья.

VII.

Въ дер. Сухоломѣ.

Дорога изъ Мешехонья въ Домшино идетъ по Петербургскому почтовому тракту. На немъ стоитъ деревня Сухоломѣ, гдѣ живетъ Гаврила Дмитриевъ, бесѣдовавшій со мною и вчерашній день и на Горѣ 22-го числа. Я велѣлъ кучеру завернуть къ нему. Вошелъ въ его избу. Онъ съ нѣсколькими гостями сидѣлъ за столомъ, чай пилъ. Всталъ и подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе. Въ числѣ гостей былъ и Семень Яковлевъ, въ домѣ котораго наканунѣ съ утра до вечера шла бесѣда.

И меня усадили за столъ пить чай. За чаемъ вспомнили вчерашнюю бесѣду. Вспоминая, мы повторяли сказанное въ ней. Пришлось достать изъ мѣшка книги, чтобы заставить почитать хотъ и читанное вчера, но уже позабытое нынѣ. Очень смысленный мужикъ Варѣоломей читалъ и помогалъ мнѣ разъяснить читанное. Я всегда бываю радъ собесѣдникамъ, въ родѣ этого Варѣоломея. Онъ понималъ — и другимъ сдѣлаетъ понятнымъ то, что самъ понималъ. Узнавши, что у Гаврилы сидитъ миссіонеръ, народъ сталъ приходить и набралась полная изба слушателей. Я засидѣлся часа на два

слишкомъ. Изъ этой бесѣды передамъ лишь то, что больше всего интересовало слушателей, — именно рѣчи о печати антихристовой.

У Гаврилы Дмитріева есть не мало книгъ, — онъ почи- тываетъ черезъ очки. Когда рѣчь зашла объ антихристѣ, онъ досталъ книгу «Альфа и Омега» и просилъ прочитать изъ нея 67-ю главу и растолковать ее. Здѣсь идетъ рѣчь именно объ антихристѣ. Самыми мрачными чертами изобра- жается время его гоненій на церковь. Между прочимъ гово- рится, что земля ничего не будетъ родить, что рыба въ мо- ряхъ и рѣкахъ перемретъ, народъ съ голоду будетъ умирать и некому будетъ хоронить умирающихъ. Когда читалось это мѣсто, кто-то изъ слушателей сказалъ: «Видите, какія страсти будутъ! Теперь же ничего этого нѣтъ: и земля родить и жи- вая рыба въ водахъ». Семень Яковлевъ, обращаясь ко мнѣ говорилъ: «я вѣрю, что это будетъ, а вотъ Гаврила не вѣ- ритъ; я же вѣрю, что непременно это будетъ».

— Не дай Богъ, — отвѣтилъ я, — чтобы такіе ужасы по- стигли землю и человѣческій родъ. Но что этотъ антихристъ, о которомъ здѣсь говорится, еще не пришелъ, это совер- шенно ясно, потому что теперь, благодареніе Богу, время вовсе не такое ужасное, какъ тутъ описано. У насъ и земля еще родить хлѣбъ, и рыбку мы временами кушаемъ, и нигдѣ, во всю дорогу, я не видалъ, чтобы на улицѣ валялся мертвецъ и некому бѣ было его похоронить, и имя Господа нашего Христа Спасителя вездѣ прославляется, и храмы Бо- жіи на всякомъ мѣстѣ. Нѣтъ никакого гоненія на право- славныхъ христіанъ. Я не считаю за гоненіе, когда безпас- портныхъ бродягъ сажаютъ въ тюрьму: странники-бѣгуны сами себѣ добываютъ гоненіе, — они играютъ въ него. И ни на комъ я еще не видалъ печати антихриста. Ты, Гаврила, не слушай тѣхъ, которые въ нашемъ троеперстїи видятъ эту печать. Антихристъ будетъ врагъ Христу; онъ будетъ отлу- чать отъ Христовой вѣры. Христосъ насъ научилъ вѣровать въ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу святую, единосущ- ную и нераздѣльную. Антихристъ будетъ отучать людей отъ

этого Христова ученія. Подумайте, можетъ ли быть любезна антихристу такая печать, которая, какъ наше троеперстіе, означаетъ именно вѣру въ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Святую, единосущную и нераздѣльную? Эта вѣра въ Троицу какъ бы надпись на нашемъ троеперстіи. Антихристу ненавистна мысль о Святой Троицѣ: какъ же его печать можетъ проповѣдывать Троицу? — Подумайте хорошенько.

— И еще то подумайте: если печать къ чему-либо приложить, то будетъ видно. На паспортѣ приложена печать, и всякій, кто взглянетъ на паспортъ, увидитъ ея отпечатокъ. Если троеперстіе есть печать, то гдѣ же и кто видалъ ея отпечатокъ? Вотъ, смотрите, я перекрещусь, т.-е. на чело, на животъ, на правое и лѣвое плечо положу эту самую печать. Ну, что же, остался ея отпечатокъ? Никакого отпечатка нѣтъ.

— Дальше написано: Антихристъ дастъ свою печать своимъ слугамъ, — не всѣмъ людямъ дастъ печать, а только тѣмъ, кто признаетъ его власть, кто отречется отъ Христа. А мы, которые троеперстно крестимся, вѣруемъ и исповѣдуемъ, яко Христосъ есть Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти... Кто принялъ печать антихриста, тотъ нехристъ, — а мы развѣ нехристи?

— Сказано (Апокал. гл. 13, ст. 17): «Кто не приметъ печати антихристовой, тому нельзя будетъ ничего ни купить, ни продать». Ты, Семень Яковлевъ, не крестишься троеперстно, не принялъ этой, по нечестивому ученію безпоповцевъ, печати, — однако ты торгуешь, и успѣшно торгуешь! Если бъ это была правда, что троеперстіе печать антихриста, не могъ бы ты безъ этой печати торговать. Я знаю, что многіе изъ закоренѣлыхъ старовѣровъ и глядѣть-то безъ ужаса не могутъ на ничѣмъ невинные персты, но и тѣ торгуютъ и богатство торговлей нажили, — а все говорятъ, что троеперстіе печать антихриста, которую, если кто не приметъ, тому нельзя будетъ ни купить, ни продать!

— Потомъ, въ Апокалипсисѣ (гл. 13, ст. 16) сказано, что антихристъ дастъ свою печать «на челѣ, или на десной рукѣ».

Не сказано: дать одному человеку двѣ печати, — не сказано, что запечатывает одного человека двумя печатями, по одной: кого на челѣ, а кого на правой рукѣ. И незачѣмъ на одинъ паспортъ прикладывать двѣ печати, — незачѣмъ на одного арестанта два клейма полагать. Печати антихриста — это клейма его. По нимъ онъ будетъ узнавать своихъ послѣдователей. Если же троеперстіе есть его печать, то подумайте: что за чудная печать! Вотъ она есть (складываю три перста), а вотъ ея и нѣтъ (разжимаю персты).

— Такъ, значитъ, никакъ не приходится, чтобы троеперстіе могло оказаться печатью антихриста?

— Судите сами, — говорю, — а по моему, и подумать-то нельзя, чтобы оно было печатью врага Христова, потому что значеніе-то ея: Троица нераздѣльная — ножъ острый для него.

Казалось, что мои собесѣдники поняли всю вопіющую нелѣпость безпоповщинской хулы на троеперстіе. Особенно Варѳоломей былъ доволенъ разъясненіями о печати. Кажется, онъ и спросилъ потомъ: «откуда же это взяли толковать, что троеперстіе — печать антихриста?»

— Я не знаю откуда. Когда спрашиваешь, въ какой книгѣ напечатано, что троеперстіе есть печать врага Христова? — молчатъ. Потому что нигдѣ такой нелѣпости не напечатано. Впрочемъ, иные говорятъ, что написано въ Апокалипсисѣ. Бери ты Апокалипсисъ въ руки и читай: ни слова ты не найдешь ни о трехъ, ни о двухъ перстахъ. Но есть, помимо Апокалпсиса св. Іоанна Богослова, другой «Семитолковый Апокалипсисъ». Кто его сочинялъ, я не знаю; но вотъ въ немъ, дѣйствительно, ужасъ что говорится. Какая это дерзкая и лживая книга, вы можете видѣть изъ того, что въ истинномъ Апокалипсисѣ всего-на-всего 22 главы, а въ Семитолковомъ больше 90... Кто написалъ и кто принимаетъ этотъ Апокалипсисъ, тѣ смѣются надъ святымъ Апостоломъ: мало-де ты написалъ, мы тебя дополнили, поправили твое дѣло, — у тебя о троеперстіи и помину нѣтъ, а мы вписали въ Апокалипсисъ, что оно — печать антихриста.

Да развѣ можно такъ умничать надъ священными книгами? Если кто вмѣсто 28 главъ Евангелія отъ Матѳея напишетъ 88 и скажетъ: Евангеліе отъ Матѳея... развѣ это будетъ дѣйствительно Евангеліе отъ Матѳея? Это подлогъ и дерзкое глумленіе надъ Евангелистомъ. И такими-то подлогами занимаются безпоповскіе сочинители. А безграмотные кричатъ съ ихъ словъ: «святѣй Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ называетъ троеперстіе печатью антихриста. Ненадо ходить въ церковь, — тамъ у всѣхъ троеперстіе!» Вотъ откуда пошли толки о троеперстіи, что оно печать антихриста и потому употреблять его нельзя: отъ невѣдѣнія того, чтѣ писано въ священномъ писаніи и въ старопечатныхъ книгахъ, да отъ обмана и клеветы на писаніе озлобленныхъ на церковь людей.

— Что это за книга Апокалипсисъ, — сказалъ кто-то, — какая она мудрая, да занимательная?!

— Апокалипсисъ, — говорю, — книга, которую церковь никогда не читаетъ за богослуженіемъ. Апокалипсисъ — книга, которая помѣщена въ самомъ концѣ Библии. Она мудрена и непонятна; и ее нужно читать уже послѣ всего, изучивши и понявши все, чтѣ раньше ея написано въ Библии. Старовѣры же, не зная ни Евангелія, ни Апостола, хватаются прямо за конецъ Библии — за Апокалипсисъ... и уподобляются дѣтямъ, которыя, не зная еще азбуки, берутъ въ свои ручонки книгу, даже на иностранномъ языкѣ, держатъ ее вверхъ ногами — и читаютъ, читаютъ...

— Дѣйствительно, мы похожи на этихъ дѣтей, — сказалъ Гаврила, — мудрены намъ книги; а все же хочется узнать. Кому же хочется погибнуть?! Мы боимся ереси; мы хотимъ знать православную вѣру.

— Слушай, Гаврила и вы всѣ, почтенные гости! Не узнаешь никогда православной вѣры, если не будешь читать Евангелія; узнаешь неправославную вѣру, если будешь читать книги, въ родѣ Соловецкой челобитной, или Седмитолковаго Апокалипсиса. Надо вѣровать во Евангеліе. Увѣруешь во Евангеліе, увѣруешь и въ Церковь, истинную хранительницу и

толковательницу Евангелія. И какъ станешь на этомъ нерушимомъ камени вѣры Христовой, будешь стоять твердо и непоколебимо, будешь знать, что до вѣка нерушима церковь Христова и нѣтъ такой силы, которая бы могла пошатнуть ее. По слову Христову, не то что Никонъ, или кто другой изъ людей, но и сами врата адовы не одолѣютъ ей. Храня печать Христову, не будешь ты бояться печати антихристовой, да и не можетъ коснуться тебя эта печать.

— А какая это печать Христова? — заинтересовались мои собесѣдники. Они всѣ много слышали отъ старовѣровъ объ антихристовой печати, о Христовой же печати, о «печати дара Духа Святаго» они, должно быть, никогда не слышали. Рѣчью объ этой печати, налагаемой на христіанина въ таинствѣ св. муропомазанія, и кончилась моя бесѣда съ ними.

Мы разстались. Гаврила снова на прощаньи подошелъ подь благословеніе. Благословляя его, я сказалъ ему: «вѣруй во Христа и не бойся никакого антихриста; дорожи печатью Христовою, и не посмѣетъ антихристъ наложить на тебя свою скверную печать; молись Господу, чтобы не отнял Онъ у тебя Духа своего Святаго, имже запечатленъ ты въ день крещенія твоего, и живи, какъ подобаетъ жить члену церкви, за которую Христосъ на крестѣ пролилъ свою кровь, еюже очищаемся въ таинствѣ причащенія отъ всякаго грѣха».

И я уѣхалъ... Мнѣ было очень жаль этого человѣка, алчущаго и жаждущаго правды, но имѣвшаго несчастіе подпасть подь вліяніе раскольниковъ, которые повредили его своими нечестивыми толками о православной церкви.

Я пріѣхалъ уже поздно, часовъ въ 8 вечера, въ Домшино.

VIII.

Въ д. Ларивоновѣ (на Согожѣ).

На другой день я, о. Іаковъ и Василій Николаевичъ поѣхали на Согожъ. Мѣстный священникъ, о. Арсеній Монастыревъ, ожидалъ насъ. Побывъ у него немного, мы поѣхали въ деревню Ларивоново, гдѣ въ волостное правленіе сби-

рался народъ, оповѣщенный, что пріѣхалъ миссіонеръ для бесѣды.

Первый разъ у меня бесѣда происходила въ общественномъ зданіи и въ присутствіи сельскихъ властей (старшины и урядника). Мои опасенія, что присутствіе этихъ лицъ будетъ стѣснительно для старовѣровъ, къ моей радости, оказалось совершенно напрасными.

На столѣ за перегородкой, отдѣляющей присутствіе отъ остальной половины очень обширной избы, разложилъ я свои книги, вынутыя изъ мѣшка. Мы, три священника, сѣли за столъ. Бесѣда началась ровно въ часъ пополудни. Послѣ краткой молитвы я началъ говорить о томъ, что старообрядцы не знаютъ нашей вѣры, и вслѣдствіе этого незнанія чуждаются насъ.

— Они опасаются, говорилъ я, что наша церковь приняла ереси; а какія ереси? — того и сами хорошо не знаютъ, и на наши вопросы объ этихъ мнимыхъ ересяхъ отвѣта разумнаго дать не могутъ., Указываютъ, на прим. въ томъ ересь, что у насъ употребляются на проскомидіи пять просфоръ вмѣсто семи. Но ревниво отстаивая двѣ просфоры, они дошли до того, что не имѣютъ уже ни одной и, что всего ужаснѣе, не имѣютъ даже причащенія святыхъ Христовыхъ таинъ, безъ котораго душа умираетъ, какъ тѣло безъ хлѣба... Есть у нихъ такіе несчастные, которые увѣряютъ, что можно обходиться безъ причащенія. И люди, носящіе имя Христова, но не читающіе во святомъ Евангеліи ученія Христова и не знающіе его, вѣрятъ такимъ учителямъ. Найдутся, вѣрно, такіе, которые и здѣсь будутъ спорить, что и безъ причащенія тѣла и крови Христовой можно получить спасеніе. Правда, прямо они этого не скажутъ, — они знаютъ, что имъ мы напомнимъ Евангельское слово, изреченное самимъ Господомъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крове Его, живота не имате въ себѣ.* Они станутъ говорить, что теперь нѣтъ возможности причащаться, потому что будто бы такое теперь время несчастное, что прекратилась Христова тайная вечеря —

негдѣ будто бы причаститься. Мы скажемъ имъ на это: «Христосъ Спаситель, установивъ таинство причащенія, повелѣлъ совершать оное въ Его воспоминаніе до втораго Его пришествія, и самъ обѣщаль пребывать всегда съ вѣрующими въ Него: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка*; и аще: *созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей*. Какъ же вы говорите, что теперь невозможно причащаться»? Въ отвѣтъ на это, они заговорятъ такое, что еще больше обвиняетъ ихъ... Станутъ ссылаться и на книги старопечатныя. Но всѣ книги учатъ не тому, чему учатъ старовѣры. Книги проповѣдуютъ вѣчность церкви со всѣми ея таинствами, и съ священствомъ, и съ причащеніемъ. Мы возьмемъ хоть одну книгу, Кириллову, и почитаемъ изъ нея немножко объ этомъ, о чемъ говорили теперь такъ, наисть

— Слушайте, что говоритъ Кириллова книга: «рекутъ еретицы, то уже іерейства и жертвъ въ церкви Христовѣ нѣсть потребности».

— Безпоповцы, правда, не говорятъ, что іерейства и жертвы нѣсть потреба; они говорятъ: потреба хотя и есть, да только все-таки можно обойтись безъ іерейства (и самое имя ихъ: безпоповцы, показываетъ эту ихъ вѣру) и безъ таинственной жертвы Христовой (причастія у нихъ нѣтъ). Но это почти и говорятъ «еретицы».

«Писано бо есть (читаю дальше въ Кирилловой книгѣ): безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется (Евр. зач. 316). Въ первомъ законѣ бысть Ааронъ большій, отъ него же по ряду вси іереи благословеніе приимаху. Но Мелхиседекъ иного рода, иже бысть іерей Бога вышняго, по образу Христа, той бысть Аарона больше, понеже великій патріархъ Авраамъ даде ему десятины. Ктому Мелхиседекъ уставися по чину во іерействѣ во вѣки пребывати. Ааронъ во своемъ іерействѣ поставленъ на время, и не возмогша іереи его во вѣки пребывати, смерть Ааронова имъ прекратила. Того ради Христосъ, не по Ааронову временнаго, но по Мелхиседекову вѣчнаго чина, прииде Архіерей вѣчныхъ благъ. И якоже самъ никогда не умираетъ,

также и іерейство его по чину Мелхиседекову не престаеъ. Якоже пишетъ (псаломъ 109): ты еси іерей во вѣки по чину Мелхиседекову. Престало тогда архіерейство Аароново, яко временное, возстало же Христово вѣчное».

— Если безпоповцы говорятъ: теперь не можетъ быть священства, то они забываютъ, когда они живутъ. Теперь новый завѣтъ и вѣчное священство новаго завѣта. Вотъ, вы слышали, что напечатано въ старинной книгѣ, которую старовѣры очень любятъ; въ ней прямо сказано: могло стать, что ветхозавѣтное священство прекратилось, потому что и самый первый священникъ, отъ котораго велся корень того священства, Моисеевъ братъ *Ааронъ умеръ*. Но сколько велика разность между Аарономъ и Христомъ, столь же велика разность и между Аароновымъ и Христовымъ священствомъ. Христово священство не можетъ прекратиться: «и якоже самъ (Христосъ) никогда не умираетъ, тако и священство Его по чину Мелхиседекову не престаеъ». На мѣсто прекратившагося временнаго іерейства, «возстало Христово вѣчное, иже изъ мертвыхъ возставъ (читаемъ дальше въ той же книгѣ), Апостоловъ своихъ на се (на священство) освяти хиротонією, еже есть руковоложеніемъ. И воздвигъ руцѣ свои, и благослови ихъ и вознесся на небо (Лук. зач. 114). А Апостоли паки епископовъ освятиша, яко же пишетъ (Дѣян. зач. 31): тогда постившеся и помолившеся, и возложше руки на ня, и отпустиша ихъ проповѣдати слово Божіе. А епископи паки поповъ, яко же пишетъ (Дѣян. зач. 35): освящше имъ попы на вся церкви, помолившеся съ постомъ, предаша ихъ Господеви. И паки индѣ пишетъ (Тит. зач. 300): сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да недокончанная исправиши и устроиши во всѣхъ градѣхъ попы, акоже азъ тебѣ повелѣхъ». Вотъ, въ старинной книгѣ описанъ и порядокъ, какимъ дошло до нашихъ дней Христово священство: Христосъ поставилъ Апостоловъ, Апостолы — епископовъ (архіереевъ), епископы — поповъ (священниковъ). Кто видалъ у священниковъ ставленныя грамоты, тотъ знаетъ, что онѣ начинаются такъ: «По благодати, дару и власти всесвятаго и животво-

рящаго Духа, даннѣй намъ отъ самаго великаго Архіерея Господа нашего Іисуса Христа чрезъ святыхъ и священныхъ Его Апостолы и ихъ намѣстники и преемники»... такого-то «по обычаю и чину святыхъ апостольскихъ восточныхъ церкви, благословеніемъ и рукоположеніемъ нашимъ, содѣйствующу томужде животворящему и всесовершающему Святому Духу, посвятили мы его во іерея ко храму» такому-то... Чинъ этотъ отъ самыхъ апостольскихъ временъ строго блюдется въ апостольской церкви до нашихъ дней. Гдѣ теперь не совершается таинства хиротоніи (рукоположенія), тамъ пресѣклось законное священство — апостольство, тамъ церковь больше уже не апостольская церковь, въ которой всегда должны быть апостолы (священство), тамъ безпоповщина, или лжесвященство. Но у безпоповцевъ не одинъ чинъ священства нарушенъ; они бѣдны не однимъ священствомъ; они обнищали и многими другими благодатными дарами Христовыми: у нихъ и жертвы христіанской нѣтъ. И понятно, почему нѣтъ, — некому безъ священниковъ совершать ее.

— Но послушаемъ, что дальше въ старинной книгѣ говорится, — тамъ именно отвѣчено на вопросъ: настанетъ ли когда такое время, что не будетъ совершаться великое таинство причащенія?

«Се имаши іерейство Христово, иже не приде разорити, но прежній законъ и его іерейство въ новый истинный вѣчный законъ премѣнити, якоже пишетъ (Евр. зач. 19): ибо премѣненія ради священства иматъ тако же быти и закону премѣненіе, еже есть: вмѣсто по чину Ааронову предасть намъ своихъ священниковъ по чину Мелхиседекову. Вмѣсто же Ааронихъ жертвъ, оновъ и крови, повелѣ намъ тѣло и кровь свою въ хлѣбѣ и винѣ жертву приносить, глаголя: сіе творите приношеніе жертвы въ память мою. Да яко убо пишетъ: отъемлетъ первое, да второе поставитъ (Евр. зач. 323). И яко же премѣнися первое священство, то и жертва: ибо сіе вкупѣ бываетъ, и ни едино безъ другаго не можетъ быти».

— Безпоповцы говорятъ: это и мы знаемъ, что на мѣсто ветхозавѣтной жертвы Христосъ установилъ свою, да срокъ

ей прошелъ... Но старая книга далѣе увѣряетъ насъ, что Христовы тайны установлены на всѣ вѣка. Слушайте, что говорится далѣе:

«О семъ бо (о перемѣнѣ ветхаго завѣта на новый) Богъ за многа лѣта жидомъ пророкомъ прорекъ глаголя (Малах. 1): нѣсть хотѣніе мое въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертвы отъ рукъ вашихъ не прииму. Ибо отъ востокъ солнца до запада славимо будетъ имя мое во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѿиміамъ приноситься имени моему и жертва чистая будетъ, яко славно и велико имя мое во языцѣхъ, глаголетъ Господь».

— Что же означаетъ это пророчество Малахіи пророка, что на всякомъ мѣстѣ будетъ приноситься Господу жертва? Дальше растолковано:

«Яко уже не восхотѣ (Господь) жертвы отъ рукъ свверныхъ жидовскихъ и именована иную жертву, себѣ возлюбленную, тремя чинми написавъ, яко имать быти во языцѣхъ и на всякомъ мѣстѣ жертва чистая».

— Вотъ, Богъ еще задолго до Христова рождества устами пророка предсказалъ, что будетъ, на мѣство жидовской, иная жертва, чистая и на всякомъ мѣстѣ приносимая, — не у однихъ жидовъ, а у всѣхъ народовъ. Что же это за жертва? Вотъ что объ ней говорится далѣе:

«И се есть жертва, которую церковь Христіанская, отъ языкъ избранная, приносить во всемъ мірѣ Господу Богу *и до скончанія вѣка приносить имать*, — тѣло и кровь Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въ память смерти его»...

— Слышите ли вы, безпоповцы? Вы говорите, что вѣруете точно такъ, какъ велятъ вѣровать старопечатныя книги. Но вотъ старопечатная книга, — или, вѣрнѣе, люди, которые ее писали, — вотъ они какую вѣру проповѣдуютъ: жертва, которую соборная церковь во всемъ мірѣ приносить Господу Богу, тѣло и кровь Іисуса Христа, — эта жертва будетъ приноситься церковію до скончанія вѣка! Слышите: до скончанія вѣка причастіе, а не до лѣтъ Никона патріарха!

Ваша вѣра — безвѣріе, невѣріе и Христовымъ словамъ и вотъ этимъ самымъ старымъ книгамъ, какія мы теперь читаемъ. Да и подумайте: могло ли прекратиться то, чему быть до скончанія міра заповѣдано самимъ Христомъ? Какъ же это: Христосъ велѣлъ причащаться, и вдругъ оказывается, что нельзя причащаться! Можетъ ли быть, чтобъ Божіе слово не исполнилось?

— А какъ же Богъ обѣщаль престолу Давыдову быть до вѣка, а теперь гдѣ престолъ его? — спросилъ кто-то изъ присутствовавшихъ. На картинѣ я видалъ портреты всѣхъ правителей всего міра, а еврейскаго царя не видалъ.

— Не видалъ, говоришь? И однако есть онъ, — царь изъ дома Давидова, непременно есть. Самъ Богъ обѣщаль престолу Давыдову быть до вѣка; поэтому не можетъ быть, чтобы не было и царя изъ дома Давидова. Богъ не можетъ обмануть, не можетъ ошибиться, и не можетъ быть, чтобы у него не достало силъ исполнить свое слово, потому что Онъ Богъ всевѣдущій и всемогущій и преблагодѣй.

— Но гдѣ же онъ, царь еврейскій? — слышу опять.

— Ты, говорю, самъ ежедневно молишься Ему и Господомъ Его называешь. Онъ-то, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и есть сынъ Давидовъ и царь изъ дома Давидова. Вотъ что говорилъ о немъ Архангелъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи: *и дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію его не будетъ конца* (Лук. зач. 3). И какъ сбылось Божіе слово о вѣчности царства Давидова, такъ же оно сбылось о вѣчности жертвъ; только вмѣсто крови оновъ и тельцовъ мы приносимъ Богу жертву иную: тѣло и кровь Его Сына. А что должна была совершиться такая перемѣна, объ этомъ предсказано у Малахіи пророка, — помните? И о пророчествѣ его вотъ что говорится далѣе въ старой книгѣ:

«Сіе пророчество по истинѣ ко увѣренію, понеже сильно и непобѣдимо есть. Ибо тѣхъ рѣчей, въ немъ написанныхъ, ни въ которой иной жертвѣ, кромѣ тоя, не обрящется. Первое не обрящется въ жертвѣ Господни, яко на крестѣ бысть,

ибо не во языцѣхъ, но въ жидовствѣ, и не на всякомъ мѣстѣ, но токмо на единой горѣ Голгоѣ, и не всегда, но единою паки. Такоже невозможно приложити къ жертвѣ хваленія и ни ко иной внутренней жертвѣ нашей...»

— Слышно ли вамъ, что читается?... Вотъ безпоповцы говорятъ: мы замѣняемъ причащеніе молитвами (жертвой хваленія), постами, добродѣтелями... А старинная книга завѣряетъ, что никакая другая жертва, ни постъ, ни молитва, ни добродѣтель, не замѣнитъ той жертвы, о которой предсказалъ Малахія пророкъ, — и поясняетъ, почему:

«Ибо никто не обрящется чистъ предъ лицемъ Божиимъ, якоже пишетъ: кто похвалится чисто имѣти сердце, или кто можетъ чистъ быти отъ грѣховъ. И еще индѣ пишетъ: и небо нѣсть чисто и звѣзды не суть чисты предъ нимъ. Ни коимъ бо образомъ тѣхъ словесъ можемъ разумѣти ни о которой иной жертвѣ, кромѣ той, яже отъ вознесенія Господня на небеса и доннѣ въ церкви христіанской во всякомъ мѣстѣ приносится чистая жертва тѣла и крове Агнца Божія, иже грѣха не сотвори, ни обрѣтется леть во устѣхъ его. И ту святую жертву еще отъ Апостоль церковь Христова яденіемъ приимъ дѣйствуетъ. Понеже не токмо еже Апостоли написаша, но еже и предаша, все въ цѣлости приимъ соблюде...»

— Понятно? Этихъ только двухъ листовъ (76—79) въ старой книгѣ довольно, чтобы понять, что нѣтъ вѣры православнои у безпоповцевъ. Истинные древлеправославные христіане вѣровали, что и священство и жертва тѣла и крови Христовой до скончанія вѣка будутъ въ церкви; а наши «древлеправославные» эту вѣру потеряли, ибо возвѣстили и жертвѣ и священству христіанскому конецъ уже давно, больше двухъ сотъ лѣтъ назадъ. Значитъ, у нихъ не старая вѣра, а какая-то совсѣмъ неизвѣстная временамъ дониконовскимъ. Всѣ христіане вѣровали и вѣруютъ, что церковь — невѣста Христова на землѣ пребудетъ до тѣхъ поръ, пока приидетъ паки, уже со славою, ея Женихъ — Христосъ. А по ихъ вѣрѣ, церковь, не дождавшись Жениха, улетѣла сама на

небо, оставивъ своихъ дѣтей здѣсь, на землѣ, безъ священниковъ и безъ таинства причащенія. Но церковь не улетала на небо; она здѣсь, на землѣ, только надо ее разглядѣть...

Во время этого чтенія Кирилловой книги съ моимъ объясненіемъ старшина привелъ поближе къ намъ трехъ крестьянъ и, прерывая меня, сказалъ: «вотъ это у нихъ, у старообрядцевъ, тоже, что у насъ священники: намъ желательно, чтобы вы занялись съ ними». Я предложилъ этимъ старообрядческимъ наставникамъ сѣсть съ нами. Они сѣли и внимательно слушали, что я читалъ. Первый прервалъ молчаніе старикъ, по имени Павелъ. Онъ глухой, какъ Домшинскій Северіанъ. У него бываютъ собранія по праздникамъ: онъ читаетъ книги, какія у него есть. Павелъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ задалъ мнѣ такой мудреный вопросъ: «вы, великороссейцы, увѣряете, что ваша церковь ни въ чемъ не отступила отъ правилъ древней церкви; а гдѣ же у васъ, въ вашихъ храмахъ, мѣста для припадающихъ, плачущихъ, для оглашенныхъ? Вѣдь въ древней церкви все это было!...» Вопросъ былъ такъ не къ дѣлу, — толкъ шелъ совсѣмъ о другомъ, — что я рѣшилъ послѣ отвѣтить этому старичку: «подожди, говорю, дѣдушка, дойдетъ и до этого». И послѣ хотѣлъ дѣйствительно отвѣтить ему, но случилось такъ, что увлекшись другими предметами, совсѣмъ забылъ о Павловомъ вопросѣ. Уже послѣ бесѣды вспомнилъ и велѣлъ одному мужичку передать Павлу: «отъ того у насъ ты не видишь мѣста для оглашенныхъ, что нѣтъ у насъ оглашенныхъ; смѣшно спрашивать, почему нѣтъ въ домѣ люльки, когда хорошо знаешь, что и ребенка нѣтъ». Переданъ ли этотъ отвѣтъ Павлу не знаю; но Павелъ, не получивъ на свой вопросъ объ оглашенныхъ отвѣта, должно быть думалъ про себя: значить, я правъ, что не хожу въ церковь, — миссіонеръ не могъ отвѣтить мнѣ. Впрочемъ, съ Павломъ, какъ и съ Северіаномъ Домшинскимъ, трудно вести бесѣду: глухи слишкомъ.

Чтеніе изъ Кирилловой книги тянулось долгое время (соб-

ственно чтеніе и немного времени заняло бы, но приходилось дѣлать поясненія, отступленія и сопоставленія съ другими старопечатными книгами). Кончивъ чтеніе, я спросилъ безпоповщинскихъ наставниковъ: правильно ли то, что напечатано въ Кирилловой книгѣ (и другихъ) о вѣчности христіанскаго священноначалія и великаго таинства причащенія тѣла и крови Господней?

Сказать, что въ старопечатной, дониконовской книгѣ напечатано что-нибудь неправильно, имъ, разумѣется, было нельзя. Потому одинъ изъ наставниковъ, Никандръ Онисимовъ, мужичекъ лѣтъ пятидесяти, или около, и отвѣтилъ мнѣ уклончиво:

— Все, что напечатано въ старопечатныхъ книгахъ, правильно, и что читано о церкви, о причастіи и о священствѣ, — то же правильно; мы вѣруемъ, что такъ и должно быть, какъ тутъ написано; да только не знаемъ, гдѣ она — истинная церковь Христова, при множествѣ христіанскихъ сектъ. Объ вашей тоже сомнѣваемся, нѣтъ ли въ ней ересей.

Но мнѣ хотѣлось, чтобы наставники бозпоповскіе прямо и публично сознались, что ихъ общества не составляютъ той церкви, которую проповѣдуютъ старопечатныя книги. Я и пытался нѣсколько разъ спрашивать у нихъ: «ваше-то общество можно ли удостоить названія истинной церкви, когда въ немъ нѣтъ ни Христопреданнаго пастырства и священства, ни данныхъ Христомъ благодатныхъ средствъ ко спасенію?» Одако, прямого отвѣта я не могъ добыть на этотъ очень прямой вопросъ, — все уклонялись въ сторону, такъ что я рѣшился перейти къ разбору нашихъ мнимыхъ ересей, т.-е. тѣхъ особенностей нашей церкви, изъ-за которыхъ упрямо держится расколъ.

— Вы сомнѣваетесь, говорю, идти въ нашу церковь потому, что она поетъ теперь (это было во время пятидесятницы): «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова», — а не по вашему, что у насъ печатають *Иисусъ*, а не *Исусъ*, что на рожднѣ у насъ пять, а не семь просфоръ, и т. д.

И я началъ по порядку объяснять народу, что всѣ эти обвиненія, взводимыя старообрядцами на великороссійскую церковь, совсѣмъ несправедливы.

— Вотъ у насъ, говорю, есть Тріодъ цвѣтная патріарха Іова: въ ней по нашему напечатано Христось воскресе... Вотъ два древнепечатныхъ Евангелія: въ нихъ есть *Иисусъ*...

Приведя еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, я сказалъ:

— Видите, за что обвиняють старовѣры нашу церковь, все это есть въ старинныхъ книгахъ, все это не новшество, а главное — во всемъ этомъ нѣтъ ничего не православнаго, еретическаго, а потому все это хорошо и должно быть принято членами церкви, даже если бы и не встрѣчалось въ старыхъ книгахъ.

О пѣніи святонедѣльнаго тропаря (Христось воскресе) мало спорили. Книга очень ясно свидѣтельствовала о немъ (а много смотрѣли сами, какъ напечатано: «смертію смерть поправъ», или «смертію на смерть наступи»?). Особенный интересъ возбудило разночтеніе этого тропаря въ одной и той же Тріоди. Неоднократно напечатано: священникъ глаголетъ: «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ»; а братія поють: «и сущимъ во гробъ животъ дарова». Значитъ такъ же, какъ и у насъ; я объяснилъ только, что *во гробъ* неправильно, потому что не всѣ же мертвецы заключены въ одномъ гробѣ, — правильнѣе: во гробѣхъ.

Здѣсь же на пасхальномъ молебнѣ: «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и гробнымъ животъ дарова». Но такъ, говорю, не поемъ теперь ни мы, ни вы.

Далѣе — отпустъ на молебнѣ священникъ глаголетъ сиче: «Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова, истинный Богъ нашъ, молитвами пречистыя Его Матере...» Опять, говорю, по нашему. И еще смотрите: «Молитвами» пречистыя Его Матери. Вѣдь такъ по старовѣрчески нельзя; вы увѣряете, что надо: *за молитвъ*...

Отпустъ на обѣднѣ: іерей «держай крестъ», вмѣсто «слава тебѣ Боже, унованіе наше» (говорить): «Христось воскресе

изъ мертвыхъ, смертію *на смѣртъ* наступи; мы же (т.-е людіе, братія) глаголемъ: и сущимъ во гробѣхъ животъ дарова». И здѣсь опять ни по вашему, ни по нашему. Замѣтьте еще: здѣсь «во гробѣхъ», а въ другихъ мѣстахъ «во гробѣхъ».

Эта разность въ постановкѣ ударенія то на предлогѣ, то на существительномъ тоже вызвала вниманіе у моихъ собесѣдниковъ, равно какъ въ выраженіи «смертію *на смѣртъ*», а не «*на смѣртъ*», какъ непремѣнно требуютъ старовѣры...

Изъ бесѣды о другихъ предметахъ особенно интереснаго ничего не было. Никандръ Онисимовъ дѣлалъ обычныя замѣчанія о неправильности будтобы нашихъ особенностей сравнительно со старообрядцами. Его молчаливо поддерживало большинство бывшихъ на бесѣдѣ старообрядцевъ. Изъ православныхъ мнѣ запомнился хорошо Сергѣй, изъ деревни Воронцова, — мужчина лѣтъ 50, не женатый, богатый; я слышалъ, что его старовѣры сбивали съ толку, и я радъ былъ видѣть, что онъ хорошо понималъ все, что говорилось. Необыкновенно тоскливо чувствуешь себя, когда, обратившись къ толпѣ слушателей съ вопросомъ, поняли ли что-нибудь изъ гово-реннаго, не слышишь ничего въ отвѣтъ, — молчатъ. Сергѣй доставлялъ мнѣ отрадное чувство, потому что онъ часто повторялъ мои объясненія чуть не буквально.

Когда говорили объ имени Іисусъ, Никандръ Онисимовъ приводилъ противъ него обычныя у старообрядцевъ возраженія, но безуспѣшно. На выручку отцу вышелъ изъ толпы сынъ, молодой парень, лѣтъ 19, а впрочемъ женатый и выдавшій виды. Пытаясь растолковать, что никакъ нельзя читать *Іисусъ* (а непремѣнно нужно читать *Іусъ*), Никандръ разгорячился и нѣсколько разъ уходилъ съ бесѣды, но опять возвращался и снова начиналъ свое. Сынъ оказался толковѣе отца, и я съ нимъ побесѣдовалъ бы. Объ имени Іисусъ онъ сознался, что тутъ (т.-е. въ показанныхъ ему старопечатныхъ книгахъ) дѣйствительно два *и*, но сначала все пытался объяснить одно, какъ прилогъ, а потомъ сказалъ, что «нынѣ мы не можемъ объ этомъ разговаривать: не подго-

товились». Перешли поэтому къ другимъ предметамъ. Но вернулся, — уже въ который разъ, не помню, — Никандръ и, дернувши сына за рукавъ, сказалъ: «пойдемъ, Алексѣй Никандровичъ!» — и увелъ-таки отъ меня парня, уже начинавшаго кое-что уразумѣвать. Конечно, я приглашалъ Никандра Онисимовича продолжить бесѣду; но онъ отказался, извиняясь тѣмъ, что ему некогда: пора стоять рабочая. Онъ высказалъ, между прочимъ, нѣчто въ родѣ объясненія, почему имъ трудно бесѣдовать: «народъ мы рабочій; дѣло наше — не за книгами, а за сохой, да бороной; если бъ мы подготовились, тогда бы разговоръ вышелъ другой. А то мы только вчера узнали, что вы пріѣдете».

— Очень жаль, отвѣтилъ я ему, что только вчера вы узнали. Я за десять дней письмомъ увѣдомлялъ васъ (черезъ священника), что я пріѣду на нынѣшній день. А что ты говоришь о подготовкѣ, такъ я могу только радоваться этому. Вѣдь, какъ только ты, Никандръ Онисимовичъ, или кто другой изъ старообрядцевъ, подготовитесь, почитаете побольше старопечатныхъ книгъ, такъ мнѣ съ вами гораздо легче будетъ разговаривать; ты видишь, что я тоже говорю отъ старопечатныхъ книгъ... Вотъ у тебя братъ есть, Аввакумъ Онисимовъ; съ нимъ должно быть, легче разговаривать, потому что онъ начитанный человѣкъ. Я читалъ бесѣды съ нимъ крестьянина Ивана Александрова (изданіе Братства св. Петра митрополита): изъ этой бесѣды видно, что братъ твой не такъ, какъ ты, понимаетъ объ нашей церкви...»

Никандръ Онисимовъ сказалъ, что «бесѣды печатаются не такъ, какъ ведутся, и на брата много наврано». — И затѣмъ ушелъ, не смотря и на мои просьбы остаться, и на просьбы другихъ.

Отзывъ Никандра Онисимова о печатныхъ бесѣдахъ заинтересовалъ меня. Я и прежде слышалъ отъ старовѣровъ, что въ печати будто намѣренно неточно передаются ихъ рѣчи, высказываемыя ими на собесѣдованіяхъ съ нашими миссіонерами. Возстановляя теперь мою Ларивоновскую бесѣду, я старался о правдивости моего изложенія, хотя, чтобы не

повторяться, многое долженъ былъ опустить. Если моя эта бесѣда въ печатномъ видѣ попадетъ къ Никандру (а я постараюсь доставить), то мнѣ очень любопытно будетъ знать его отзывъ объ ней. Если онъ скажетъ, что и тутъ извращены его рѣчи, то я пойму, что у нихъ значитъ «невѣрно напечатать бесѣду».

Алексѣю Никандрычу, кажется, не очень хотѣлось оставить бесѣду; но его утянулъ за рукавъ отецъ. У насъ съ нимъ было завязалась любопытный разговоръ о 1666 лѣтѣ, о которомъ говорится въ 30 главѣ Книги о вѣрѣ. Въ этой главѣ толкуется объ антихристѣ, а ни о чемъ такъ охотно не бесѣдуютъ старовѣры, какъ объ антихристѣ, и въ словахъ Книги о вѣрѣ они видятъ прямое оправданіе своему положенію. «Мы, говорятъ они, окончательно отстали отъ васъ послѣ 1666 года, когда вашъ соборъ укрѣпилъ никоновы нововводства и предалъ анаѳемѣ древнія преданія. О такомъ вашемъ отступленіи предсказано въ Книгѣ о вѣрѣ, въ главѣ 30-й». Эту самую мысль высказалъ и Алексѣй Никандровъ. Я ему отвѣтилъ, когда прочитаны были указываемыя старовѣрами мѣста изъ этой главы:

— Здѣсь нѣтъ рѣшительнаго яснаго пророчества объ отступленіи. Здѣсь только высказано предостереженіе, какъ бы по 1666 г. не случилось третіе отступленіе, или оторваніе отъ православной церкви. Здѣсь и мысли нѣтъ о паденіи всего христіанства, какое проповѣдуете вы, безпоповцы. Что Богомъ установленная церковь до вѣка будетъ несокрушимо стоять, — это вездѣ проповѣдуется, во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ, и въ этой, — въ Книгѣ о вѣрѣ (читай особенно 2 главу о св. церкви). И даже въ этой, 30-й главѣ, прямо сказано, что надо во всемъ быть покорными и послушными церкви: *тѣмже нѣсть намъ что къ пользѣ, еже прекословити съ церковію...* (л. 272 об.). Не говорите на старопечатную книгу, будто она оправдываетъ васъ въ вашемъ безпоповствѣ; она рѣшительно въ каждой главѣ васъ осуждаетъ: читайте подрядъ ее съ первой главы до послѣдней, — нигдѣ и помину не найдете, что можно жить безъ брака (какъ вы

живете), безъ покаянія (какъ вы живете), безъ животворящихъ таинъ тѣла и крови Господней (какъ вы живете), безъ елеосвященія (какъ вы живете); словомъ, нигдѣ не проповѣдуется ваша безпоповская вѣра, что церкви теперь нѣтъ на землѣ. — А если ты настаиваешь, что тутъ точно предсказано отступленіе, то, къ несчастію твоему, предсказаніе писателя Книги о вѣрѣ сбылось, только поранѣе 1666 г. Явились люди, которые стали проповѣдывать, что безъ сложенія двухъ перстовъ на крестное знаменіе невозможно спастись, а церковь до того времени учила и до окончанія вѣка будетъ проповѣдывать, что невозможно спастись не безъ сложенія двухъ перстовъ, а безъ спасительной чаши Христовой, о нейже Христосъ сказалъ: *пійте отъ нея вси...* Эти люди, которые обходятся безъ Христовыхъ таинствъ, которые утратили вѣру въ Евангеліе, которые говорятъ, что Христосъ создалъ церковь существовать только до лѣтъ Никона патріарха, а при этомъ патріархѣ церковь разорилась... такіе люди дѣйствительно отступили отъ православной вѣры и отъ православной церкви. На горе безпоповцамъ и вообще старовѣрамъ, писатель Книги о вѣрѣ почти правильно указалъ и годъ ихъ отступленія... На свою голову ты, Алексѣй Никандровичъ, заговорилъ о лѣтѣ 1666...

Мало опровергалъ онъ такое толкованіе указаннаго имъ мѣста изъ Книги о вѣрѣ: отецъ увелъ его...

По уходѣ Никандра съ сыномъ мы еще побесѣдовали недолго. Часовъ въ 7 вечера я отпустилъ народъ.

IX.

Въ д. Красномъ.

На другой день, часовъ въ 10 утра, я и о. Арсеній пріѣхали въ д. Красное, въ домъ деревенскаго старосты. Немного спустя послѣ нашего пріѣзда, стали въ домѣ обѣдать; хозяинъ пригласилъ и насъ обѣдать. Я не отказался и сѣлъ за столъ. А между тѣмъ было оповѣщено по деревнѣ, что пріѣхалъ миссіонеръ и чтобы желающіе шли на бесѣду къ ста-

ростѣ. Уже во время обѣда сошлось порядочно народа. Гляжу я: все мужики, — бабы ни одной, кромѣ хозяйскихъ.

— А что же, спрашиваю, бабъ нѣтъ?

— А на что же онѣ? Что имъ тутъ дѣлать? Развѣ онѣ что понимаютъ?!

Однако я велѣлъ и за бабами послать, разъяснивъ мужикамъ, что понимать слово Божіе не есть обязанность и преимущество однихъ мужиковъ. Пришли и бабы. Всего нашло народу полная изба, такъ что сдѣлалось душно и была растворена дверь. Буду описывать только то, чѣмъ запомнилось Красное, т.-е. что было особеннаго на бесѣдѣ въ этой деревнѣ.

Сличали и здѣсь новопечатное Евангеліе съ старопечатнымъ (съ юсовымъ). Къ ужасу бывшихъ тутъ старообрядцевъ (ихъ очень немного въ въ этой деревнѣ), оказывается, что напечатано *иꙋ хѣа* (Иисусъ Христова). Читаль мужикъ Миронъ. Онъ покрещеванъ, — два раза крещенный. Послѣ слабой попытки объяснить одно *и*, какъ прилогъ, онъ согласился, что здѣсь дѣйствительно два *и*, — что *Иисусъ* напечатано въ старинной книгѣ. Я обращаюсь къ народу и дѣлаю такое замѣчаніе:

— Вотъ самъ Миронъ сознался, что въ старопечатной книгѣ имя Христа Спасителя читается не такъ, какъ требуютъ читать старообрядцы, не *Иисусъ*, а *Иисусъ*. А изъ-за этой одной буквы спорять много, изъ-за нея, между прочимъ, не идутъ къ намъ въ церковь. Значить, не право они толкуютъ вамъ, что нельзя говорить *Иисусъ*. Можно! Въ старопечатной книгѣ такъ напечатано.

— Тамъ этого нѣтъ! — вдругъ услышали мы.

Мы съ о. Арсеніемъ сидѣли за столомъ (на столѣ разложены были книги); народъ стоялъ напротивъ насъ въ избѣ; кое-кто сидѣлъ на лавкахъ. Влѣво отъ насъ, у окна сидѣлъ мужчина съ большой бородой, солидный такой, красивый.

— Тамъ этого нѣтъ, чтобы написано было *Иисусъ*! — повторилъ онъ.

— Подойди, да посмотри, — говорю ему.

— Нечего и смотрѣть! Достаточно мы поначитаны въ старопечатныхъ книгахъ: нигдѣ нѣтъ *Iисусъ*, вездѣ *Исусъ*. Нечего смотрѣть!

И говорить такимъ наставительнымъ тономъ, что возражать ему страшно. Миронъ обернулся къ нему и говоритъ: «напечатано *Iисусъ*... два *и*»... Я попробовалъ-было еще подозвать его, чтобы самъ прочелъ, но Дмитрій Ананьевъ (такъ его зовутъ) не пошелъ.

— Нечего смотрѣть! — говоритъ. Ну и что жъ, что напечатано? Можетъ опечатка? — развѣ не бываетъ! Да и велико дѣло, если въ двухъ-трехъ книгахъ напечатано *Iисусъ*! За то вездѣ въ остальныхъ правильно *Исусъ*... Это по ошибкѣ здѣсь два *и*; надо одно.

И говорить все это рѣшительнымъ тономъ непогрѣшимаго авторитета!...

Я сталъ разяснять, въ чемъ дѣло. Миронъ и другіе, кажется, поняли, что можно печатать и выговаривать имя Спасителя такъ, какъ мы выговариваемъ.

Зашла потомъ неизбежная рѣчь о перстосложеніи. Я сталъ говорить, что не порицаю двуперстія, а только удивляюсь, что наши старовѣры боятся троеперстія, между тѣмъ какъ и о немъ, все равно какъ о двуперстіи, достаточно говорится въ старопечатныхъ книгахъ.

— Нигдѣ о вашей щепоти не говорится! — возразилъ опять Дмитрій Ананьевъ.

Я сталъ говорить: двуперстно креститься, какъ вы креститесь, повелѣваетъ Кириллова книга...

— Въ Кирилловой нѣтъ этого; о крестномъ знаменіи есть во Псалтыри, а не въ Кирилловой! — опять авторитетно возражаетъ Дмитрій Ананьевъ.

— Въ Кирилловой, говорю, слово-въ-слово согласно съ Псалтырью пишется о перстосложеніи. И я раскрылъ Кириллову и Псалтырь, чтобы сличать.

Дмитрій Ананьевъ, увидѣвъ это, сталъ говорить, что «хоть и есть дѣйствительно о перстосложеніи въ Кирилловой, но только въ ней кратко говорится, а подробно въ Псалтыри».

Я сталъ читать и въ той и другой книгѣ о перстосложеніи: оказалось, разумѣется, слово-въ-слово. Послѣ этого сказалъ Дмитрію: «не смѣй больше говорить! потому что ты обманщикъ: ты увѣрялъ, что нѣтъ слова *Иисусъ* въ старопечатной книгѣ, а оно есть; ты увѣрялъ тоже, что въ Кирилловой нѣтъ о перстосложеніи, а тамъ есть. Не смѣй больше говорить!...» Но каково же было мое изумленіе и негодованіе, когда мнѣ сообщили, что этотъ Дмитрій Ананьевъ совсѣмъ безграмотный...

Помню еще Палагею, жену этого Дмитрія Ананьева. Когда была показана разность перстосложеній, указываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ старопечатныхъ книгъ, она сказала:

— Никакъ нельзя иначе складывать персты противъ того, какъ мы складываемъ!

— Однако жъ, — говорю ей, — Максимъ грекъ велитъ протянуть два перста, а Большой Катихизисъ велитъ наклонить ихъ!

— Не хочу я, — говорить, — никого слушать, и даже Максима грека, если онъ дѣйствительно не по моему велитъ складывать персты!

Однако, сказавши это, она и сама какъ-будто смутилась, — сама стала читать и сличать разные статьи о перстосложеніи, и прямо объявила, что дѣйствительно старыя книги по разному велятъ складывать персты, но что она будетъ складывать такъ, какъ складывала.

Была еще рѣчь о молитвѣ Иисусовой. И тутъ особенное участіе въ бесѣдѣ принималъ тотъ же Миронъ, который, не смотря на свое филиппонство, okazaлся такимъ уступчивымъ по вопросу объ имени Иисусъ, что даже помогалъ мнѣ обличать бредни Дмитрія (а Дмитрій числится православнымъ и даже, слышалъ, въ церковь иногда заглядываетъ). Я разъяснилъ, что оба вида молитвы: и «Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ» и «Господи Иисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ» — согласны съ символомъ вѣры; какъ наша церковь вѣруетъ, что Христосъ есть *Сынъ Божій*, такъ и старообрядцы вѣруютъ, что Христосъ есть *Богъ нашъ*,

и, значитъ, они не должны бояться молитвы: Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ, какъ мы не боимся молиться: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій* помилуй насъ ¹⁾. Миронъ все это, какъ-будто, понялъ; однако же никакъ не рѣшался произнести молитву съ словами «Боже нашъ», потому что, говоритъ, въ старопечатныхъ книгахъ ея нѣтъ. Я открылъ Кириллову книгу на листѣ 552 и заставилъ его читать. Читаетъ: «Истолковано: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій* помилуй насъ, аминь». А между тѣмъ въ книгѣ напечатано: «Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ, аминь». Такова привычка! Онъ и не замѣтилъ, что иначе напечатано, чѣмъ какъ онъ читаетъ. Однако потомъ, по моему указанію, прочиталъ, какъ надо. Послѣ этого и Миронъ долженъ былъ признаться, что въ старыхъ книгахъ есть эта молитва, и, значитъ, въ старину она такъ читалась же; «но, прибавилъ онъ, должно быть читалась въ какихъ-нибудь особенныхъ случаяхъ, а обыкновенно-то читалось такъ, какъ мы требуемъ читать».

— Въ какихъ же это случаяхъ? — спросилъ я.

Миронъ не сказалъ въ какихъ.

— Ну, прочитай же ты, — говорю ему, — молитву Іисусову такъ, какъ она здѣсь, въ старинной книгѣ, напечатана.

Прочитать такъ наизусть онъ боялся, хотя въ книгѣ читалъ. Я удивился такой странности и началъ снова объяснять, что молитва эта православная...

Во время этихъ толковъ о молитвѣ Іисусовой протѣснилась къ столу женщина, — Настасья по имени. Когда Миронъ отказывался прочесть наизусть молитву: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», Настасья приступила къ нему:

— Что же ты боишься такъ прочесть? — вѣдь въ Кирилловой же напечатано!

---

¹⁾ Верстахъ въ 15 отъ Вологды есть Заоникіера пустынь. Въ ней надъ двѣрьми нѣкоторыхъ келій я видѣлъ надпись: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь...“ А старовѣры, по невѣдѣнію, все кричатъ, что мы этой молитвы не употребляемъ.

Я говорю: ну-ка сама прочитай!

И она прочитала, крестясь, эту молитву.

— А ты чего жъ боишься, Миронъ? — читай!

Но Миронъ все боялся; Настасья тоже не унималась:

— Прежде ты говорилъ, что нѣтъ въ старинныхъ книгахъ этой молитвы, а она вотъ есть! Все равно, какъ говорилъ: нѣтъ *Iисуса*; а вотъ самъ читалъ: есть!

Вообще Мирону-таки досталось отъ нея...

Эта Настасья пошла въ «вѣру», чтобы мужъ не пилъ... Лѣтъ около десяти простаровѣрничала. Мужъ умеръ отъ пьянства, — и она ушла изъ раскола. Окончательно присоединилась къ церкви при теперешнемъ священникѣ.

Она же, послѣ толковъ съ Мирономъ, обратилась ко мнѣ съ такими рѣчами:

— Батюшка! растолкуй ты намъ глупымъ о печати антихристовой! Мы ея больше всего боимся; да и эти (старовѣры) все намъ объ ней толкуютъ. Мы бросили работу и нарочно пришли прямо съ пашни, чтобы распросить тебя объ этомъ.

Другія подтвердили ея желаніе. И я сталъ разбирать безпоповщинскіе толки о троеперстіи, что якобы оно есть печать антихриста (подобно какъ въ Сухоломѣ). Этимъ и закончилъ бесѣду.

Народъ разошелся. Хозяинъ угостилъ насъ чаемъ и трапезой. Поблагодаривъ его, мы уѣхали въ село, къ о. Арсенію, и оттуда я отправился въ Домшино.

Х.

Опять въ Домшинѣ.

29 апрѣля я предполагалъ быть за обѣдней въ селѣ Бесѣдномъ и говорить, по обычаю, проповѣдь, а равно и передъ обѣдней побесѣдовать; послѣ обѣдни же устроить настоящее собесѣдованіе. Но меня просили и староста домшинскій и священникъ побыть за обѣдней у нихъ. Я остался и говорилъ проповѣдь.

Была недѣля о «женѣ самарянинѣ». Изъ Евангелія этого дня я и заимствовалъ предметъ для проповѣди. Я говорилъ:

Удивилась самарянка, что еврей просилъ пить у нея, самарянки: до того дошла ненависть изъ-за вѣры между евреями и самарянами, что даже не просили и пить одни у другихъ. Такъ и намъ въ иныхъ мѣстахъ старовѣры не даютъ пить у себя изъ-за различія въ вѣрѣ; въ другихъ же мѣстахъ хотя и даютъ, но изъ особой посуды, изъ «мірской», изъ которой сами никогда и ни за что не согласятся пить.

Христосъ зналъ, что еврей грѣхомъ считали попросить напиться у самарянъ, и все-таки просить пить у самарянки: значить, Онъ не велитъ намъ считать за грѣхъ напиться изъ посуды иновѣрца, а тѣмъ больше самому напоить жаждущаго иновѣрца изъ своей «чаши съ студеной водой».

Христосъ не для того пришелъ, чтобы завелось множество вѣръ, а для того, чтобы собрать заблуждающихся и разбѣгающихся въ разныя стороны людей во едино стадо — свою Церковь. Значить Ему не угодно это многовѣріе, которое есть у старовѣровъ: филиппане, еедосіане, поморяне, спасовцы и проч. Нужно, что бъ они соединились съ нами, а мы съ ними.

Вѣра, которую принесъ съ неба на землю Господь Иисусъ Христосъ, должна соединить насъ. Ученіе Господа и есть «вода живая». Евангеліе есть величавая рѣка этой, чистой какъ хрусталь, «животворной воды» — ученія Христова. И церковь поить своихъ чадъ этой живой водой. — Старовѣры, даже странники, знаютъ о Евангеліи, но мало читаютъ его. Они больше пробавляются «цвѣтниками» собственнаго составленія. И, Боже, какую мутную, негодную воду пьютъ они изъ этихъ цвѣтниковъ! Она до такой степени ядовита, что человекъ, напившись ея, готовъ спорить, и дѣйствительно спорить, даже съ Евангеліемъ, т.-е. съ самимъ Христомъ. Въ заключеніе я приглашалъ всѣхъ вѣровать Евангелію: оно есть та живая вода, которая напоетъ души наши, утоляетъ нашу духовную жажду.

Въ часъ я хотѣлъ ѣхать въ Бесѣдное. Но, когда уже уносили мои вещи въ повозку, пришелъ Василій Яковлевъ изъ д. Курьякова, Мешехонскаго прихода, съ которымъ я

уже два раза бесѣдовалъ: постомъ — на Горѣ, и 25 апрѣля, на преполовеніе, — въ Курьяковѣ. Онъ привезъ въ Домшинскую земскую больницу брата своего Эраста, сильно побитаго въ дракѣ. У меня спрашивали: «что грѣшнѣе — табакъ курить, или водку пить?» Подобные вопросы очень часто приходится слышать. Я отвѣтилъ вопросомъ: «Эраста поколотили чуть не до смерти, накурившись табаку, или напившись водки?» Положивъ брата въ больницу, Василій и зашелъ ко мнѣ. За нимъ пришло еще нѣсколько человѣкъ. Завязалась бесѣда.

Василій все переспрашивалъ о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ шла рѣчь прежде, въ его деревнѣ. Трудно ему разстаться съ безпоповщинскими понятіями и туго воспринимаетъ онъ новыя для него мысли (за то, можетъ быть, онѣ прочнѣе залягутъ въ его головѣ). А онъ, сравнительно, еще развитой мужикъ; что же сказать объ остальныхъ? — Я далъ ему почитать «Увѣщаніе» митрополита Платона. Онъ спросилъ у меня, гдѣ я квартирую въ городѣ, и сказалъ, что непременно по осени постарается побывать у меня. Онъ понимаетъ, что домашняя бесѣда гораздо лучше общественной, публичной: здѣсь, дома, мы съ нимъ вдвоемъ, насъ никто не слышитъ и не видитъ; здѣсь ему не стыдно разъ десять перечитать, или переспросить одно и то же; здѣсь, наединѣ, меньше раздражается чувство гордости, нежели на народѣ, — легче признаться, что «я этого на зналъ», или «не понялъ», и, наконецъ, здѣсь нѣтъ товарищей, всегда и во всемъ сбивающихъ съ толку.

Бесѣда съ нимъ затянулась надолго, и я едва могъ въ четвертомъ часу выбраться изъ Домшина, хотъ и обѣщаль къ тремъ уже быть въ Бесѣдномъ.

XI.

Въ д. Вахрушевѣ.

Я пріѣхалъ къ о. Іоанну Малевинскому; черезъ полчаса мы были въ д. Вахрушевѣ, — самой обильной старовѣрами въ Бесѣднинскомъ приходѣ. Очень расторопный старшина

Никаноръ Степановъ еще раньше оповѣстилъ народъ, — такъ что, когда я пріѣхалъ, насъ уже ждали. Набралась полная изба народу. Въ 5 часовъ начали бесѣдовать и бесѣдовали до десяти.

Изъ пришедшихъ на бесѣду старообрядцевъ больше другихъ говорилъ Гаврила Оедуловъ; изъ православныхъ же мнѣ помогаль читать Александръ Васильевъ, хорошо грамотный мужикъ. Священникъ говорилъ про него, что онъ умѣетъ давать отпоръ старовѣрамъ.

Началась бесѣда съ чтенія «Христось воскресе» по Іовлевской Тріоди. Были показаны и разночтенія (какъ и въ Красномъ). Было показано «Вѣрую» по старопечатнымъ книгамъ безъ слова «истиннаго» въ 8 членѣ. — Все это показывалось рѣшительно всѣмъ грамотнымъ, чтобы убѣдились собственными глазами, что и въ старопечатныхъ книгахъ есть то самое, изъ-за чего отдѣляются отъ насъ старовѣры. Съ рѣчи о числѣ просфоръ мы перешли къ разсужденію о таинствѣ причащенія и о вѣчности церкви. И здѣсь повторилось обычное явленіе: съ большой неохотой говорили объ этихъ предметахъ, — все хотѣлось повернуть разговоръ на перстосложеніе. Но я не хотѣлъ оставить главнаго для менѣ важнаго, и не давалъ своимъ собесѣдникамъ слишкомъ сбиваться въ сторону. За это меня не замедлили обличить въ томъ, что будто я не даю имъ говорить. Но я отвѣчалъ: «дойдетъ очередь и до перстосложенія: успѣемъ, — времени много». И они ворочались къ нелюбимому предмету бесѣды. Медомъ ихъ не корми, дай о перстахъ потолковать; но я не люблю о перстахъ толковать, потому что эти персты — самое больное мѣсто во всемъ старовѣрѣ. Я всегда стараюсь оставить рѣчь о перстосложеніи подъ конецъ бесѣды, потому что тогда слушатели, убѣжденные уже въ неправильности мнѣній старовѣровъ относительно другихъ предметовъ, способнѣе понять и запутанное дѣло о перстосложеніи... Въ Вахрушевѣ, однако, рѣчь не дошла до перстовъ, потому что собесѣдники мои, не желая разговаривать о церкви и таинствахъ, ушли, напередъ переморгнувшись другъ съ другомъ.

Интереснаго запомнилось мнѣ вотъ что. Когда шла рѣчь о вѣчности церкви, читалось по Благовѣстному Евангелію толкованіе на 67 зач. отъ Матѳея и мнѣ пришлось объяснить изреченіе: «есть же и каждо насъ церковь, храмъ Божій бывая» (л. 129). При этомъ одинъ старикъ, именно упомянутый Гаврила, обратившись къ своимъ, сказалъ: «а мнѣ говорили, что онъ (т.-е. я, миссіонеръ) не признаетъ, что человекъ есть церковь; а онъ, слышишь, прямо говоритъ, что каждый отдѣльный человекъ есть церковь Божія». Я, услышавъ, что они между собой разговариваютъ обо мнѣ, сказалъ: «Гаврила! не вѣрь, будто я говорю, что человекъ не есть церковь Божія».

— Теперь-то я и самъ слышу, что ты говоришь; а то мнѣ сказывали, будто ты опровергаешь это слово, что человекъ есть церковь Божія.

— Какъ же бы я сталъ отвергать это слово, когда вотъ въ Благовѣстномъ Евангеліи прямо сказано: «есть же и каждый изъ насъ церковь Божія, храмъ Божій бывая»? Не иду я противъ слова, сказаннаго святыми отцами.

— Да и Апостоль говоритъ: *вы* (т.-е. христіане) *есте церковь Бога жива*, — прибавилъ Гаврила.

— Да, — говорю; но надобно знать, какъ и черезъ что человекъ становится храмомъ Божиимъ. Онъ не самъ по себѣ храмъ Божій; самъ по себѣ онъ просто храмина. Когда же въ него вселяется Богъ, тогда, и только тогда, онъ становится храмомъ Божиимъ. Послѣ таинства крещенія, христіанинъ, сочетавшись съ Христомъ и получивъ оставленіе грѣховъ, запечатлѣвается печатію дара Духа Святаго: «печать дара Духа Святаго» говоритъ священникъ, помазуя новокрещеннаго святымъ мѣромъ. Въ человека вселяется Духъ Святый, котораго отъ Отца послалъ своей апостольской церкви Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и становится человекъ храмомъ Божиимъ. Но вотъ въ чемъ горе наше, — часто мы этотъ храмъ Духа Святаго повреждаемъ своими грѣхами. Случается часто, — и съ кѣмъ не случается? — что этотъ нашъ храмъ тѣлесный становится «весь осквер-

ненъ», — какъ поется въ церкви. Богъ Отецъ, по заслугамъ Сына своего, воплотившагося ради нашего спасенія, далъ намъ Духа своего Святаго; но за нашу нечистую жизнь Онъ можетъ отнять Его отъ насъ. Надо молиться: «Господи, иже пресвятаго твоего Духа въ третій часъ Апостоламъ твоимъ низпославый, того, благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихся». Слышите: «не отыми»!... Отыметъ, — и станетъ человѣкъ не храмъ Божій, а просто храмина, либо еще хуже — храмъ духа злаго.

Еще становится человѣкъ храмомъ Божиимъ, когда принимаетъ въ себя самого Христа — Его честное и пресвятое тѣло и животворящую кровь — въ таинствѣ святаго причащенія. Самъ Господь сказалъ: *ядый мою плоть и пійай мою кровь во мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ*. Самъ Христосъ въ тебѣ когда ты приимешь Его въ домъ души твоей: значить, ты становишься Его храмомъ.

Рече Господь: *аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. зач. 48, гл. 14). Вотъ, по слову Христову, кто еще удостоивается стать обителю Божіей, — тотъ, кто соблюдаетъ слово Христово...

Дай Господи и намъ и вамъ быть храмами Божиими; дай Господи, чтобы и мы и вы соблюдали слово Христово, чтобы принимали Его самого въ причащеніи и хранили нерушимо печать Духа Святаго, данную намъ въ таинствѣ миропомазанія! Но кто же такъ святъ, что скажетъ: я соблюдаю всегда слово Христово, и Отецъ и Сынъ сотворили во мнѣ свою обитель, и печать Духа Святаго храню ненарушимо? Намъ, грѣшнымъ, одна надежда на Божіе милосердіе и на Его благодать. Когда Онъ самъ повелѣваетъ намъ отверсть двери нашего храма, да внидетъ въ него, мы должны со страхомъ и трепетомъ, но и съ любовію принять Его, а не бѣжать отъ причастія тѣла и крови Христовой, какъ дѣлаетъ поголовно вся несчастная безпоповщина, какъ дѣлаешь и ты, дѣдушка Гаврила!...

Дѣдушка Гаврила не ждалъ, должно быть, такого поворота

рѣчи прямо къ нему и съ минуту не зналъ, что сказать. Потомъ высказалъ обычное у безпоповцевъ сѣтованіе на нынѣшнее горькоплачевное время, когда не можетъ быть на землѣ причастія. Но я вернулся къ его положенію, что церковь — человѣкъ.

— Вы часто говорите, что «церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ», т.-е., что не деревянная моленная (храмъ) — церковь, а люди — церковь. Такъ что ли?

Дѣдъ обрадовался, что попалъ на знакомыя слова.

— Разумѣется, говорить, не въ бревнахъ, а въ ребрахъ... Церковь — не стѣны и покровъ...

— Слушай: въ Домшинѣ стояла церковь деревянная, — были эти бревна, да сгорѣли — и нѣту этой церкви...

— То и мы говоримъ, что церковь — не въ бревнахъ!

— А вотъ жилъ человѣкъ и умеръ... И ребра были, да потомъ истлѣли, какъ были бревна, да сгорѣли. Куда же церковь твоя дѣлась?

Нужно было видѣть лицо дѣда Гаврилы: эти очень простые слова произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ заметался и не зналъ, что сказать. А я продолжалъ:

— Не говори же ты, дѣдушка, что церковь въ ребрахъ. Подумай: какъ можетъ случиться, чтобы ты, одинъ человѣкъ, конечно, грѣшный, составлялъ собою святую соборную церковь? Да такихъ, какъ ты и я, много насъ; а Церковь — единая. Это вѣрно, что Церковь, въ которую вѣруемъ, не состоитъ въ бревнахъ; она въ людяхъ, — только не во всякихъ, а въ вѣрующихъ всему Христову Евангелію. Церковь-то, дѣдушка, не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе, не стѣны церковныя, но законы церковные.

— Да вѣдь это же и мы говоримъ!... Удивился мой старикъ, опять услышавъ отъ меня давно имъ заученныя рѣчи.

— Я знаю, что вы давно это говорите... Но вотъ этихъ самыхъ законовъ церковныхъ у васъ и не оказывается; этой самой вѣры, на которой стоитъ, и стояла, и будетъ во вѣки стоять церковь, у васъ и нѣтъ почти. А о стѣнахъ пожалуйста не говорите, — стѣны есть и у насъ, въ нашей молен-

ной, законно освященной и именуемой храмомъ Божиимъ, есть онѣ и у васъ, въ вашей моленной. Какъ дому быть безъ стѣнъ? Наша моленная, или храмъ, называется и церковію; только не думайте, что мы въ этотъ храмъ, въ эту церковь вѣруемъ. Этихъ храмовъ много, — въ каждомъ приходѣ по храму; а Церковь, въ которую вѣруемъ, едина во всемъ свѣтѣ. Одна Церковь, какъ одинъ Христосъ. Христосъ — женихъ, а она — Его невѣста. Соединяется церковь со Христомъ, когда каждая душа человѣческая «сочетавается со Христомъ» въ крещеніи и когда Христосъ входитъ въ наше тѣло, какъ въ храмъ, въ таинствѣ святаго приобщенія. Вотъ она гдѣ — церковь; тутъ и ищи ее, дѣдушка: въ крещеніи и въ причащеніи. Увидишь ее и въ другихъ таинствахъ и молитвахъ; но въ этихъ таинствахъ она виднѣе всего...

— Вотъ ты давеча сказалъ, что церковь стоитъ на вѣрѣ. И мы на вѣрѣ утверждаемся, — замѣтилъ Гаврила. У насъ Петрова, Апостола Петра, вѣра.

— Стоите ли вы на Петровой вѣрѣ, — въ этомъ я немножко сомнѣваюсь.

— Мы какъ Апостоль Петръ вѣруемъ и на сей вѣрѣ стоимъ!

— Почитаемъ, говорю, Евангеліе «о Петровой вѣрѣ». Однажды Господь Иисусъ Христосъ спрашивалъ у Апостоловъ, за кого Его народъ почитаетъ. Апостолы отвѣтили: разно Тебя почитаютъ, — одни за пророка Ілію, другіе — за Іеремию, третьи — за Іоанна Крестителя... А вы, спрашиваетъ, за кого меня почитаете? — *вы же кого мя глаголете быти, Сына человеческого?* За всѣхъ Апостоловъ далъ отвѣтъ Петръ: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго.* Вотъ это и есть Петрово исповѣданіе, — вѣра Петрова, что Христовъ, Сынъ человѣческой, есть не просто сынъ человѣческой, но и Сынъ Божій. И дѣйствительно, на этой вѣрѣ стоитъ церковь. *И отвѣщавъ Иисусъ рече ему: блаженъ еси Симоне, варъ Іона (блаженъ ты Симонъ, сынъ Іоны). Чѣмъ же блаженъ Петръ? Спаситель объясняетъ: яко плоть и кровь не яви тебѣ... — ибо не люди явили тебѣ, что я Сынъ Бога живаго.*

Этой вѣрѣ, что Иисусъ есть Христосъ Сынъ Бога живаго, не отъ людей, плоти и крови, научился Петръ: никто изъ людей не говорилъ Петру, что Иисусъ изъ города Назарета есть Божій Сынъ. Эта тайна вѣры нашей была сокрыта отъ людей, и не люди сдѣлали эту скрытую тайну явной для Петра; не они явили, что Христосъ есть Сынъ Божій. Кто же? *Плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесахъ.* Вотъ кто: Отецъ небесный открылъ Апостолу Петру, что Христосъ есть Его Сынъ. Значить, это Бога Отца откровеніе, что Иисусъ есть Его Сынъ. Вѣрно, что Иисусъ Христосъ есть Божій Сынъ? Вѣрно, потому что объ этомъ Петръ Апостоль узналъ не отъ людей, а отъ самого небеснаго Отца. Тѣмъ-то и блаженъ Петръ, что удостоился такого великаго откровенія.

Читаемъ дальше: *и Азъ же тебѣ глаголю* — и Я же тебѣ говорю. Христосъ какъ бы такъ говорить: «что Я — Сынъ Бога живаго, это тебѣ сказалъ мой Отецъ; а теперь слушай, что Я тебѣ скажу. Первое откровеніе получилъ; теперь готовься выслушать второе: и Я тебѣ говорю: *ты еси Петръ, и на семь каменъ созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей!* Удостоился Петръ Апостоль слышать и это великое откровеніе Бога-Сына, что создаетъ Онъ свою церковь, которую не одолѣютъ врата адова. Это хорошенько запомните, что здѣсь, на этой одной страницѣ Евангелія, записаны подъ рядъ два откровенія: первое, что Иисусъ есть Христосъ Сынъ Бога живаго; второе, что на Петрѣ (на его вѣрѣ, толкуютъ св. отцы) создастъ Онъ свою церковь, неодолимую даже адскими вратами. Если бы между христіанами нашелся такой, который сомнѣвался бы, Сынъ ли Божій Христосъ, такой христіанинъ плохо бы вѣровалъ въ откровеніе Бога Отца, которымъ Онъ удостоилъ Апостола Петра, — откровеніе, что Христосъ есть именно Сынъ Божій. Если бы какой христіанинъ сомнѣвался, вѣчна ли, неодолима ли церковь Христова, тотъ показалъ бы, что онъ плохо вѣритъ самому Христу, который удостоилъ Петра, а черезъ Петра и насъ, своего свидѣтельства, что неразрушима и неодолима Его церковь.

Какъ вѣрно, что Христосъ есть Божій Сынъ, также вѣрно, что неразрушима, неодолима Его церковь. Поняли ли вы, что нельзя быть христіаниномъ, не вѣруя въ вѣчность Христовой церкви, потому что эта наша вѣра точно также, какъ и вѣра, что Христосъ — Сынъ Божій, не отъ людей, не отъ «плоти и крови», но отъ самого Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божія. — Мы вѣруемъ, что есть эта церковь, которую Христотъ создалъ на Петровой вѣрѣ. Не можетъ быть, что бѣ ея не было! Есть она, стоитъ этотъ «столбъ и утверждение истины», и нѣтъ такой вражеской силы, чтобы могла сокрушить эту Христову крѣпость... Ты пойми, что Христосъ предвидѣлъ, что у церкви будетъ борьба съ вратами адскими; но Онъ предсказалъ, что не одолѣютъ они ее. И мы спокойны: никто не можетъ сокрушить церковь, — она неодолима даже отъ вратъ адовыхъ.

Было прочитано по Благовѣстному Евангелію толкованіе на это мѣсто (Мѣ. зач. 67).

Случилось на бесѣдѣ, между прочимъ, и вотъ что. Читалось Евангеліе, кажется о причащеніи. Одинъ мужичекъ надѣлъ вдругъ картузь (а весь народъ въ комнатѣ безъ картузовъ) и сталъ выходить, и на ходу крикнулъ: «ври больше!...» Старшина-было кинулся за нимъ; но я остановилъ его. Послѣ Дмитрія Ананьева можно было и это перенести. Тоже христіанинъ, а такія рѣчи говорить!..

Семень Анреевъ, который въ Губинѣ на Георгіевъ день разговаривалъ со мной, достоялъ молча всю бесѣду до конца.

Когда она кончилась, нѣкоторыя женщины пожелали поцѣловать Евангелія, бывшія у меня для бесѣды. Я, разумѣется, охотно далъ имъ приложиться къ святой книгѣ, которой, въ сожалѣнію, не вполне вѣрятъ старовѣры.

На другой день я уѣхалъ въ Вологду. Домшинскій церковный староста и отвезъ меня. Благодарю его.

Третья миссіонерская поѣздка въ епархію.

I.

Опять въ Домшинѣ.

Церковный староста села Домшина В. Н. Зайцевъ просилъ преосвященнаго Израиля, во время обзрѣнія церквей Вологодскаго уѣзда, отслужить обѣдню въ ихъ Домшинской церкви. Преосвященный сказалъ ему, что эта просьба удобоисполнима. Староста рассчитывалъ, что архіерейская служба въ селѣ, приходѣ и окрестности котораго изобилуютъ раскольниками, не будетъ безъ благотворнаго воздѣйствія на религіозное состояніе народа. И мнѣ преосвященный велѣлъ пріѣхать въ Домшино ко дню его служенія тамъ, которое назначено было на 8-е іюля, чтобы за обѣдней сказать проповѣдь.

8-е іюля пришлось въ воскресенье, — значить были два праздника. Наканунѣ была отслужена всенощная. Народу, не смотря на необычность этой службы для сельской церкви, собралось не очень много, потому что на лугахъ кипѣла работа (стояла же прекрасная погода). Гораздо больше собралось народу къ обѣднѣ въ самый день архіерейскаго служенія.

Я воспользовался этимъ стеченіемъ народа, и, до встрѣчи владыки, минутъ 20 бесѣдовалъ съ собравшимися, объясняя имъ, что Божественная литургія одинакова, служится ли на семи просфорахъ, или на пяти, т.-е. старался оправдать церковь противъ обвиненія ея старообрядцами въ неправославіи изъ-за переменъ ею семипросфорія на пятипросфоріе.

Служили съ преосвященнымъ восемь священниковъ и шесть діаконовъ. Я былъ очень радъ, что въ Домшинѣ владыка устроилъ такое торжественное служеніе. Въ обычное время, принявъ благословеніе, я вышелъ говорить проповѣдь, — и это впервые за архіерейской службой, при такомъ многочисленіи. Приблизительно вотъ что говорилъ я:

«Когда послы великаго князя Владиміра пришли въ Царьградъ для осмотра греческой вѣры, то ихъ повели тамъ въ соборный храмъ, гдѣ патріархъ служилъ обѣдню. Нашимъ посламъ (они были тогда еще язычниками) такъ понравилась эта служба, что послѣ, когда возвратились они ко Владиміру, говорили объ ней: «мы не знали, гдѣ стояли, — на небѣ, или на землѣ». Такъ хороша показалась имъ православная архіерейская служба!

«Здѣсь — не соборный столичный храмъ; этотъ деревянный храмъ, ничѣмъ, кромѣ иконостаса, не украшенный, нельзя и сравнивать съ Софійскимъ соборомъ, гдѣ стояли службу Владиміровы послы, и служба тамъ была, разумѣется, несравненно торжественнѣе, чѣмъ здѣсь; но все же, какъ великолѣпна и благолѣпна эта служба, которая идетъ сейчасъ въ этомъ бѣдномъ сельскомъ храмѣ! И какъ вообще хороша архіерейская служба! Царскія двери, кромѣ вотъ этого времени, когда священнодѣйствующіе причащаются, всю-то службу остаются отверстыми и всему народу видѣнъ алтарь — наше земное небо, видны всѣ дѣйствія священнослужителей: ихъ колѣнопреклоненія, воздѣянія рукъ, благословенія, перенесеніе святыхъ даровъ съ жертвенника на престоль, ихъ поставленіе здѣсь, кажденіе, благословеніе хлѣба и вина, послѣ чего хлѣбъ уже не хлѣбъ, а тѣло Христова, и вино уже не вино, а животворящая кровь Христова! Отраднo видѣть, какъ всѣ священники, послѣ словъ протодіакона: «возлюбимъ другъ друга», подходятъ къ архіерею дать лобзаніе мира и любви, и потомъ всѣ лобзаются другъ съ другомъ въ знакъ той же любви, которую имѣтъ между собою заповѣдалъ намъ Христосъ. Особенно трогательна та минута, когда архіерей выходитъ изъ царскихъ вратъ на амвонъ, во время пѣнія: «Святый Боже». Въ одной рукѣ у него крестъ, въ другой — двусвѣщникъ, и крестообразно осѣняя ими народъ, онъ молится: призи съ небесе, Боже, и посѣти виноградъ сей, и утверди этотъ виноградъ, который насадила десница Твоя! Виноградъ, садъ виноградный, — это церковь; насажденный Божіей десницей, растеть и цвѣтеть этотъ

виноградный садъ, этотъ рай земной — церковь Божія. Всѣ мы, и я, и ты, деревца въ этомъ саду. Крещеніемъ насъ посадили, какъ деревцо, въ этомъ саду; муропомазаніемъ — привили, дали нашей душѣ благодатныя силы, чтобы мы могли жить по нашей вѣрѣ; затѣмъ Христось, господинъ и хозяинъ этого сада, ждетъ отъ насъ плодовъ, дѣлъ добрыхъ... Священники — это работники Божіи, садовники въ его саду: ихъ руками самъ Богъ тебя посадилъ въ своемъ виноградникѣ — въ церкви. Потому-то архіерей и молится: «посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя», Господи! Да, очень трогательна эта минута благословенія и эта молитва архіерейская! И вся вообще архіерейская служба какъ торжественна и хороша! Не правдали? — вѣдь хороша?»

— Хороша! — дружно, въ одинъ разъ, слышалось нѣсколько голосовъ изъ народа.

«Хороша и торжественна наша православная, особенно архіерейская служба, — продолжалъ я, — и вамъ нужно радоваться, что владыка соизволилъ нынѣ служить литургію въ вашемъ храмѣ. Теперь подумайте: возможно ли что-либо подобное у непоповцевъ, которыхъ здѣсь и въ окрестности такъ много? Напрасно пошли бы мы и въ Среднее и въ Дьяконицу¹⁾, если бы вздумали посмотрѣть тамъ такого величія. И если бы послы великаго князя Владиміра пришли, — я говорю примѣрно, — въ моленную къ нашимъ непоповцамъ, наврядъ ли бы они сказали, возвратившись къ Владиміру: «не знаемъ, гдѣ были, на землѣ, или на небѣ»! Не такова тамъ служба, чтобы можно было приходить въ умиленіе. Я въ непоповскихъ моленныхъ бывалъ, бывалъ даже на Святой недѣлѣ, въ самое праздничное, въ самое радостное время; но — Боже мой! — что тамъ за грустная служба! Напѣвъ въ родѣ похороннаго, и слова не по-русски выговариваютъ (Христэ, тебэ...). вмѣсто священника, облаченнаго въ церковныя свѣтлыя ризы, я видѣлъ тамъ мужика, по-мужицки

---

¹⁾ Деревни Домшинскаго прихода, гдѣ есть непоповщинскія моленные.

остриженнаго и по-мужицки же одѣтаго. Но бываетъ и еще неприличнѣе, еще незаконнѣе, — въ иныхъ моленныхъ даже настоятельствуютъ женщины... Гдѣ есть такое узаконеніе? — нигдѣ! Это выдумка старовѣровъ, чтобы за службой настоятельствовали мужики и бабы вмѣсто священниковъ. И какъ же совершаютъ божественную службу эти безпоповскіе настоятели? Никакихъ прошеній (эктеній), никакихъ моленій *о миръ всею міра, о царствующихъ градехъ, о царь и всѣхъ православныхъ христіанахъ*, никто у нихъ не говоритъ. Я ни разу не слышалъ, чтобы тамъ возглашали: *Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа...* Не слышалъ и этихъ словъ: *Слава Святый, единосущный, животворящій и нераздельный Троицъ...* Даже и этихъ словъ: *Благословенъ Богъ нашъ* никогда у нихъ не слышалъ. И выходитъ, что даже перваго шага по уставу они, великіе уставщики и законники, не могутъ и не умѣютъ ступить. Стоитъ посмотрѣть, какъ они, на примѣръ, крестятъ. Благословенія воды и младенца не бываетъ, молитвъ больше половины не читаютъ; вокругъ купели не ходятъ, мѣромъ святымъ не помазуютъ... Да и не перечислить всѣхъ убавленій, какія допустили у себя безпоповцы противъ устава свв. отецъ. Однако же, по удивительной слѣпотѣ, они не замѣчаютъ всей скудости своего богослуженія, всей незаконности своей въ совершеніи таинствъ... Они, прежде чѣмъ обратиться на себя, указываютъ пальцами на насъ и кричатъ, что будто бы у насъ все не такъ, какъ бы должно быть.

«Не смысля, въ чемъ дѣло, они укоряютъ насъ, какъ мы смѣли оставить двѣ проскомидійныхъ просфоры. Я говорилъ вамъ передъ обѣдней, что литургія совершается не на семи и не на пяти, но на одной просфорѣ, потому что, — пишетъ Апостоль, — «*все мы отъ единого хлѣба причащаемся*»; хлѣбъ этотъ — Христово тѣло; тѣло же у Христа одно, и потому на таинство причащенія идетъ одна просфора, — ни больше, ни меньше. Значитъ вся сущность, вся сила въ этой таинственной просфорѣ. Число же остальныхъ просфоръ опредѣляется въ разныхъ уставахъ различно: есть и шесть, и че-

тыре, и даже двѣ. Но, положимъ, что мы двѣ просфоры убавили: было семь, двѣ убавили, осталось пять. Тутъ дѣло ясное; а пусть старовѣры растолкуютъ намъ, какъ это случилось, что они, по ихъ словамъ, ничего не прибавили, ничего не убавили въ чинахъ и уставахъ, и однако не осталось у нихъ не только пяти, какъ у насъ, но даже и одной просфоры. Было семь; ни одной не прибавили, ни одной не убавили: куда же дѣвались эти семь? почему ни одной не осталось? или и въ старину ни одной просфоры не было, какъ сейчасъ у нихъ? Но еще горшая бѣда ихъ не въ томъ, что они лишились семи просфоръ. Въ Евангеліи Господь говоритъ о нѣкоторыхъ людяхъ, что они пожираютъ верблюдовъ, а комаровъ отцѣживаютъ. Безпоповцы походятъ на этихъ людей. Отцѣживая комаровъ, толкуя о томъ, что невозможно убавить ни единой отъ семи просфоръ, они лишились даже тѣла и крови Христовой. Толкуя о томъ, что въ богослуженіи нужно хранить все въ томъ видѣ, какъ было при патриархѣ Іосифѣ, и считая насъ преступниками даже за то, что мы аллилуіа лишній разъ противъ нихъ поемъ, они, несчастные, не замѣтили, что у самихъ нѣтъ и Божественной литургіи! Есть у нихъ другія службы, но нѣтъ литургіи. А это все равно, что есть руки и ноги, а нѣтъ головы. Литургія есть самая главная церковная служба. Она всѣмъ службамъ служба. Вечерня, утреня, часы и всѣ прочія службы только приготовленіе къ обѣднѣ, какъ бы лѣстница, по которой мы восходимъ въ Сіонскую горницу, гдѣ совершается тайная вечеря. Именно «тайная вечеря»: приступая къ причащенію, я и ты, и всякій православный говоритъ: «вечери твоя тайная днесъ, Сыне Божій, причастника мя пріими»... Все одна и та же тайная вечеря, — и тогда, когда Господь, наканунѣ своей смерти, въ великій четвергъ, впервые причастилъ Самъ своихъ Апостоловъ, и теперь, — тогда она только началась, а теперь продолжается. И теперь, когда мы причащаемся, Самъ же Господь, только уже невидимо, рукою своего служителя — священника, причащаетъ насъ. И Онъ удостоиваетъ насъ вкушать именно Его тѣло и кровь, которыя на первой тайной вечери преподалъ

Апостоламъ. Нѣтъ разности между тою «тайною вечерію» и этой нашей «обѣдней», потому что Христосъ «вчера и днесъ тойже и во вѣки». Онъ не мѣняется. Обѣдня — Его тайная вечеря, а мы, священники, только Его *служители, строители Его таинъ*, какъ Апостоль говоритъ о насъ. Я знаю: есть несчастные люди, которые не идутъ на эту вечерю, на эту трапезу Христову, потому, что мы, слуги и рабы Христовы, плохи... Но развѣ Христосъ измѣнился отъ того, что я плохъ? Развѣ можно уходить съ царскаго обѣда изъ-за того, что тебѣ не нравится царскій слуга, разносящій угощенія?! А старовѣры уходятъ съ трапезы Царя небеснаго и говорятъ, что изъ-за дурныхъ священниковъ не будутъ принимать ни тѣла, ни крови Христовой!

«Своей же обѣдни, вечера тайной, нѣтъ у нихъ. И не будетъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ оставаться въ своемъ безпоповствѣ. У нихъ нѣтъ священства, а безъ священства они то же, что стадо безъ пастыря, — оно разобьется на отдѣльныя кучки, разбредется все врозь, и легко волку унести овцу изъ такого стада. Не видно ли вамъ, какъ наши старовѣры раздробились на множество вѣръ? какъ они, забывши настоящій «дворъ овчій», т.-е. истинную православную церковь, понадѣлали себѣ чуть ли не въ каждомъ домѣ по нѣскольку отдѣльныхъ церквей? — и жена не одной вѣры съ мужемъ, и сестра не одной вѣры съ братомъ, и невѣстка не одной вѣры со свекровью, — всѣ разныхъ вѣръ, вмѣстѣ другъ съ другомъ не молятся, даже не ѣдятъ изъ одной чашки... Есть въ правилахъ святыхъ соборовъ такое грозное слово: если какіе люди, помимо церкви, сами по себѣ начнутъ собираться и, не хотя знать церкви, захотятъ церковныя дѣла творить, а нѣтъ съ ними священника, покорнаго и послушнаго волѣ епископа, таковыя да будутъ подъ клятвою!¹⁾ Не сбывается ли на безпоковцахъ этотъ приговоръ и не видно ли въ судьбѣ ихъ Божія надъ ними суда? Они раздробились на множество «старыхъ» вѣръ, одна другую проклинаящихъ

¹⁾ Таковъ именно смыслъ 6-го правила Гангр. собора.

и одна другой враждебныхъ. Это ли православная вѣра? Нѣтъ, не такова она, старая дѣйствительно, Христова вѣра. Она требуетъ: «возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную». Вотъ наша вѣра: единомысліе, а не разногласіе, единовѣріе, а не разновѣріе. Они говорятъ, будто на «Горѣ» другая вѣра, чѣмъ здѣсь, въ селѣ. Неправду они говорятъ, не понимая въ чемъ дѣло. Пусть они подумаютъ: если бы дѣйствительно единовѣрцы не были съ нами одной вѣры, пригласилъ ли бы нашъ архіерей единовѣрческаго священника, о. Максима, служить съ собой обѣдню? Но мы всѣ видимъ, что о. Максимъ наравнѣ со всѣми другими священниками служить сейчасъ литургію съ нашимъ архіереемъ. И въ это время архіерей причащаетъ его изъ своихъ рукъ, какъ и всѣхъ другихъ священниковъ и діаконовъ, — подобно тому, какъ на первой тайной вечери, за первой литургіей, Великій Архіерей Господь нашъ Іисусъ Христосъ причастилъ первыхъ священниковъ нашей вѣры — Апостоловъ. И тѣмъ еще хороша архіерейская служба, что въ ней очень ясно виденъ весь строй и порядокъ церковной жизни: здѣсь архіерей, — по образу Великаго Архіерея Христа Спасителя; съ нимъ священники и діаконы, отъ него принявшіе рукоположеніе на строеніе таинъ; за ними народъ, стадо Христовыхъ овецъ, которыхъ они, пастыри, учатъ евангельскому ученію, для которыхъ совершаютъ святую службу и которымъ преподаютъ благодатныя силы въ таинствахъ.

«Такой чинъ и порядокъ свято блюдется въ Христовой церкви отъ самыхъ апостольскихъ временъ. И онъ подробно описанъ во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ. Наши старовѣры не сохранили его, и старыя книги осуждаютъ ихъ. Церковь, описанная въ этихъ книгахъ, есть та самая, которая была до лѣтъ Никона патріарха, нынѣ пребываетъ и всегда пребудетъ, потому что Самъ Христосъ хранитъ ее, и нѣтъ такой силы, которая бы могла одолѣть ее. Онъ самъ сказалъ: *созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей*. Неизмѣнно и твердо слово Господа. Небо и земля мимо идутъ, а слово

Его не идетъ мимо. И мы вѣруемъ Христу, Богу нашему, что есть Его церковь и до скончанія вѣка пребудетъ во всемъ богатствѣ и красотѣ, которыми удобрилъ ее, невѣсту свою, небесный женихъ, — со всѣми дарами Его благодати: и съ причащеніемъ святыхъ таинъ, и съ разрѣшеніемъ грѣховъ въ покаяніи, и съ бракомъ, и съ соборованіемъ, и съ священствомъ — со всѣмъ тѣмъ, чего нѣтъ у нашихъ несчастныхъ безпоповцевъ, но что есть и должно быть у православныхъ христіанъ, составляющихъ собою святую соборную и апостольскую церковь».

Я не буквально такъ говорилъ, какъ сейчасъ написалъ. Говорилъ я безъ тетрадки, наизусть, и очень долго, — около получаса. Теперь я воспроизвелъ только главныя мысли тогдашней проповѣди. Въ ней были и отступленія, иногда неожиданныя даже для меня, въ родѣ слѣдующаго.

Когда я говорилъ о томъ, что священники учатъ народъ православной вѣрѣ, слышу голосъ: «плохо учатъ! въ городахъ постами почти сплошь мясо ѣдятъ, а священники видятъ и молчатъ!»! Говорилъ это мой знакомый Онисимъ кузнецъ, старовѣръ. Я отвѣтилъ: «Священники проповѣдуютъ постъ и воздержаніе, и нигдѣ я не слыхахъ, чтобы священники учили презирать постъ. А если не всѣ изъ насъ смѣло обличаютъ нарушающихъ посты, то ты долженъ знать, что не всѣ мы Златоусты. Много священниковъ и епископовъ было при Златоустѣ, но не всѣ же они обличали нечестивую царицу. А если ты не слыхалъ, чтобы какой-нибудь священникъ обличалъ нарушающихъ церковный уставъ о постахъ, такъ послушай меня — священника». И я сталъ говорить противъ разоряющихъ постъ, что они являются вдвойнѣ виновными: и противъ своей совѣсти, и противъ совѣсти этихъ Онисимовъ и Ивановъ, которые за ихъ слабость осуждаютъ всю нашу церковь.

Послѣ обѣдни я искалъ Онисима, — хотѣлъ сказать ему, что чужими грѣхами онъ не оправдается. Грѣхи, подобные тѣмъ, какіе указываетъ онъ за членами нашей церкви, бывали всегда, и даже этотъ самый грѣхъ нарушенія

постовъ бывалъ у насъ и въ старину, до Никона патріарха (См. Книгу о вѣрѣ, гл. 15, л. 130).

Такія неожиданныя отступленія всегда возможны, когда слушатели внимательны къ тому, что имъ говорятъ, и я люблю эти ихъ вопросы во время проповѣди. Значить, не дремлетъ человѣкъ, значить, слушаетъ и проповѣдь шевелитъ его мысли и, вѣроятно, чувства...

Въ тотъ же день я часа два-три бесѣдовалъ на улицѣ возлѣ дома церковнаго старосты. Слушателей была большая толпа. Вопросы задавалъ преимущественно одинъ старенькій, сѣденькій старичокъ. Въ его вопросахъ собственно ничего интереснаго не было: все обычныя рѣчи, вызванныя безпоповщинскими толками объ антихристѣ, его печати, и о прекращеніи на землѣ церкви Божіей; кажется, небыло ни одного предмета, о которомъ бы не имѣлъ недоумѣній и сомнѣній этотъ старичокъ. И вдругъ ему говоритъ одинъ изъ слушателей, не мужикъ: «перестань, старичекъ, спрашивать; успокойся и вѣруй, какъ дитя малое вѣруетъ своему родителю».

Положимъ, говорится: «что старый, что малый — все равно»; но я былъ очень удивленъ этимъ совѣтомъ старику — вѣровать, какъ дитя. У человѣка подъ вліяніемъ сосѣдства и бесѣдъ съ безпоповцами поколеблено все, во что онъ вѣровалъ, обо всемъ онъ сомнѣвается; а ему говорятъ: успокойся! Онъ желаетъ успокоиться, ему вопросы покоя не даютъ, они гонятъ его, старика стараго, изъ деревни въ село на бесѣду; онъ ищетъ разъясненія своихъ недоумѣній, чтобы успокоиться, а ему совѣтуютъ, чтобы онъ, еще не рѣшивъ сомнѣній, сталъ спокойнымъ, какъ дитя! Въ Евангеліи, правда, есть слово: *аще не обратитесь, и не будете, яко дѣти, не увидите въ царство небесное*. Но кому же не извѣстно, что дѣти поставлены здѣсь не въ примѣръ легковѣрія, или маловѣдѣнія, а въ примѣръ незлобія и чистосердечія? И Апостоль наставляетъ: «не бывайте умомъ младенцы; злобою бывайте младенцы».

Прощаясь съ народомъ, я получилъ приглашеніе пріѣзжать

въ Домшино къ Ильину дню на праздникъ, когда народъ свободенъ отъ работы.

II.

Въ Бесѣдническомъ приходѣ.

14-го іюля я приѣхалъ въ с. Бесѣдное. 15-го здѣсь праздникъ въ честь святыхъ мучениковъ Кирика и Улитты.

Передъ обѣдней я показывалъ народу старопечатныя книги, изъ которыхъ они могли видѣть, что старовѣры много говорятъ неправды на нашу церковь по невѣдѣнію старопечатныхъ книгъ.

Обѣдню служилъ я съ приходскимъ священникомъ и діакономъ изъ села Ломтева, который приглашенъ былъ для болѣе торжественной праздничной службы. Въ обычное время я говорилъ проповѣдь о томъ, въ чемъ состоитъ наша православная вѣра. Я думаю, что проповѣдь объ этомъ надо чаще говорить, потому что народъ почти не знаетъ своей вѣры. Иные идутъ въ старовѣрье потому, что тамъ имъ хоть что-нибудь да уяснится.

Народу за обѣдней было довольно, во-первыхъ потому, что въ день Кирика и Улитты въ Бесѣдномъ бываетъ крестный ходъ на воду, а во-вторыхъ потому, что старшина въ Вахрушево, деревню очень большую, послалъ приказъ явиться всѣмъ домохозяевамъ къ обѣднѣ, подъ страхомъ штрафа по закону¹⁾. Послѣ обѣдни мы ходили съ крестнымъ ходомъ на колодезь. Возвращаемся оттуда, — а намъ на встрѣчу идетъ въ село сѣдовласый старецъ, безъ шапки, босикомъ, въ одной рубахѣ и несетъ четвертную бутылъ съ виномъ. Это на встрѣчу священникамъ съ крестомъ и святой водой! «Вахрушанинъ, — объяснили мнѣ послѣ, — и раскольникъ!»

На другой день, 16-го іюля, я поѣхалъ въ д. Вахрушево

---

1) Есть законъ въ крестьянскомъ положеніи, чтобы въ престольные праздники всѣ домохозяева бывали непременно въ церкви, — такъ объяснилъ мнѣ старшина строгость своего приказа.

со старшиной часовъ около 10-ти утра. Приѣхали прямо къ крыльцу хорошей избы, гдѣ живетъ кума старшины Ефросинія. На крыльцѣ сидятъ двѣ дѣвочки. Мать дома? — спросилъ старшина. «Нѣтъ». — А гдѣ же она? — «Въ гостяхъ».

— Ну, бѣги за ней!

Пришла хозяйка, очень ласковая и расторопная женщина. Черезъ 10 минутъ уже готовъ былъ самоваръ, и мы сѣли за столъ. Хозяйка богатая женщина — вдова. По завѣщанію покойнаго мужа, она раздала странникамъ 20 пятидесятирублевыхъ серій на поминъ души его. И сама держится странническихъ бредней о царствѣ антихриста.

За чаемъ разговорились о вѣрѣ. Кое-кто пришелъ послушать, въ томъ числѣ бывшій въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на бесѣдѣ въ Губинѣ и въ своемъ Вахрушевѣ Семень Андреевъ. Повѣстки на всю деревню не давали, потому что народъ гулялъ. Мы хотѣли сдѣлать бесѣду съ нѣкоторыми избранными, и потому просили хозяйку сходить за дѣдушкой Евсеіемъ, главнымъ вахрушевскимъ наставникомъ. Она пошла, но воротилась одна: не пошелъ дѣдушка Евсей, — отговорился тѣмъ, что «мы-де люди малограмотные, гдѣ же намъ сговорить съ ученымъ миссіонеромъ!» Послали хозяйку вторично, — велѣли уговорить дѣдушку Евсея, чтобы ничего не боялся, смѣло шелъ бы, потому что мы бесѣдуемъ отъ старыхъ книгъ, ему знакомыхъ. Пошла; но опять не привела дѣдушки Евсея. Тогда, уже въ третій разъ, посломъ отъ всѣхъ насъ отправился самъ старшина. Онъ убѣдилъ старика придти. Маленькій, худенькій старичекъ, однако еще бодрый. Помолясь, онъ обратился къ нашей чайной компаніи съ низкимъ поклономъ и словами: «простите, Христа ради!» Говорили мнѣ, что это обычное привѣтствіе у странниковъ, по которому можно ихъ отличить отъ другихъ сектантовъ.

— Садись, дѣдушка. Не бойся; мы бесѣдуемъ по старымъ книгамъ.

Старикъ сѣлъ. Такъ какъ онъ не подоспѣлъ къ началу бесѣды, то пришлось объяснять ему, о чемъ идетъ у насъ рѣчь.

— Вотъ, дѣдушка, — говорю ему, — мы толкуемъ съ Семеномъ Андреичемъ о томъ, какъ разпознать истиннаго проповѣдника, истиннаго миссіонера, отъ неистиннаго.

— Какъ же?

— До тебя я говорилъ Семену: если бы я пришелъ къ вамъ въ Вахрушево вотъ съ этимъ старопечатнымъ Евангеліемъ и, разогнувши книгу, заставилъ бы тебя читать вотъ эти слова.

— Ну, прочитай, — говорю Семену Андрееву, — еще разъ что я заставлялъ тебя читать.

Семень Андреевъ читаетъ: *Рече Іс: аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете, крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. зач. 23).

— Такъ вотъ, если бы я пришелъ къ вамъ и заставилъ бы прочесть изъ стариннаго Евангелія эти самыя слова, а потомъ сталъ бы говорить: закрой, закрой эту книгу! Хоть тутъ и написано, что надо причащаться, но можно обойтись и безъ причащенія! Хотя Господь І. Христосъ и два раза сказалъ: «аминь», дважды своимъ Божескимъ словомъ завѣрилъ, что для спасенія необходимо принятіе Его пречистыхъ и животворящихъ таинъ, но я тебѣ говорю, что все-таки можно и безъ нихъ, безъ причастія святыхъ таинъ, прожить и быть спасену... Что же, Семень Андреичъ, ты отвѣтилъ бы мнѣ на такія мои рѣчи? призналъ ли бы меня истиннымъ проповѣдникомъ?

Семень Андреевъ молчитъ, — очевидно, не понялъ меня. Но старикъ Евсевій понялъ, въ чемъ дѣло, — понялъ, что я говорю именно такъ, какъ безпоповцы учатъ о причащеніи. Онъ вдругъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Батюшка! Вѣдь мы такъ не проповѣдуемъ, какъ ты объ насъ говоришь! Мы учимъ, что причащеніе нужно, вотъ какъ нужно (онъ показалъ рукой на горло)! — да негдѣ намъ его нынѣ взять... Мы рады бы душою причаститься, да негдѣ, нѣтъ на свѣтѣ «причастія»...

— Какъ нѣтъ? Вѣдь Христосъ же обѣщалъ, что «слово Его не преидетъ»; а вдругъ оказывается, что причастія нѣтъ...

Какъ же могло случиться, что слово Христа Спасителя не сбылось? Онъ далъ намъ заповѣдь — *сiе* (т. - е. таинство причащенія) *творить въ Его воспоминаніе*; сказалъ, что Онъ будетъ съ нами *во вся дни до скончанія вѣка*. Если царь дастъ слово, то каждый знаетъ, что оно будетъ исполнено. Царь ли небесный не исполнитъ своего обѣщанія? Развѣ можетъ это быть? Подумай, старикъ! Вѣренъ Господь, и не можетъ отречься отъ своихъ словъ! Мы такъ и вѣруемъ, что всякое слово Христа Спасителя истинно, сбылось и сбывается; а вы говорите: негдѣ теперь стало причаститься!...

— Ахъ ты, Господи! — воскликнулъ Евсей. Кто же полагаетъ, что Христосъ обманулъ, — обѣщаль, и не исполнилъ своего обѣщанія? Все, что писано во св. Евангеліи, Онъ исполнилъ. Онъ-то вѣренъ своему обѣщанію; да мы невѣрны Ему, и Онъ за грѣхи, видно, наши отнял у насъ и церковь и святые тайны...

— Такъ не говорите же вы, что Господь не сохранилъ своей церкви, а молитесь, чтобы отпустилъ вамъ грѣхи, за которые вы лишились церкви. И не смѣйте увѣрять, что стоите въ православной вѣрѣ, а такъ и исповѣдуйте передъ каждымъ, что за грѣхи ваши отнял у васъ Господь то, что обѣщаль дать и далъ своей истинной церкви...

Старикъ слушалъ и народъ молча слушалъ.

— Ты знаешь, дѣдушка Евсей, — продолжалъ я, — какъ къ нашему князю Владиміру отъ разныхъ вѣръ приходили провѣдники и каждый звалъ его со всѣмъ народомъ въ свою вѣру?

— Знаю.

— Пришли евреи, и стали хвалить свою вѣру. Они рассказали, какъ Богъ на Синаѣ самъ далъ заповѣди народу своему, какіе законы установилъ Моисей, пророкъ Божій, какой великолѣпный храмъ Іеговѣ построилъ Соломонъ, сынъ Давида, и какъ въ этомъ храмѣ съ утра до ночи приносились жертвы Богу. «А покажете вы мнѣ свою вѣру, — храмъ вашъ, священниковъ вашихъ и жертвы ваши?» — спросилъ ихъ князь Владиміръ. Вздохнули послы еврейскіе, — нечего имъ было

показать: нигдѣ на всемъ свѣтѣ не было ни храма еврейскаго, ни священника, ни жертвы. «За грѣхи наши отняли у насъ Господь все, что далъ намъ», — сказали они князю. И прогналъ ихъ князь Владиміръ. Такъ и слѣдовало: они хотѣли наградить насъ тѣми дарами, какіе у нихъ у самихъ были отняты за ихъ грѣхи.

— Да, это такъ! — подтвердилъ старикъ.

— Слушай же ты, дѣдушка, дальше. Читалъ я разъ въ книгѣ, какъ одинъ миссіонеръ (проповѣдникъ) пришелъ къ дикарямъ, которые ѣли даже людей... Онъ ихъ просвѣтилъ Христовой вѣрой, и они измѣнились, оставили свои дикіе обычаи... Подумай, — что если бы тебѣ привелъ Богъ быть на мѣстѣ того проповѣдника? Сталъ бы ты проповѣдывать этимъ несчастнымъ дикарямъ Евангеліе, началъ бы имъ благовѣствовать о Сынѣ Божіемъ, о нашелъ Спасителѣ, рассказалъ бы имъ всю Его жизнь, рассказалъ бы, чему Онъ училъ насъ, рассказалъ бы, какъ Онъ изволилъ за всѣхъ насъ на крестѣ претерпѣть мученія и самую смерть, и о воскресеніи и о вознесеніи Его рассказалъ бы, и о тайной вечери и о сошествіи Св. Духа... И потомъ кончилъ бы свою проповѣдь примѣрно такъ: «Вѣруйте же въ Него, Сына Божія; креститесь во имя Его и примите даръ Святаго Духа, который Онъ каждому даетъ въ таинствѣ св. миропомазанія, какъ свою Божескую печать на обновленнаго крещеніемъ человека, и живите по нашей вѣрѣ, — не убивайте, не злобствуйте, любите всѣхъ, какъ Онъ насъ всѣхъ возлюбилъ, положивъ за насъ душу свою, предавъ себя на крестную смерть за насъ. Помните, что не будь этой крестной смерти Христа Спасителя, погибъ бы во грѣхахъ весь человѣческій родъ. Знайте, что кровь І. Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха. Для нашего спасенія Онъ установилъ во своей церкви великое таинство причащенія: *примите, говоритъ, ядите: сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое; пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завета, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.* И такое далъ Онъ наставленіе намъ: *сіе творите*

въ мое воспоминаніе, то-есть не забывайте меня, помните, что я за васъ пролилъ кровь свою на крестѣ, и *идите отъ нея вси...* всѣ, какъ есть, потому что за всѣхъ васъ Я пролилъ ее на крестѣ». И расплакались бы эти дикари, — не отъ твоихъ словъ, а отъ сознанія своихъ грѣховъ и отъ умиленія, отъ радости, что есть у нихъ Спаситель... И стали бы просить тебя: «Дѣдушка Евсевій! Дай намъ, о чемъ ты говорилъ: запечатай насъ печатію Святаго Духа, напои насъ животворящею кровію Христовою, напитай небеснымъ хлѣбомъ Его тѣла». И сказалъ бы ты имъ: «Горе, горе намъ съ вами! Хоть и дѣйствительно все, о чемъ я говорилъ вамъ, далъ Христосъ своей церкви, но за грѣхи наши отнялъ у насъ все это и ничего теперь нѣтъ у насъ... Вотъ, если бы намъ съ вами догадаться пораньше лѣтъ на 200 родиться, при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ, еще до Никона, тогда бы другое дѣло, — тогда совершались у насъ всѣ таинства; теперь же, въ такое горькоплачевное время, намъ остается только плакать и тужить о своей гибели: нѣтъ теперь той чаши, изъ которой Христосъ велѣлъ пить всѣмъ, — и мнѣ, и вамъ... Нѣтъ и прочихъ таинствъ. За грѣхи наши отнялъ у насъ Господь и храмъ, и священство Христово, и жертву Христову».

— Увѣряю тебя, дѣдушка Евсевій, озлобились бы дикари на тебя за то, что ты наобѣщаль бы имъ много, а ничего бы не далъ, и если не убили бы, то прогнали ли бы тебя, какъ князь Владиміръ прогналъ еврейскихъ проповѣдниковъ. И что это за проповѣдь твоя была бы? Идите въ церковь, которой нѣтъ на свѣтѣ! причащайтесь тѣла и крови Христа Спасителя, которыхъ теперь нѣтъ уже! вѣруйте въ Евангеліе, которое исполнялось до лѣтъ Никона патріарха, а теперь уже исполниться не можетъ, — оно не на нынѣшнія времена дано! Развѣ такая проповѣдь у настоящихъ Христовыхъ проповѣдниковъ? Эхъ вы, *христиане!*... Гдѣ ваша вѣра, которой вы хвалитесь?.

Дѣдушка Евсевій даже вскочилъ съ мѣста.

— Если бы у васъ не было ереси, я давно пошелъ бы

къ вамъ! — воскликнулъ онъ. Вѣдь ересь, — это страшная вещь! Какъ причащаться въ той церкви, гдѣ, знаешь хорошо, есть ересь? Вотъ святая Голендуха пришла разъ въ монастырь, гдѣ монахи были еретики, — а она не знала, что они еретики. Такъ ей Ангелъ явился во снѣ и показалъ два сосуда: темный и свѣтлый. Это значило: ты бѣги отъ еретической церкви, отъ темнаго сосуда, въ православную, къ свѣтлому сосуду, и въ православной причастись, а не въ еретической. Вотъ вѣдь какъ...

Я повторилъ для слушателей рассказъ дѣдушки Евсевія, и потомъ сталъ говорить:

— Слушайте. Ангелъ сказалъ Голендухѣ, что тотъ монастырь, гдѣ она хотѣла причаститься, еретическій. Вамъ же, старовѣрамъ, кто возвѣстилъ, что наша церковь еретическая? Не скажете же вы, что тоже Ангелъ возвѣстилъ?...

— Ахъ-ты!... Сами видимъ.

— Сами!... Сами можете ошибиться. Развѣ вселенская церковь произнесла судъ, что русская церковь впала въ ересь? Когда это было? Собора, обличившаго насъ въ ереси, не было; Ангелъ вамъ, какъ Голендухѣ, не возвѣщалъ, что нашъ сосудъ темный: чего же вы боитесь?... А потомъ смотрите. Ангелъ не показалъ Голендухѣ одинъ темный сосудъ, чтобы она бѣгала ереси; онъ показалъ ей два сосуда: темный и свѣтлый, — чтобы бѣжать отъ ереси къ православію, отъ тьмы къ свѣту. Ты рассказалъ о святой Голендухѣ, чтобы объяснить, почему вы не причащаетесь отъ нашего сосуда; если, по твоему, у насъ, въ нашихъ церквахъ, въ Бесѣдномъ напримѣръ, темный сосудъ, такъ иди ты отъ него къ свѣтлому. У васъ, въ Вахрушевѣ, нѣтъ никакого сосуда, ни темнаго (это бы не бѣда), ни свѣтлаго (это горе)... Ты побѣжалъ отъ темнаго, какъ думаешь, сосуда, но не къ свѣтлому, какъ научилъ Ангелъ Голендуху, а къ никакому, чему никто никогда и никого не научалъ...

— Ахъ-ты, Господи! — воскликнулъ опять старикъ, — вѣдь ересь все равно, что ядъ...

Я отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, ересь похожа на ядъ. Но... кто же тебя научилъ изъ-за подозрѣваемой ереси обходиться безъ таинства тѣла и крови Христовыхъ? Вѣдь вотъ лежитъ хлѣбъ. (Къ чаю былъ поданъ бѣлый хлѣбъ ломтями; я взялъ одинъ ломоть и, подавая Евсевию, сказалъ:) Если бы я этотъ кусокъ посыпалъ мышьякомъ и сталъ тебѣ его давать: кушай, дѣдушка Евсеи! Вѣдь ты бы не принялъ этого куска?

— Не пріянялъ бы. Какъ же принять? Отравишься! Кусокъ посыпанъ ядомъ.

— И я бы такого хлѣба не сталъ ѣсть, да и никто не сталъ бы его ѣсть. Ну, а если бы ты, ни съ того, ни съ сего, сталъ увѣрять, что опасно ѣсть этотъ хлѣбъ, потому что, можетъ-быть, онъ отравленъ ядомъ? Вѣдь ты бы, дѣдъ, такъ-то, со страха передъ отравой, умеръ бы съ голода. Нельзя жить безъ хлѣба! Ты скажешь, что у тебя есть основанія бояться нашего сосуда (объ этихъ основаніяхъ поговоримъ послѣ). Положимъ такъ. Но ужели ты думаешь спастись совсѣмъ безъ причастія? Вѣдь это то же самое, какъ если бы кто думалъ, что можно прожить безъ пищи и питья. Надо бояться отравы, надо бояться ереси; но нельзя прожить безъ настоящей, здоровой пищи, нельзя спастись безъ причащенія (въ православной церкви) изъ свѣтлаго сосуда... Нельзя!

— Мы вотъ какъ желаемъ! — заговорилъ опять дѣдушка Евсей, — да гдѣ же его взять, — причастія-то?

— Это указываешь ты на ваше «огнепальное желаніе?»... Какое ни будь у васъ «огнепальное желаніе», все же самага причастія, какого вы желаете, у васъ нѣтъ и не можетъ быть по вашей безпоповщинской вѣрѣ. Желаете, и не приѣмлете, потому что желаете, по вашимъ словамъ, того, чего нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Ну, развѣ прожить безъ хлѣба? Какое-нибудь огненальное желаніе хлѣба, а когда хлѣба нѣтъ, все же непремѣнно умрешь съ голода, — и чѣмъ сильнѣе желаніе, тѣмъ скорѣе наступитъ смерть и тѣмъ она мучительнѣе. А вы умудряетесь какъ-то питать свои души не хлѣбомъ небеснымъ, не чашею жизни, а только однимъ голодомъ, этимъ

самымъ вашимъ «огнепальнымъ желаніемъ»... Это невозможно, дѣдушка Евсевій! Андрей Денисовъ напуталъ въ своихъ Отвѣтахъ, а вы и вѣрите ему, что будто бы все равно, что настоящее, дѣйствительное причастіе святыхъ Христовыхъ животворящихъ таинъ, что одно желаніе этого причастія, которому никогда не суждено сбыться. Огнепальное желаніе!... Какое жалкое словечко, и какое скрывается въ немъ невѣріе словамъ Христовымъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ себѣ...* Надо, дѣдушка, вѣровать Евангелію.

— Мы вѣруемъ Евангелію; вѣруемъ, что и церковь Христова есть, да боимся, нѣтъ ли у васъ ересей. Если бъ у васъ не было ересей, я бы ушелъ къ вамъ сейчасъ!

— Какія же у насъ ереси? — укажи мнѣ дѣдушка Евсевій...

III.

И началась бесѣда о нашихъ разностяхъ со старовѣрами, изъ-за которыхъ они считаютъ насъ еретиками: объ имени Іисусъ, о словѣ «истиннаго» въ 8-мъ членѣ Символа вѣры, о троеперстіи и о прочемъ. Старикъ Евсевій обрадовался, что рѣчь зашла о знакомыхъ ему предметахъ, — сразу почувствовалъ себя спокойнѣе; точно слѣпой, — попалъ на знакомую тропинку, и побрелъ по ней.

— Какая же ересь, дѣдушка, по-твоему, содержится въ имени Іисусъ? — спросилъ я.

— Несторіева! — не задумавшись, отвѣтилъ Евсевій.

— Несторіева? — изумился я. — Да ты знаешь ли, въ чемъ состояла эта ересь? Не смѣшалъ ли ты ее съ какой-нибудь другой?

Но старикъ очень подробно рассказалъ мнѣ объ ереси Несторія. Несомнѣнно, что онъ слово сказалъ не наобумъ, не зря.

— Такъ какъ же, — говорю, — Несторіева - то ересь содержится въ имени Іисусъ?

— Такъ и содержится, — отвѣчалъ старикъ. Несторій

единое лице Господа Ісуса Христа разсѣкалъ надвое, признавалъ въ немъ двухъ раздѣльныхъ сыновъ: Сына Божія и Сына Маріи. Это же мудрованіе видится и у васъ: вы вмѣсто Ісусъ, произносите *Іисусъ*. У васъ въ имени Христовомъ два и (І-и-сусъ) вмѣсто одного (І-сусъ): значить и вы, какъ несторіане, разсѣкаете единое лице Господа Ісуса Христа надвое. А это страшная ересь, осужденная и проклятая на третьемъ вселенскомъ соборѣ!

Старикъ произносилъ это свое обвиненіе на церковь съ спокойной улыбкой сознанія правоты своихъ словъ. Было жалко даже смотрѣть на него.

— Помилуй, — говорю ему, — да развѣ ты не знаешь, что, наша церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ постоянно исповѣдуетъ вѣру во Христа «не во двою лицу раздѣляемаго»? Вотъ хоть бы въ догматикѣ: «Кто тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво»... А ты говоришь, будто наша церковь повинна въ несторіанствѣ?! Потомъ наша церковь принимаетъ дѣянія третьяго вселенскаго собора: значить, предаетъ проклятію и Несторія и его ересь. А ты говоришь: не иду въ великороссійскую церковь изъ-за несторіанства! Видишь, мы ясно и всенародно проповѣдуемъ, что мы неповинны въ этой ереси.

— Это такъ; вы проповѣдуете, что Христосъ «не во двою лицу раздѣляемый», но проповѣдуете только на словахъ. Словами — одно, а дѣлы — другое.

— Дѣлы — т.-е. буквами?

— Да.

Ну, думаю, надо книгами его убѣдить, что въ имени Іисусъ нѣтъ Несторіевой ереси.

— Гляди, дѣдъ, вотъ эту книгу! — И показываю ему древлепечатное юсовое Евангеліе. Онъ осмотрѣлъ ее: «книга древняя»! — говоритъ.

— Дониконовская?

— Дониконовская.

— Здѣсь уже *Іисусъ* не можетъ встрѣтиться?

— Не можетъ. Въ древнихъ книгахъ нигдѣ ты не найдешь, чтобъ было два *иже*. Вотъ смотри древнее Евангеліе (При

немъ было старинной кievской печати Евангеліе малаго формата). Видишь, что напечатано?

И показываетъ пальцемъ: *Зачало Евангелія Іс̄ Х̄ва* (отъ Марка 1-е зач.).

— Вижу. Да вѣдь я знаю, что часто такъ именно печаталось и печатается имя Спасителя. Ты, дѣдушка, новаго мнѣ не показалъ, да и того, что хотѣлъ доказать, не доказалъ. Вѣдь ты хотѣлъ доказать, что надо читать непременно *Исусъ* и что будетъ ересь, если читать *Иисусъ*; а вмѣсто этого только показалъ мѣсто въ Евангеліи, гдѣ напечатано *Іс̄*. Развѣ тутъ напечатано *Исусъ*? Вотъ если бы тутъ было полностью напечатано *Исусъ*, это показаніе твое еще шло бы къ дѣлу.

— Да вѣдь тутъ одно *уже*, а не два, какъ у васъ! У васъ, гляди-ка, какъ печатается теперь, по Никонову преданію! — и показываетъ въ новопечатномъ Евангеліи *Іис̄* (въ томъ же 1-мъ зачалѣ отъ Марка).

— И это знаю; сто разъ видалъ. Напечатано *Іис̄*, и поэтому надо непременно читать *Иисусъ* (два *уже*). А когда напечатано *Іс̄*, я еще не знаю, какъ надо читать.

— Какъ не знаешь? вѣдь тутъ одно *ї*!

— Вотъ тебѣ моя карманная книжка. Пиши полностью *Исусъ*.

Старикъ карандашикомъ написалъ *И с у с ъ* (не соединивъ буквы, а выписавъ каждую отдѣльно).

— Вотъ здѣсь, — говорю, — ты написалъ *Исусъ*, и уже никто не прочтетъ *Иисусъ*. А ты вотъ что теперь сдѣлай: послѣднія три буквы зачеркни, и останутся только первыя двѣ *Іс̄*. Это сократилъ ты полное слово, когда тебѣ не хочется, или не слѣдуетъ писать его сполна. Теперь гляди: вотъ и я напишу *Иисусъ*. А когда мнѣ нужно написать это слово въ сокращеніи, я тоже вынимаю вотъ эти, четыре, а не три буквы (*и с у да ъ*) и пишу также *Іс̄*. Вотъ ты и разсуди теперь: какъ надо читать сокращенное *Іс̄*? — *Иисусъ* ли, или *Исусъ*? По-моему можно и такъ и этакъ, потому что, самъ ты видишь, я сократилъ такъ слово *Иисусъ*, а ты — слово *Исусъ*.

Казалось, что онъ немножко понялъ, — понялъ, что нельзя

настаивать, что непременно надобно читать *Исусъ*, а не *Иисусъ*, когда въ книгѣ напечатано *ІС*.

— Все же, — говоритъ, — нигдѣ въ старинныхъ книгахъ нѣтъ двухъ *иже*.

— А вотъ, смотри! — И я открылъ мое Евангеліе, уже осмотрѣнное имъ раньше и признанное имъ за несомнѣнно древнее. — Читай!

Онъ читаетъ (тоже 1-е зач. отъ Марка): *Зачало Евангеліа Исусъ Христова*.

— Не такъ!

— *Зачало Евангеліа Исусъ Христова*.

— Опять не такъ! Смотрите, кто грамотный, что напечатано. Подошли грамотеи, глядятъ, — въ книгѣ стоитъ: *зачало Евангеліа ІУ ХВА*.

— Вотъ ты, старикъ, все говорилъ, что нигдѣ въ старинныхъ книгахъ нѣтъ двухъ *иже* въ имени Христовомъ. Должно быть, ты мало видѣлъ такихъ книгъ. Вѣдь это книга старинная, какъ и самъ ты призвалъ, а написано *ІУ* (і да *ижица*). *Ижица* то же, что *иже*, какъ *книжица* то же, что *книга*.

Старикъ былъ изумленъ видѣніемъ такихъ неожиданныхъ для него письменъ: *ІУ*...

Потомъ, оправившись, сталъ говорить, что «вѣдь *у* (*ижица*) не всегда читается какъ *и*; иногда читается за *в* (*вѣди*)».

— Вѣрно, говорю; иногда читается за *вѣди*, на примѣръ: «Евангеліа», какъ напечатано здѣсь же, на этой же строчкѣ; тутъ *у* означаетъ, дѣйствительно, *вѣди*. Но ужели ты думаешь, что и здѣсь, въ словѣ *ІУ*, *у* употреблена вмѣсто *в*? Прочитай-ка, что выйдетъ.

Старикъ понялъ, что здѣсь *у* нельзя произносить какъ *в*; однако и еще замѣтилъ, что иногда *у* читается какъ *у*.

— И это пожалуй правда; но только не одна *у* читается за *у*, а когда передъ нею стоитъ *о*. Въ старыхъ книгахъ часто встрѣчается такое начертаніе: *оу* и *Ѹ*. А здѣсь, въ словѣ *ІУ*, несомнѣнно *у* должна читаться какъ *и*. Привелъ и другіе примѣры, гдѣ *у* читается за *и* (Моисей).

Теперь старикъ не сталъ уже настаивать, что въ словѣ

Исусъ заключается несторіанство, — понялъ, что тогда въ несторіанствѣ пришлось бы обвинить и дониконовскую древность, которой принадлежитъ книга. Онъ повелъ рѣчь о другомъ.

— Здѣсь, — говоритъ, — одно *ї* прилогъ; только *ї* и *ѵ* написаны слитно.

— Если прилогъ, то можно отдѣлить его. Вотъ мы карандашикомъ это и сдѣлаемъ (и я провелъ раздѣлительную черту сверху внизъ между двумя буквами *ї* и *ѵ*). Теперь стало: «Зачало Евангелія *ї* *ѵ*сусъ Христова». Но подумай, дѣдушка, — развѣ было, или есть еще чье-либо Евангеліе, кромѣ Евангелія І. Христова?

— Нѣтъ, нѣту.

— А вѣдь если буквы *їѵ* раздѣлить и читать, какъ ты совѣтуешь: «Зачало Евангелія и Исусъ Христова», то выйдетъ, что, кромѣ Христова Евангелія, есть и другія евангелія, чего ты и самъ не допускаешь. Потомъ, обрати вниманіе на буквы: вотъ я, по твоему совѣту, *їѵ* раздѣлилъ карандашемъ на два слова и получилось *ї ѵ*. На какую же букву ты велишь титло положить: на *ї*, или на *ѵ*? — вѣдь оно' лежало надъ обѣими.

— На Исусъ.

— Ладно. Гляди же, что стало: «Зачало Евангелія *ї ѵ* Христова». Скажи, ты видалъ ли гдѣ, чтобы Исусъ писалось такъ: *ижица* (*ѵ*), одна буква, подъ титлой?

Старикъ почувствовалъ себя неловко. Сталъ говорить:

— Вѣдь только одно мѣсто и есть, что съ двумя *иже* написано Исусъ.

— Нѣтъ, не одно; вотъ, гляди, и еще есть.

И я показалъ ему точно такое же начертаніе (*їѵ*) на предыдущей страницѣ. Онъ смутился. Я рассказалъ ему объ Евангеліи вологодской филипповской моленной и о другихъ, видѣнныхъ мною древнихъ книгахъ, гдѣ имя Спасителя писано *Исусъ*, разъяснилъ правильность этого начертанія и вывелъ заключеніе, что онъ совсѣмъ несправедливо обвиняетъ церковь въ несторіанствѣ за употребленіе имени *Исусъ*. Старикъ больше не возражалъ.

IV.

— Теперь укажи, какую еще ты нашелъ у насъ ересь?— спросилъ я дѣдушку Евсевія.

— Символь вѣры исказили: не исповѣдуете Духа Святаго быти истиннаго. Мы читаемъ: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго»; а вы: «и въ Духа Святаго Господа животворящаго»... Зачѣмъ отбавили слово «истиннаго»? Вѣдь вамъ извѣстно, что «аще кто прибавить, или убавить, анаѣема».

— Извѣстно, — говорю; — но все же любопытно знать, какая ересь проповѣдуется у насъ въ 8-мъ членѣ Символа?

— Ужели не видишь какая?! Вы откинули слово «истиннаго»: значить, не вѣруете, что Духъ Святой есть истинный.

— Это похоже на то, что вы часто говорите: «зачѣмъ въ молитвѣ Исусовой *Сына Божія* отставили? Развѣ вы не вѣруете, что Христосъ Сынъ Божій?»

— Да, похоже...

И стали говорить сначала о двухъ видахъ молитвы Исусовой. Новаго тутъ ничего не было сказано. Обратились къ 8-му члену Символа вѣры.

— Такъ ты думаешь, что мы впали въ ересь, опустивъ слово «истиннаго» изъ Символа?

— Да, это ересь.

— Гляди же!

И я показалъ ему, какъ читается этотъ членъ Символа вѣры въ Маломъ Катихизисѣ. Читаетъ: «и въ Духа Святаго Господа животворящаго»... Удивляется; перечитываетъ снова и спрашиваетъ: въ какомъ году печатана книга?

— Да развѣ ты не вѣришь Малому Катихизису?

— Вѣрю; да все же надо знать годъ печатанія, потому что, если въ послѣдній годъ жизни патріарха Іосифа печатана, то опасно довѣряться такой книгѣ: ее, можетъ, при Никонѣ переправили.

— Давай, — говорю, — читать выходной листъ.

Читаемъ: «Из друку (изъ печати) издася языкомъ словенъ-

скимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто седмь тысящъ рѣз е мѣсяца генваря въ к день».

— Что же, — спрашиваю, — въ послѣдній годъ жизни патріарха Іосифа напечатана?

— Нѣтъ, за три года до смерти... онъ умеръ во 160-е лѣто.

— Значить, книга православная?

— Православная-то православная; да только въ ней 8-й членъ изложенъ вкратцѣ.

— Ну и у насъ вкратцѣ. Не говорите же, что у насъ ересь.

— У васъ совсѣмъ другое дѣло, — у васъ намѣренно вычеркнули.

— Вѣрно, что намѣренно; но только мы согласны съ православнымъ патріархомъ Іосифомъ: онъ велитъ читать 8-й членъ по-нашему.

— Онъ въ другихъ мѣстахъ вездѣ велитъ читать по-нашему.

— Не вездѣ; вотъ посмотри. И я указалъ ему, гдѣ въ Кирилловой книгѣ временъ Іосифа читается 8-й членъ безъ прилога «истиннаго».

— А въ богослужебныхъ книгахъ вездѣ по-нашему.

— Ну, такъ что же? Значить, патріархъ Іосифъ думалъ не по-вашему, если и то и другое чтеніе помѣщалъ въ своихъ книгахъ... Хорошо и по-нашему, хорошо и по-вашему:

— По вашему не хорошо.

— Но Іосифъ читалъ же по-нашему?... Вѣдь книга Малый Катихизисъ для чего напечатана? Гляди: *ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіаномъ, наипаче же дѣтемъ учащимся*. Подумай, дѣдушка, могъ ли патріархъ Іосифъ повелѣть, чтобы учились вѣрѣ по такому Катихизису, гдѣ 8-й членъ читается неправославно, если, говоришь ты, читать безъ «истиннаго», по-нашему, нельзя?.. неправославно?..

— Я же сказалъ тебѣ, что тутъ, въ Катихизисѣ, «вкратцѣ»; а Іосифъ читалъ по-нашему.

— Однако ты посмотри, — что это такое? Всѣ члены Символа сполна выписаны, а 8-й вкратцѣ! Онъ портитъ всѣ остальные. Развѣ такъ можно? Во всякомъ случаѣ ты долженъ

согласиться, что мы читаемъ 8-й членъ Символа вѣры вполне такъ, какъ учили читать «всѣхъ православныхъ христіанъ, наипаче же дѣтей учащихся», самъ святѣйшій патріархъ Іосифъ. Если Никонъ за такое чтеніе, по-вашему, есть еретикъ, то такой же еретикъ и Іосифъ. Т.-е. они-то не еретики, а вотъ вы клеветаете, будто Никонъ, вполне, какъ самъ ты видишь, согласный съ Іосифомъ, есть еретикъ.

— Никонъ еретикъ!...

— А Іосифъ?

— Іосифъ нашъ.

— Да вѣдь 8-й членъ Символа и онъ велѣлъ читать одинаково съ Никономъ!...

— Да Іосифъ вкратцѣ написалъ здѣсь 8-й членъ... и т. д. и т. д.

V.

Засимъ старикъ Евсеій указалъ у насъ латынскую ересь въ томъ, что мы поемъ: «аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже».

— Надобно, говорить, пѣть такъ: «аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже».

— Какая же разница? — спрашиваю.

— Будто не знаешь? Вы четверите аллилуіа, а мы тримъ, какъ и надобно, въ честь Святой Троицы. Вы у латынъ переняли, — они не славятъ Троицу, но четверятъ.

— Про латынянъ подожди говорить; объ нихъ будетъ рѣчь послѣ. А вотъ скажи, какъ ты это насчиталъ у насъ четыре «аллилуіа», а у себя три? Слушай и считай по пальцамъ, сколько разъ я скажу аллилуіа: «аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже». Сколько разъ я сказалъ «аллилуіа?» По моему счету 2 раза. Какъ же ты говоришь, что вы троите «аллилуіа» въ честь Святыя Троицы?

— Аллилуіа, аллилуіа, — это 2 раза аллилуіа; а въ третій оно же, только по-русски: «слава Тебѣ, Боже». Вотъ и вышло, что у насъ тройная аллилуіа.

— Все же слово «аллилуіа» вы не три раза поете? Въ третій разъ поете «слава Тебѣ, Боже»?

— Да.

— Значитъ, у васъ не тройное, а двойное, «сугубое» аллилуіа. У насъ же дѣйствительно тройное аллилуіа въ честь Святыя Троицы: аллилуіа (Отцу), аллилуіа (Сыну), аллилуіа (Духу Святому); слава Тебѣ Боже (всей Святой Троицѣ, единосущной и нераздѣльной).

— Это мудрованіе Павла Пруссаго! — сказалъ, улыбаясь, старикъ. Но оно не согласно съ Стоглавымъ соборомъ.

— О Стоглавомъ соборѣ тоже послѣ потолкуемъ, коли хочешь. А ты скажи прежде: что худаго въ нашемъ троеніи аллилуіа?

— А то и худаго, что четверите вы Святую Троицу съ латынянами вмѣстѣ.

— Я же тебѣ разъяснилъ, что мы сначала говоримъ аллилуіа трижды въ честь трехъ лицъ Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа; потомъ говоримъ «слава Тебѣ, Боже», т. е. слава Тебѣ, Троица Святая, единосущная и нераздѣльная. А ты отыскалъ какое-то четвереніе Троицы! Вѣдь ты пожалуй отыщешь такую же ересь и въ этихъ словахъ: «святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣ»? И здѣсь тоже сначала три раза «святъ», въ четвертый «Господь Саваоѣ». Если думать по-твоему, то уже нельзя намъ и такъ молиться: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ», — тоже скажешь: четверите! Такъ что ли?

— То — другое дѣло.

— Совсѣмъ не другое, а то же самое.

— Да вѣдь я говорю согласно съ Стоглавымъ соборомъ.

— А ты подумалъ ли когда объ томъ, правильно ли въ книгѣ-то Стоглавъ написано объ аллилуіи? Тамъ написано именно такъ, какъ ты говоришь, т. е. ошибочно, потому что никакого четверенія Троицы не бываетъ, когда мы поемъ трижды, въ честь трехъ лицъ Святыя Троицы, аллилуіа, а въ четвертый разъ «слава Тебѣ, Боже», въ честь единства Святыя Троицы, Ты вотъ говоришь, что это «мудрованіе Павла Пруссаго». Неправда. Еще пораньше, много пораньше Павла Пруссаго цѣлый соборъ патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, архи-

мандритовъ и священниковъ точно такъ же растолковалъ троеніе аллилуіа (Читай Дѣяніе Большаго Московскаго собора 1666—7 гг. гл. 3).

— Значить, по-вашему Стоглавый-то соборъ ошибочно повелѣлъ читать по-нашему аллилуіа?

— Значить, ошибочно... Суди самъ, гдѣ четвереніе Троицы въ томъ, какъ читаютъ, или поютъ у насъ аллилуіа? А Стоглавъ, именно изъ опасенія, чтобы какъ не *почетверить* Троицу, и запретилъ *троить* аллилуію! Но ты и самъ не могъ растолковать мнѣ, какъ это выходитъ, будто мы четверимъ Троицу, — мы не четверимъ ее. Да и латиняне не четверятъ, а тоже, какъ и мы, вѣрують, что во Святой Троицѣ три лица: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; никакого четвертаго лица и они не признають. Ересь же ихъ состоитъ въ ученіи, будто Духъ Святой исходитъ не только отъ Отца, но «и отъ Сына». Ересь эта обличена и въ Книгѣ о вѣрѣ, въ 4 и 28 главахъ, и въ Кирилловой, въ 7 гл., 25, 26, 27, 36, а также и въ Катихизисѣ; но нигдѣ тамъ не написано, что будто латиняне четверятъ Святую Троицу. Стоглавый соборъ ошибся, приписавши латинянамъ ересь четверенія Троицы; ошибся еще и тѣмъ, что запретилъ древній обычай троить аллилуіа. Вѣдь въ книгѣ Стоглавъ, въ гл. 42-ой, писано вотъ что (я взялъ книгу Стоглавъ и сталъ читать): «во Псковѣ и въ Великомъ Новѣгородѣ по многимъ монастырямъ и по церквамъ по многимъ мѣстамъ *доднесь говорили треубую аллилуіа*»...

Но старикъ перебилъ меня: Такъ вѣдь соборъ запретилъ троить, а повелѣлъ: *отнынѣ всѣмъ православнымъ христіаномъ пѣти двоеубое аллилуіа*. Что было позволительно до собора, то стало ересью послѣ соборнаго запрещенія. До 1-го Вселенскаго собора было въ обычаѣ у асійскихъ христіанъ праздновать Пасху въ 14-е число еврейскаго мѣсяца Нисана; но когда 1-й Вселенскій соборъ отмѣнилъ этотъ обычай и повелѣлъ всѣмъ праздновать по-теперешнему, то *еретиками* оказали тѣ, которые не хотѣли слушаться собора. Самъ, небойсь, въ Кормчей читалъ о четырнадцатникахъ?

— Читаль, и хорошо эту исторію знаю. Я собирался все рассказать ее тебѣ, дѣдушка Евсевій, въ наставленіе, что непременно надо слушаться соборнаго постановленія. Вотъ видишь ли, эти четырнадцать стояли за старину: они, какъ и вы, не хотѣли разстаться съ тѣмъ, что отмѣнилъ соборъ. За такое свое старовѣрье, которое не хотѣло знать, что есть покореніе соборной власти, они и обозваны, какъ ты самъ, видно, знаешь, прямо еретиками (Кормчая, правила 2-го Всел. соб. 7-е; 6-го Всел. соб. 95-е, Лаодик. 7-е). Научитесь же вы изъ этой исторіи, что необходимо слушаться собора и покоряться ему.

— Мы и покоряемся ему, — Стоглавому собору, бывшему во время благочестія, при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и при митрополитѣ Макаріи...

— Этакъ, по-твоему, и четырнадцать оправдались бы: «не хотимъ знать рѣшенія новаго собора; будемъ стоять за старину... Апостолы: Іоаннъ Богословъ и Филиппъ намъ дали заповѣдь въ числѣ праздновать Пасху: зачѣмъ перемѣнять ихъ преданіе»?!... Но соборы ихъ осудили за непокореніе власти. Да еще горе твое въ томъ, дѣдушка Евсевій, что ты опоздалъ родиться... Тебѣ бы надо родиться еще тогда, когда дѣйствовало правило Стоглаваго собора; теперь же надо слушаться другаго собора, бѣльшаго сравнительно со Стоглавымъ, на которомъ предсѣдательствовали не одинъ митрополитъ, какъ на Стоглавомъ, а три патріарха...

— Это вашего Никоновскаго-то?! Избави Боже!...

— Какой онъ Никоновскій? Никона онъ судилъ не легче васъ: на васъ клятву наложилъ, а Никона лишилъ патріаршества и осудилъ въ заточеніе. Какъ же ты говоришь, что это Никоновъ соборъ? Нельзя этого собора не слушаться; и объ аллилуіи онъ правильно постановилъ, отмѣнивъ рѣшеніе собора Стоглаваго.

Старикъ не рѣшился настаивать, что Большой Московскій соборъ не могъ отмѣнить рѣшеніе Стоглаваго: какъ видно, онъ знаетъ, что позднѣйшіе соборы исправляли и дополняли, даже вовсе отмѣняли рѣшенія раннѣйшихъ соборовъ.

Онъ только попытался было снова доказывать справедливость рѣшенія Стоглаваго собора, отмѣнившаго древній обычай троеить аллилуіа; но потомъ вскорѣ перешелъ къ другимъ предметамъ.

Сколько упомню, эта бесѣда объ аллилуіи чуть ли не единственная за все время моихъ собесѣдованій со старообрядцами: не заводятъ они рѣчей объ этой нашей мнимой «ереси»... Должно быть и сами понимаютъ, какъ несправедливо такое обвиненіе и что доказать его нельзя. Другіе молчатъ объ этомъ и по незнанію; а Евсевій весь вѣкъ свой изжилъ на книгахъ: онъ и о Стоглавѣ поговорилъ! Другіе краткословнѣе его. Кого предпочесть? — не знаю. Плохо, если старообрядецъ простъ да малограмотенъ; плохо, если и хитръ да еще начитанный. Хорошо, еслибы они были и мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби...

VI.

Перешли къ троеперстію. Старикъ Евсевій объявилъ, что въ немъ содержится Севирова ересь.

— Севирова ересь?! — удивился я.

— Да! — съ улыбкой, увѣренно произнесъ старикъ. Вѣдь Севиръ училъ, что на крестѣ страдала вся Святая Троица, Отецъ и Сынъ и Духъ Святой. Вотъ и вы ту же ересь проповѣдуете, вознося три персты — знамя Троицы на чело, на животъ и на оба рамена, т.-е. на-крестъ.

— Очень, дѣдъ, хитро! Слыхалъ ли ты хоть разъ гдѣ-нибудь, чтобы въ церкви пѣли, или читали, что за насъ распялся не Сынъ Божій, но вмѣстѣ съ нимъ и Отецъ и Святой Духъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но въ томъ-то и ошибка ваша, что вы «словами проповѣдуете одно, а дѣлы — другое»... Выходитъ, что вы своимъ крестнымъ знаменіемъ проповѣдуете Севирову ересь...

Старикъ самодовольно оглядывалъ и меня и слушающихъ. Я могъ бы сейчасъ же прекратить его самодовольство, указавъ ему, что такая Севирова ересь, какую онъ видитъ

въ нашей церкви, есть и въ Большомъ Катихизисѣ, и въ Іосифовской Псалтири, и въ двухъ мѣстахъ Кирилловой книги. Но прежде доказательства отъ книгъ мнѣ хотѣлось такъ, словами, образумить старика. Однако онъ стоялъ на своемъ и продолжать утверждать, что мы повинны въ Севировой ереси...

Мнѣ стало досадно. «Опомнись, говорю, — что ты толкуешь! Господь съ тобой!» И при этомъ невольно перекрестилъ его. Нужно было видѣть, какое впечатлѣніе произвело это благословеніе! Женщины, прихожанки Евсевія, захохали: «что ты! что ты обижаешь старика!» Самъ Евсевій побѣлѣлъ съ досады, и потомъ говоритъ: «хорошо благословеніе отъ православнаго священника!». А ты-де еретикъ!

— Не сердись, старикъ, — говорю ему. — Вѣдь право силъ нѣтъ слушать твои рѣчи! Какая у насъ Севирова ересь, когда ты и самъ признаешь, что мы *словами* ее не проповѣдуемъ. Развѣ ты гдѣ читалъ, что бываетъ ересь не словесная, а ручная, перстная? Не придирайся къ перстамъ. Вѣдь, если этакъ, по-твоему, придираться, то иной и у тебя въ перстосложеніи отыщеть Севирову ересь, да еще и Аріеву.

— Какъ такъ?

— Ты вѣдь 1-й, 4-й и 5-й персты соединяешь вмѣстѣ во образъ Святыя Троицы, все равно, какъ мы 1-й, 2-й и 3-й въ честь Троицы же?

— Да.

— А 2-й и 3-й въ знакъ двухъ нераздѣльно соединенныхъ во Христѣ естествовъ, все равно, какъ мы для того же соединяемъ 4-й и 6-й?

— Да.

— Скажи же ты мнѣ: куда ты дѣваешь три перста, когда рукою полагаешь крестъ на себѣ? Не прячешь же ты ихъ куда-нибудь? Значить, тоже проповѣдуешь, что Троица на крестѣ страдала!

— Все же я лба касаюсь не тремя, а двумя!...

— Но гдѣ два, тамъ и три, — это вѣрно. Разсуждай я по-твоему, я долженъ бы и тебѣ навязать ересь Севирову. Но я стыжусь придираться къ пальцамъ, да къ буквамъ.

— Буква — великое дѣло... А ты покажи, гдѣ велѣно креститься тремя перстами.

— Принеси Кириллову книгу. На листу 236 православный грекъ упрекаетъ католика: «и почто ты не соблюдаешьъ трехъ перстовъ, когда правой рукой крестишься, почто ты крестъ твориши обоими (двумя) перстами» и т. д. И Большой Катихизисъ велить тремя перстами креститься...

— Тамъ не ясно сказано...

— А ты принеси книги, почитаемъ. Вѣдь у тебя много книгъ. Старикъ пошелъ за книгами. Въ это время хозяйка собрала обѣдъ и мы сѣли за столъ. Такъ какъ перстосложеніе наше — главная причина, почему старообрядцы не идутъ въ церковь, то я разсудилъ написать Евсеію нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному на бесѣдѣ. Записку эту дней чрезъ пять послѣ этого я передалъ Бесѣднинскому священнику для препровожденія къ дѣдушкѣ Евсеію. Въ ней я убѣждалъ старика вѣровать во св. Евангеліе не такъ, какъ вѣруютъ безпоповцы, а въ цѣлости, всему; и таинство святаго причащенія считать необходимымъ для своего спасенія по Христову слову: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ себѣ;* и не говорить о церкви, что не знаю, есть ли она, или нѣтъ, потому, что самъ Спаситель сказалъ: *созижду церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей.* А есть церковь, — писалъ я, — есть и всѣ тайны, въ лишеніи которыхъ живутъ безпоповцы. Вѣруй въ Евангеліе, и не придирайся къ перстамъ. Не ищи того, что не положено; не ищи ереси тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Ты находишь Севирову ересь въ нашемъ перстосложеніи, — это хитро, но не вѣрно; самъ же ты говоришь, что словами мы не проповѣдуемъ этой ереси. А если ты будешь придиратся къ нашему троеперстію, то иной изъ нашихъ, такой же хитрый, какъ и ты, спроситъ у тебя: «во Святой Троицѣ сколько лицъ?» — Три, — отвѣтишь ты. — «Перечти по порядку!» — Первое, скажешь, Отецъ, второе — Сынъ, третье — Духъ Святой. — «Они раздѣльны, или нераздѣльны?» — Не раздѣльны — отвѣтишь ты. А онъ и скажетъ

тебѣ: «зачѣмъ же ты, дѣдушка Евсевій, великій любитель обличать чужія ереси, не выраженные словомъ, а выражаемыя будто бы перстами, — зачѣмъ же ты, во образъ Святыя Троицы, еднотелной и нераздѣльной, слагаешь неравныя, врозь, не по порядку стоящіе персты: *первый, четвертый и пятый?* Развѣ Сынъ *четвертое* лице, а Святой Духъ *пятое?* Гдѣ ты, дѣдушка Евсевій, научился такому аріанству?» Ты скажешь этому твоему обличителю, что у тебя и въ мысляхъ нѣтъ аріанства, что ты православно *устами* исповѣдуешь Сына Божія, — а онъ тебѣ, этотъ хитрый человекъ, въ отвѣтъ: «Мало ли что?! Ты словами — православенъ а дѣлы (персты) аріанинъ»... Не придирайся же, дѣдушка Евсевій, къ перстамъ: не въ перстахъ наша вѣра. Ты послушай, что церковь, Христова Невѣста, проповѣдуетъ: «*возлюбимъ другъ друга, да еднотеліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу еднотелную и нераздѣльную.*» «Еднотеліемъ, едиными усты и единымъ сердцемъ», а не едиными пальцами... Единотеліе церковь проповѣдуетъ, а не единообрядство. А вы, въ тоскѣ и погонѣ за единообрядствомъ, утратили единотеліе... Надо соединиться вмѣстѣ и жить не сектами, а церковію. Такія мысли я изложилъ въ письмецѣ къ Евсевію. Если оно дошло, не знаю, что подумалъ надъ нимъ старикъ.

Еще во время обѣда вернулся Евсевій съ книгами.

— Кирилловой не принесъ, — говоритъ; — нѣту дома; отдана кому-то.

Можетъ быть и дѣйствительно отдана, а можетъ быть очень «темна и непонятна» показалась старику 236 страница, потому онъ книги и не принесъ. Послѣ обѣда продолжали бесѣду.

— Читай ты, дѣдъ, самъ по Большому Катихизису о томъ, какъ надо креститься.

Было прочитано: «сложивше убо три персты десныя руки, возлагаемъ на чело» и т. д. Было дальше прочитано, что это не наши три персты, 1-й 2-й и 3-й, а старообрядческіе: 1-й, 4-й и 5-й. Но было ясно, что Большой Катихизисъ

велитъ, хотъ и не нашими, но все же *три* перстами креститься.

— Что же это, Севирова ересь? — спрашиваю.

Но старикъ повернулъ разговоръ съ догматики на исторію и археологію.

VI.

— Скажи мнѣ, — началъ старикъ, — князь Владиміръ какъ наученъ былъ отъ грековъ креститься?

— Не знаю, — отвѣтилъ я, — какъ именно и какіе персты соединялъ князь Владиміръ; но то хорошо знаю, что онъ вѣровалъ одинаково со мной и съ тобой и во Святую Троицу и въ то, что въ единомъ лицѣ Господа нашего І. Христа нераздѣльно и несліянно соединены два естества, Божеское и человѣческое. Еще и то хорошо знаю, что князь Владиміръ не былъ безпоповщинской вѣры: онъ не былъ ни филипанинъ, ни ѳедосѣвецъ, ни даниловецъ, ни спасовецъ, ни странникъ, такъ какъ я хорошо знаю, что князь Владиміръ былъ крещенъ лицомъ священнымъ, а не мужикомъ (какъ у васъ), что онъ былъ запечатлѣнъ печатью дара Духа Святаго и, имѣя сію печать Христову, не боялся антихристовой печати и надоѣдливо не толковалъ объ ней всѣмъ и каждому (какъ толкуете вы). Знаю еще и то, что у него былъ духовникъ, который данною ему властію разрѣшалъ его отъ содѣянныхъ имъ послѣ крещенія грѣховъ (а не перекрещивалъ его вторично и третично и... десятерично мужикъ, какъ у васъ, гдѣ нѣтъ разрѣшенія отъ грѣховъ въ великомъ таинствѣ покаянія). Знаю хорошо, что православный князь Владиміръ ходилъ въ храмы, и даже самъ много ихъ построилъ (а не такъ, какъ вы, не имѣющіе ни одинаго на всемъ свѣтѣ «своего православнаго» алтаря). Знаю хорошо, что хотъ и постился князь Владиміръ во времена, установленныя церковію, и дѣлалъ множество дѣлъ благотворенія, но не думалъ, какъ фарисей въ евангельской притчѣ, что Богъ введетъ его въ рай за постъ и милостыню: нѣтъ, онъ считалъ себя великимъ грѣшникомъ, и когда причащался тѣла и крови Христовыхъ, то говорилъ,

какъ и я теперь и всякій православный говоритъ: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, *отъ ниже первый есмь азъ...*» (а не такъ, какъ вы всю свою надежду возлагаете на свои посты, молитвы и добродѣтели, и не хотите принять животворящихъ Христовыхъ таинъ во оставленіе грѣховъ). Знаю также хорошо, что Владиміръ былъ вѣнчанъ на греческой царевнѣ православнымъ священникомъ (а не такъ, какъ у непоповцевъ живутъ мужчины съ женщинами небрачнымъ, блуднымъ житіемъ). Еще и то знаю, что Владиміра князя, когда онъ, какъ истинный христіанинъ, скончался, исповѣдовавшись и причастившись святыхъ таинъ, похоронило православное духовенство, и не въ лѣсу (не какъ у васъ). Словомъ, — я хорошо знаю, что князь Владиміръ былъ нашей, церковной, но не вашей, непоповщинской, вѣры. Нисколько вы на него не походите, ни онъ на васъ...

Когда я упоминалъ имена разныхъ сектъ, то дѣдушка Евсеій нетерпѣливо махнулъ рукой, какъ бы въ обидѣ на меня за то, что я всѣ эти секты ставлю на одну доску, равняю съ его странничествомъ.

— Ты не считай тѣ согласія за старую вѣру, — говорилъ онъ, — они отступились отъ православія, они прямо признали себя за «раскольниковъ», когда вписались въ «раскольническія записи», — мы ихъ и за христіанъ не считаемъ...

— И перекрещиваете?

— И перекрещиваемъ...

— А они васъ перекрещиваютъ? и тоже не считаютъ за христіанъ?

Но старикъ убѣдительноше просилъ не обращать вниманія на остальные старообрядческія вѣры, которыя, къ великому его негодованію, спорятъ съ странничествомъ изъ-за титла «старой», дониконовской вѣры. Однако я просилъ Евсевія обратить вниманіе на это взаимное раздѣленіе старообрядчества.

Это отступленіе въ сторону разныхъ сектъ старообрядчества было сдѣлано по поводу моего слова, что «князь Владиміръ

не былъ ни филипанинъ, ни ѳедосѣвецъ, ни даниловецъ, ни спасовецъ, ни странникъ». Когда я кончилъ говорить, чѣмъ святой Владиміръ былъ не похожъ на старообрядцевъ, то прибавилъ:

— А что, можетъ быть, онъ крестился и по-твоему, такъ это не дѣлаетъ его единовѣрнымъ тебѣ: вѣдь не считаешь же ты домшинскихъ единовѣрцевъ, прихожанъ о. Максима, своими по вѣрѣ, хотя даже и самъ о. Максимъ крестится двуперстно.

— Единовѣріе — ловушка, въ родѣ уніи! — возразилъ Евсевій.

Я поговорилъ нѣсколько объ Единовѣріи, и тѣмъ съ большимъ интересомъ для слушателей, что въ числѣ ихъ было нѣсколько единовѣрцевъ изъ домшинскихъ.

— Сходства, — говорилъ я, — очень мало между единовѣрцами и уніатами. Унія между православными и католиками хотѣла окатоличить православныхъ; единовѣріе же не грозитъ опасностию для православной вѣры тѣхъ, кто держится его: у насъ, у меня и у нихъ (указываю на единовѣрцевъ), одна вѣра, одна чаша святыхъ даровъ, однѣ заповѣди и порядки жизни. Я не считаю ихъ менѣе православными, нежели мы сами: мы съ ними именно одной вѣры, хотя и разнимся тѣмъ, что не одинаково персты складываемъ; ни я ихъ не гоню изъ своей церкви за ихъ двуперстіе, ни они меня за мое троеперстіе не гонятъ изъ своей. Я у нихъ не разъ бывалъ въ церкви; и въ Москвѣ въ единовѣрческой церкви бывалъ же, и въ Калугѣ, — и ни откуда не выгоняли. Не такъ поступаютъ старовѣры съ людьми не ихъ вѣры! Ты, дѣдушка, хоть бы разокъ побывалъ въ Домшинѣ да посмотрѣлъ, что такое Единовѣріе...

— Но пусть ты не считаешь единовѣрцевъ единовѣрными себѣ, — продолжалъ я, — не взирая на ихъ двуперстіе, потому что считаешь ихъ отступившими въ никоніанство. А почему же твое сходство по двуперстію съ ѳедосѣвцами и филипанами не сдѣлало тебя ни ѳедосѣвцемъ, ни филипаномъ? Значитъ, есть между вами большая разница... Такъ же точно и тутъ: если бы и дѣйствительно крестился Влади-

міръ князь по-твоему — двуперстно, но онъ не былъ ни странникъ (значить не былъ твоей вѣры), ни филипанинъ, ни оедосѣвецъ, словомъ, не былъ «старообрядецъ»; онъ былъ церковный, православный, — вы бы назвали его даже никоніаниномъ, или по-твоему уніатомъ-единоверцемъ, только отнюдь не своимъ старовѣромъ.

— А какимъ крестомъ Владиміръ крестился, такъ ты и не знаешь? — допытывался старикъ.

— Это не важно знать; хоть, конечно, любопытно для нашего разговора. Но не въ перстосложеніи вѣра. Владиміръ былъ православный, по-нашему, а не былъ такимъ, какъ вы, — не знающимъ, гдѣ дѣлась, куда скрылась Невѣста Христова, покинувшая васъ, своихъ чадъ, на произволь судьбы, не оставившая вамъ ни хлѣба небеснаго, ни чаши жизни, чтобы вы, христіане, вкусивъ ихъ, могли познать и видѣть, яко благъ Господь...

— А вотъ у меня книжечка, — началъ дѣдушка Евсеій, — тутъ прямо написано, что святой благовѣрный князь Владиміръ отъ грековъ, при самомъ святомъ крещеніи, былъ наученъ креститься двуперстно. Значить, наша правда...

VII.

Я давно уже примѣтилъ у старика между книгами книжку не въ кожаномъ переплетѣ и не толстую, какъ прочія, какія бываютъ обыкновенно у старообрядцевъ: въ своей синей бумажной оберткѣ она выдѣлялась изъ другихъ, принесенныхъ имъ книгъ. Евсеій развернулъ теперь именно ее и хотѣлъ-было читать что-то въ концѣ, — гляжу: знакомая печать «Православнаго обозрѣнія»! Тутъ я угадалъ, что это за книга, — смотрю заглавіе: такъ и есть! «Патріархъ Никонъ» сочиненіе Николая Каптерева. Я хоть и читалъ, что старообрядцы жадно набросились на эту книгу, но мнѣ приходилось первый разъ видѣть ее у вологодскихъ раскольниковъ, — и у кого же? — у странника! Признаюсь, я не воображалъ, что найду ее здѣсь, въ вологодской глуши. Старикъ, примѣтивъ, съ какимъ интересомъ отнесся я къ его книжкѣ, спрашиваетъ:

— Что, или знакомая книжечка?

— Еще бы не знакомая! Я и сочинителя-то ее хорошо знаю. Онъ былъ моимъ учителемъ, преподавалъ древнюю гражданскую исторію.

— Должно-быть, ученъ? — спросилъ онъ.

— Стало-быть, ученъ, — отвѣтилъ я, — коли такую книгу написалъ.

Старикъ отъ удовольствія улыбался.

— А вѣдь онъ за насъ! — говоритъ.

— Не знаю, дѣдушка, какъ тебѣ сказать. Не случилось мнѣ съ нимъ разговаривать, за васъ онъ, или не за васъ. Я думаю, не за васъ, т.-е. вѣру-то вашу и то, что вы живете безъ священства, безъ таинствъ, внѣ истинной церкви Христовой, — все это, думаю, и онъ не похвалитъ. А что написалъ онъ о перстосложеніи, будто при св. Владимірѣ крестились двуперстно, такъ это его мнѣніе; другіе же, можетъ и поученіе его (Никаноръ, на примѣръ, архіепископъ Херсонскій), находятъ, что его мнѣніе совсѣмъ несправедливо.

— Все же въ этой книгѣ вашъ ученый написалъ, что при князѣ Владимірѣ крестились по нашему; а свидѣтельство отъ врагъ даже достовѣрнѣе.

— Однако онъ не написалъ, что вы, безпоповцы, держите и соблюдете вѣру князя Владиміра. Вотъ, если бы онъ такъ написалъ, тогда бы дѣйствительно былъ за васъ. А что высказалъ свое мнѣніе о двуперстіи, это неважно.

Но дѣдушка Евсевій по крайней мѣрѣ тѣмъ утѣшилъ меня, что не рѣшился прямо говорить, будто троеперстіе есть печать антихристова, — поопасался ли онъ такъ говорить, или и дѣйствительно сознаетъ нелѣпость этого ходячаго у безпоповцевъ мнѣнія, — Богъ его знаетъ! — только этой нелѣпости я отъ него дѣйствительно не слыхалъ. Но раньше его прихода, въ разговорѣ съ Семеномъ Андреевымъ, была именно рѣчь объ этомъ безпоповщинскомъ ученіи, будто троеперстіе есть печать антихриста. Я говорилъ и теперь объ удивительномъ устройствѣ этой печати: она есть, когда сложены три перста во едино, и нѣтъ ея, когда персты не сложены, —

удивительная печать! И когда эту печать положимъ, напримеръ, на чело, не остается никакого отпечатка, такъ что все равно, приложена печать, или не приложена: запечатанныхъ этой печатью нельзя и отличить отъ незапечатанныхъ! Но что всего удивительнѣе, — говорилъ я, — вѣдь мы, которые крестимся троеперстно, вѣруемъ во Святую Троицу и что Господь Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, пострадалъ за насъ на крестѣ и спасъ насъ отъ власти діавола; а развѣ такъ будутъ вѣровать и проповѣдывать тѣ, которые примутъ печать врага Христова?!... Казалось, что подъ вліяніемъ этихъ рѣчей предубѣжденіе противъ троеперстія смягчалось. Однако Семень Андреевъ замѣтилъ: нѣтъ, что ни говорите а страшно сложить правой рукой три перста! Я отвѣтилъ ему:

— Страшно потому, что наслушался еще съ малолѣтства, отъ бабушки на печи, всякихъ страховъ и вздоровъ про «щепоть»... А когда бы подумалъ хоть немного своимъ умомъ, тогда бы весь твой страхъ разсѣялся и ты безъ всякой боязни сложилъ бы три перста по моему. Ты крестись, какъ привыкъ, двуперстно; не о томъ я хлопочу, чтобы вы всѣ одинаково со мною персты слагали, а о томъ, чтобы вы не боялись тѣхъ трехъ перстовъ, какіе мы слагаемъ въ честь Святыя Троицы. Вѣдь я и самъ привыкъ не по вашему креститься, потому что меня мать-покойница, — царство ей небесное! — учила тремя перстами креститься; но могу же я и по вашему перекреститься, — смотрите (крещусь двуперстно), — и не боюсь я ничего, потому что понимаю, что значеніе этихъ двухъ перстосложеній одно и то же...

— Лѣвой сложу, — говоритъ Семень. И дѣйствительно, складываетъ персты лѣвой руки по нашему, но руку, по обычаю, держитъ нѣсколько на отлетѣ.

— Слушай, Семень! Вѣдь ваши мудрецы, наставники ваши, книжники, наговорили вамъ Богъ знаетъ чего о троеперстіи! Наговорили, что оно — печать антихристова, и ты спроста повѣрилъ имъ. Какъ же они тебѣ не растолковали, что антихристову печать никуда, — ни на правую руку, ни на лѣвую, — ровно никуда нельзя принять? Зачѣмъ же ты принялъ ее

на лѣвую руку? Или лѣвая рука у тебя не своя? Или что можно лѣвой дѣлать, того нельзя дѣлать правой? Но я думаю, что равно грѣхъ убить человѣка правой ли, лѣвой ли рукой. По твоему, должно - быть, правой нельзя, а лѣвой можно? — не грѣхъ?

— Все равно, — грѣхъ одинаковый.

— Такъ и тутъ: если правой рукой нельзя сложить три перста понашему, то нельзя же ихъ такъ сложить и лѣвой. Все равно, руки-то твои, и одинаково сложеніе перстовъ...

— Такъ, значить, можно и правой сложить по вашему?!

— Разумѣется, можно. По крайней мѣрѣ, я и правой слагаю персты повашему, и лѣвой. Гляди (показываю двуперстное сложеніе на обѣихъ рукахъ)! Не бойся!

И вдругъ мой Семень правой рукой сложилъ понашему три перста, — но сложилъ, и ужаснулся собственной смѣлости: онъ такъ изумленно посмотрѣлъ на свою руку, что мнѣ было и жалко его и забавно... Прочіе старообрядцы въ недоумѣніи смотрѣли на Семенову руку, и онъ самъ продолжалъ смотрѣть на нее, какъ на чужую, и при этомъ улыбался непередаваемой улыбкой...

— Да не бойся же, Семень, — говорилъ я, — не бойся! Цѣла твоя рука, какъ была прежде! Раскрой персты (раскрываетъ); вотъ такъ! Ну, вѣдь, цѣла? Ничего не случилось съ ней? Да и не могло случиться, потому что ты три нераздѣльные персты сложилъ во образъ нераздѣльной Троицы и два перста во образъ Христа, Бога и человѣка. Не бойся! Сложи еще!

Семень еще сложилъ персты по нашему.

— Перекрестись! — сказалъ ему кто-то изъ православныхъ, кажется, старшина, — за одно ужь!

— Нѣтъ, Семень, — этого я не требую. Тебѣ трудно сразу. Но ты видѣлъ, что не случилось съ тобой никакой бѣды отъ того, что сложилъ правую руку троеперстно. Если потомъ и перекрестишься такъ, то не на вредъ себѣ, а на пользу душевную. Но сейчасъ довольно. И то, гляди, съ какимъ ужасомъ на тебя смотрятъ!...

Это первый разъ я видѣлъ на своемъ вѣку, какъ старо-

вѣръ (впрочемъ еще пока не перекрещенный Евсеіемъ) сложилъ три перста понашему. Это — герой, и я его запомню на вѣки. Тоже ему надобно было пережить не малую тревогу душевную.

VIII.

Вотъ что еще было интереснаго въ бесѣдѣ съ дѣдушкой Евсеіемъ. Говорили о странничествѣ. Я, между прочимъ, сказалъ: если бы имѣлъ несчастіе быть старовѣромъ, я бы непременно былъ странникомъ.

— Почему же? — полюбопытствовалъ учитель странничества.

— Не потому, чтобы это была вѣра самая старая, — она вовсе не старая, ей всего-то съ небольшимъ 100 лѣтъ, она только годовъ на 20 съ чѣмъ-нибудь постарѣе тебя, ровесница твоей матери, а то и помоложе. Всякой вашей вѣрѣ можно годы указать... «Никоніанство» (какъ вы, по невѣдѣнію о томъ, что есть православіе, называете нашу истинно древле-православную вѣру) древнѣе, старѣе всѣхъ вашихъ вѣръ: и поморства, и еедосѣвства, и филиппанства, и странничества твоего и нѣтовства... Такъ я не потому сталъ бы «странникомъ», что будто странничество старѣе годами, чѣмъ многое множество другихъ вашихъ «старыхъ» вѣръ, — я не уйду изъ церкви уже потому одному, что вѣра наша (зовите ее по невѣдѣнію «никоніанствомъ») старѣе всѣхъ до одной вашихъ «старыхъ» вѣръ, — такъ что мы старовѣры-то, а не вы. Почему же сталъ бы я «странникомъ», если бы имѣлъ несчастіе быть въ расколѣ? Потому, что странническая вѣра толковѣе другихъ вашихъ вѣръ.

— Толковѣе?

— Да. Вы, какъ увѣровали, что пришелъ антихристъ на землю, такъ и рѣшили покончить всѣ счеты съ землей: податей не платите, въ солдаты не ходите, власти не признаете, даже на землѣ, какъ всѣ, не живете, вы совсѣмъ отшельники, «странники», у васъ нѣтъ на землѣ града... Когда я разговариваю со странникомъ, я у него все пони-

маю. Спрашиваю: почему по вашей вѣрѣ нѣтъ брака, наперекоръ церковному и Христову ученію, что онъ долженъ быть? — Антихристъ уничтожилъ истинное священство, которое одно и можетъ совершать христіанскіе браки! — отвѣчаете вы. И я понимаю вашъ отвѣтъ. Почему, спрашиваю у васъ, не причащаетесь тѣла и крови Христовыхъ, когда самъ Христосъ страшными словами завѣряетъ, что непременно надобно причащаться: *аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съесте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ себѣ?* — Антихристъ, отвѣчаете вы, уничтожилъ тайную вечерю, которую Христосъ на вѣки для насъ учредилъ! И для меня понятенъ вашъ отвѣтъ. Почему, спрашиваю, на землѣ не живете, а подъ землей? — Потому, отвѣчаете, что на землѣ царство антихриста... Все ясно и просто. А другіе ваши старовѣры путаютъ: вѣрують по вашему, что теперь нѣтъ на землѣ церкви Божіей, о которой въ Евангеліи самъ Господь сказалъ: *созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей*, вѣрують, что, наперекоръ Христовымъ увѣреніямъ, церковь одолѣли такія страшныя будто бы ереси, какъ троеперстіе, трегубое аллилуія и проч., что ея, невѣсты Христовой, нѣтъ уже на землѣ, — а сами живутъ на землѣ, даже иные женятся и браки составляютъ, даже иные за царя молятся, поминая апостольскую заповѣдь *творити... моленія за царя и за всѣхъ, иже во власти суть...* и подати платятъ, и паспорта имѣютъ, и воинскую повинность несутъ, иные даже и крещеніе церковное приѣмлютъ (нѣтовцы). Все это содержать, а сами толкуютъ о какомъ-то антихристѣ! Такіе безтолковые! Нѣтъ, если бы я былъ въ расколѣ, я былъ бы вашъ, дѣдушка Евсевій».

Дѣдушка Евсевій, казалось, немножко понялъ, что я хотѣлъ сказать, — а я хотѣлъ именно сказать, что самая противная Евангелію вѣра — ихъ странническая. Онъ слушалъ молча.

— Но никогда я не стану вашимъ, — продолжалъ я, — потому что я тогда былъ бы долженъ распротиться со всѣми святыми книгами... Вѣдь вы ни Евангелію, ни Апостолу не

вѣруете. Даже и Псалтырь я долженъ былъ бы позабыть, какъ позабылъ ее ты, дѣдушка Евсеѣй.

— Какъ? Я позабылъ Псалтырь?! Я ее знаю! — удивился старикъ и прервалъ молчаніе...

— Словами знаешь, а дѣлы — нѣтъ. Вотъ читаешь въ 8-мъ псалмѣ: *яко узрю небеса, дѣла перстѣ твоихъ, луну и звѣзды, яже ты основалъ еси...* А изъ-подъ земли, гдѣ только и можно жить по вашей вѣрѣ, какъ вы можете узрѣть небеса, солнце, луну и звѣзды? *Небеса повѣдаютъ славу Божию* (18 псаломъ). Зачѣмъ же вы скрылись отъ этой славы Божіей? Зачѣмъ вы покинули землю Божию, гдѣ людямъ Богъ повѣлѣлъ жить, кроетесь въ подземельяхъ, гдѣ не мѣсто людямъ? Нѣтъ, — забыли вы псалмы Давыдовы...

— Это ты насчетъ того, что мы скрытно, въ подземельяхъ живемъ?... Такъ вѣдь намъ, по нашей вѣрѣ, нельзя жить открыто: мы скрываемся отъ гоненія, бѣжимъ отъ антихриста...

— Если, по вашему, на землѣ царствуетъ антихристъ, такъ вамъ надо уходить съ земли совсѣмъ: либо на небо, либо подъ землю, но не въ землю. А вамъ на небо улетѣть не пришлось: церковь-то, по вашему, на небо улетѣла, а васъ тутъ забыла... Подъ землю провалиться — показалось, должно быть, страшно. Вотъ вы и разсудили: жить ни *на* землѣ, ни *надъ* землей, ни *подъ* землей, а *въ* землѣ, подъ поломъ... Вѣдь это почти все равно, что и на землѣ! Да и выходите же вы иногда и на землю...

— На землѣ жить нельзя по нынѣшнимъ временамъ!

— А хлѣбъ, какой *на* землѣ родится, можно ѣсть? Если вамъ жить на землѣ нельзя, то и хлѣбъ *нашъ*, земной, не смѣйте ѣсть! Сѣйте тамъ въ подвалахъ! Ты думаешь, отъ чего хлѣбъ растеть?

— Богъ даетъ пропитаніе всякой своей твари по своему милосердію.

— Богъ даетъ!... Да кто жъ этого не знаетъ, что Богъ даетъ?! Но чтò Богъ даетъ? Онъ далъ свѣтъ и тепло, солнце, на которое вы, забывши псалмы Давыдовы, не хотите глядѣть...

Онъ дождь даетъ. Солнце свое сіяетъ надъ злыми и праведными, и дождь посылаетъ на праведныхъ и неправедныхъ. Онъ велѣлъ землѣ родить хлѣбъ... Но я видалъ: на нивѣ ничего не растетъ, кромѣ дурной травы, — а и солнце свѣтитъ надъ нею и дождь на нее падаетъ. Богъ даетъ этой нивѣ то же, что и другимъ, — а нѣтъ на ней хлѣба! Почему? Потому, что хозяинъ не работалъ надъ нею... Кромѣ дождя и солнца Божьяго нуженъ еще, по заповѣди Божіей, крестьянскій потъ, крестьянскій трудъ, чтобы земля родила хлѣбъ. А вы, не трудясь, говорите только: Богъ даетъ намъ пропитаніе! Богъ далъ заповѣдь: *въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой*. И Апостоль прямо пишетъ: *кто не трудится, тотъ не смѣй и ѣсть!* Слышите? Не смѣй ѣсть, кто не трудится!... Васъ вотъ Евфросинья питаетъ; а вы, въ благодарность, говорите ей: все же ты погибнешь, потому что на землѣ живешь, землю работаешь и подати царю платишь, — антихристу служишь. Но если бы всѣ приняли вашу вѣру, тогда бы и міръ весь прекратился: кто бы тогда кормилъ и дармоѣдовъ? Скажешь: Богъ? Но Онъ велитъ трудиться. Такъ всѣ и померли бы съ голода... Да еще отъ вашего «монашества», если бы всѣ увѣровали въ вашу вѣру, перевелся бы и родъ человѣческой. Какія у васъ дѣти, если вы исполняете свою богопротивную вѣру, что грѣхъ жениться?.. И выходитъ, что ваша вѣра дала бы гибель человѣческому роду... Хороша вѣра, нечего сказать!

IX.

Была рѣчь и о записи въ ревизію. Евсевій говорилъ:
— Ревизія — дѣло гордости. Ты знаешь, чѣмъ Давыдъ царь наказанъ былъ за всенародное исчисленіе? Седьмьдесятъ тысячъ мужей умерли отъ язвы въ наказаніе за грѣхъ Давыдовъ (2 Царствъ, гл. 24). Вотъ что такое ревизія ваша!
— Постой, — говорю, — не смѣшивай понятій. Царь Давыдъ наказанъ былъ за *гордость*. Не *исчисленіе* (не ревизія), а гордость Давыдова причинила такое горе народу Израилеву. У насъ же ревизія дѣлается не изъ гордости, а изъ-за

нужды — знать, сколько народа живетъ въ государствѣ, для болѣе безошибочной и правильной раскладки государственныхъ повинностей. Да и какая гордость, если пастухъ держитъ всѣхъ овецъ на счету, или если садовникъ старается знать, сколько у него въ саду деревьевъ? Нѣтъ никакой гордости и въ томъ, если царь желаетъ знать, сколькоу него народа.

— Нѣтъ, все-таки это гордость!

— Да вѣдь не твоя же гордость, ужъ если тебѣ непременно хочется вездѣ отыскивать грѣхи! Твоя обязанность — повиноваться не только благому, но и строптивому господину. И если по твоему грѣшитъ тотъ, кто производитъ ревизію, то и тотъ грѣшитъ, кто изъ неповиновенія не хочетъ вписываться въ ревизію.

— Нѣтъ, я не грѣшу, — отвѣтилъ онъ; ненадо слушаться «беззаконнаго вельнія»...

Тогда я взялъ Евангеліе, открылъ 2-ю главу Евангелиста Луки, и говорю: читай!

Читаетъ: *Бысть же во дни твѣя изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную* (Лук. гл. 2, зач. 5).

— Понимаешь? Кесарь (цесарь — царь) Августъ велѣлъ всю вселенную переписать. Ревизія всенародная, — грѣхъ, по вашему. Читай же дальше.

Читаетъ: *Сіе написаніе первое бысть, влаящу Сирією Киринію. И идяху вси написатися, каждо во свой градъ.*

— Вотъ, — говорю, — не по вашему разсуждали, не толковали, что грѣхъ царское повелѣніе исполнять, а всѣ пошли записываться въ ревизію. Читай еще дальше.

— *Взыде же и Иосифъ отъ Галилеи изъ града Назарета во Иудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Вифлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Марією, обрученною ему женою, сущюю непраздною. Бысть же, егда быша тамо, исполнишася дніе родити ей, и роди сына своего первенца...*

— Понялъ? И Христось, едва только родился, записанъ въ ревизію! А вы не записываетесь, — грѣхомъ считаете записаться въ ревизію...

— Да вѣдь Христось Спаситель для чего въ ревизію былъ вписанъ? — возразилъ Евсевій. Для того, чтобы безсомнѣнно было, что онъ былъ истинный человекъ, а не казался только такимъ...

— Ну, а Іосифъ-то съ Богородицей для чего записались? Старикъ ничего не отвѣтилъ на это.

На прощаньи я подарилъ Евсевію свои записки (печатный оттискъ). Онъ принялъ, — книгу онъ не дичится. Кажется, положилъ мои листки въ книгу Н. Θ. Каптерева. Мы простились до слѣдующаго свиданія.

Х.

По окончаніи бесѣды съ Евсевіемъ меня позвалъ мужичокъ Василій Ѳедоровъ къ себѣ, подъ яблони въ саду пить чай. Гостей у него было много: пили чай и угощались виномъ. Большого труда мнѣ стоило отговориться отъ виннаго угощенья. И тутъ я увидѣлъ, какъ трудно сельскому священнику въ подобныхъ приходахъ, гдѣ народъ гостепріименъ, отказываться отъ угощеній. А бѣда, если выпьешь рюмку: упросять, умолятъ, на колѣнки станутъ, чтобы выпилъ еще и еще... Единственное спасеніе — не пить совсѣмъ, или же, по крайней мѣрѣ, не пить никогда въ приходѣ. И это вовсе не изъ лицемѣрія, не утверждая даже, что - де вовсе не пью. По крайней мѣрѣ, я сказалъ прямо, что хоть и пью, когда чувствую нужду и потребность, но теперь у васъ пить не стану, потому что у меня такое правило, — и они отстали, потуживъ о моемъ упрямствѣ.

И вотъ тутъ - то, за угощеніемъ, я началъ говорить, по Апостолу, о пьянствѣ. Слушали, умилялись, и говорили: да гдѣ же намъ такъ - то жить?!

— Какъ гдѣ? Да здѣсь же, говорю, въ Вахрушевѣ и живите потрезвѣе. Вотъ бы Евсевій побольше вамъ проповѣдывалъ о пагубности пьянства. А то онъ толкуетъ, что кто не крестился двумя перстами, тотъ будто бы не попадетъ въ рай! Я ему и совѣтовалъ прекратить рѣчи о пальцахъ, — не за пальцы рай, и не за пальцы же адъ, — а учить, что-

бы больше слушали Апостола, который говоритъ: *не льстите себя: ни пьяницы, ни блудники, ни прелюбодѣи, ни воры, ни разбойники, не наследуютъ царства небеснаго*. А онъ мнѣ отвѣтилъ: вино пить не грѣхъ, потому что нигдѣ запрета на него нѣтъ... Кто же этого не знаетъ?! Не о винѣ и толкъ, а о пьянствѣ. Ни въ какой вѣрѣ пьянствовать нельзя, — пьянство вездѣ грѣхъ, и очень большой... Вы сами говорите, что запутались, — не знаете, какой вѣры. Помните, на Святой недѣлѣ поютъ: *очистимъ чувства?*.. Надо вамъ очистить свои чувства, тогда и узрите Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, узрите и святую церковь Его и истинную вѣру.

Многіе изъ вахрушевскихъ жителей, когда у нихъ спрашиваешь, какой они вѣры, не знаютъ, дѣйствительно, что сказать: такъ у нихъ перепутались понятія. Нѣкоторые тутъ же, за чаемъ, говорили мнѣ, что хотятъ перекреститься вновь.

— Да развѣ ты не крещенъ? — спрашиваю у одного -омлодого парня лѣтъ 20.

— Нѣтъ, я крещенъ; но только въ церкви. А у насъ говорятъ, что церковное крещеніе нѣсть крещеніе, а паче оскверненіе. Вотъ дѣдушка Евсевій меня перекреститъ: тогда уже я буду христіанинъ вполнѣ. А теперь я въ родѣ оглашеннаго.

— Да чѣмъ же наше крещеніе не крещеніе? Вѣдь мы, священники, крестимъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, по заповѣди Спасителя, и трижды погружаемъ младенца въ воду, по древнему церковному преданію: чѣмъ же наше крещеніе не истинно?

— Дѣдушка Евсевій говоритъ, что надо ходить вокругъ купели посолонь, а у васъ ходятъ противъ солнца.

— Значитъ, въ нашемъ крещеніи тотъ недостатокъ, что мы ходимъ не посолонь? И значитъ, дѣдушка Евсевій исправитъ его? — будетъ ходить посолонь, когда тебя снова станутъ перекрещивать?

— Не знаю, — отвѣчаетъ.

— Да онъ какъ, — въ чемъ тебя будетъ крестить?

— Въ рѣкѣ! — отвѣтили за него.

— Въ рѣкѣ?! Такъ какъ же онъ вокругъ рѣки будетъ ходить посолонь? Неудобно!

— Да если, — говорятъ, — и въ чану крестятъ, то же не ходятъ вокругъ.

— Не ходятъ, ни по солнышку, ни противъ солнышка?

— Никакъ. Наставники наши говорятъ, что они не держатъ этого дѣлать, потому что ходить вокругъ купели есть дѣло священника, и мірянинъ, крещающій по нуждѣ, не можетъ восхищать недарованнаго ему.

— Не будетъ ходить по солнышку?! Значитъ, то, что было по вашему мнѣнію, худаго въ нашемъ крещеніи, именно, что не по солнцу хожено вокругъ купели, такъ и останется, и дѣдушка Евсеій не поправитъ этой бѣды? Зачѣмъ же онъ креститъ снова, да еще не будучи священникомъ? По вашему, худо, когда ходятъ вокругъ купели не посолонь; а никакъ не ходить вокругъ купели развѣ лучше? Въ нашемъ крещеніи не перечислишь оупущеній!

На этой же чайной бесѣдѣ одинъ изъ собесѣдниковъ, Игнатій Григорьевъ, спрашиваетъ меня:

— Зачѣмъ ты, отецъ Иванъ, вчера въ церкви часто говорилъ о насъ и объ вахрушевской вѣрѣ? Гдѣ это объ насъ писано?

— Нигдѣ объ васъ не писано. Да вѣдь я говорилъ съ вами и объ васъ: какъ же мнѣ было не называть васъ по имени? Я хотѣлъ, чтобы вы все поняли, потому такъ и говорилъ.

Этотъ Игнатій тоже все толкуетъ о второмъ крещеніи и о погребеніи въ лѣсу, гдѣ деревья растутъ, гдѣ птицы поютъ... Онъ же однажды сказалъ мнѣ:

— Удивительный ты, батюшка, священникъ! Ъздишь ты повсюду, учишь насъ безтолковыхъ людей, и все - то у тебя хорошо: и это (показываетъ правой рукой двуперстіе), и это (лѣвой — троеперстіе), и это!! (онъ очень некрасиво показалъ именованное перстосложеніе, какимъ священники благословляютъ).

— Да развѣ это плохо? (Я сложилъ персты постарообрядчески).

— Это-то хорошо! А вотъ это-то? (показываетъ троеперстіе).

И я сталъ разъяснять ему разные виды перстосложенія, и разъяснилъ, казалось.

— Такъ сколько же у тебя крестовъ? — удивился онъ.

Я разъяснилъ ему различіе между крестомъ и перстосложеніемъ для крестнаго знаменія. А что въ разныхъ видахъ перстосложенія проповѣдуется единая православная вѣра, это, къ сожалѣнію, не дается понять не только Игнатію и другимъ старообрядцамъ, а и многимъ православнымъ...

XI.

Опять въ Домшинѣ и Дьяконицѣ.

Къ Ильину дню я пріѣхалъ опять въ Домшино, гдѣ въ этотъ праздникъ бываетъ крестный ходъ вокругъ села. Обѣдню служили втроемъ: я, о. Іаковъ и единовѣрческій священникъ о. Максимъ. Народу за службой было не мало; однако не такъ много, какъ я предполагалъ. Весь народъ очень интересовался тѣмъ, — по солнышку ли, какъ у нихъ прежде дѣлалось, или противъ солнца пойдетъ о. Іаковъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ села. Почему-то въ народѣ ходилъ слухъ, что новый священникъ (о. Іаковъ первый годъ въ Домшинѣ) не пойдетъ посолонь, и это приводило многихъ въ раздумье, а иные прямо говорили: какъ это можно идти не по обычаю прежнихъ лѣтъ?! Я спросилъ у о. Іакова: какъ онъ намѣренъ идти, — посолонь, или не посолонь? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что спрашивалъ объ этомъ у преосвященнаго, отъ котораго получилъ отвѣтъ, что въ крестныхъ ходахъ вокругъ селеній и полей, которые совершаются собственно по желанію народа, можно уважить единодушную народную просьбу и идти посолонь. Это подсказало мнѣ предметъ для проповѣди. Я говорилъ именно о крестномъ круговомъ хожденіи, начавъ такъ: «Сегодня у васъ крестный ходъ вокругъ села. Я слышалъ ваши любопытные вопросы: какъ пойдутъ съ иконами, — по солнышку, или нѣтъ? Успокойтесь! Батюшка говоритъ, что онъ пойдетъ съ иконами по солнышку».

— Покорнѣйше благодаримъ васъ, ваше благословеніе! — слышались отвѣтные голоса изъ народа.

— Это, говорю, преосвященный благословилъ ходить у васъ съ крестнымъ ходомъ по солнышку, согласно вашему желанію.

— Очень благодарны. А мы-было забоялись, — слышали, что не хочетъ о. Іаковъ ходить, какъ намъ любо.

Можно по этимъ словамъ судить, насколько важенъ представляется прихожанамъ села Домшина (и Домшина ли только?) вопросъ о посолонномъ хожденіи. И кто знаетъ, что̀ было бы, если бы о. Іаковъ совершилъ крестный ходъ противъ солнца? Пожалуй, инья овцы его стада почувствовали бы расположеніе къ расколу, а то и совсѣмъ ушли бы въ расколъ. И во всякомъ случаѣ, была ли надобность измѣнять давнее обыкновеніе, къ которому привыкъ народъ, оставаясь при этомъ обыкновеніи вѣрнымъ церкви? Бумага, буква устава все стерпитъ; а человѣкъ уйдетъ въ расколъ... И не человѣкъ ради устава, а уставъ человѣка ради...

«Напрасно боялись, — отвѣтилъ я. Священникъ не нарушитъ вашихъ порядковъ, если въ нихъ нѣтъ ничего худого. Худое онъ долженъ уничтожать и замѣнять хорошимъ, а въ чемъ нѣтъ худого, то останется по старому». Затѣмъ я сталъ разъяснять смыслъ обряда кругохожденія (какъ въ деревнѣ Губинѣ 23 апрѣля).

Послѣ обѣдни былъ водосвятный молебенъ на улицѣ передъ церковной оградой, и потомъ пошли въ крестный ходъ.

Пообѣдавъ, я поѣхалъ въ Дьяконицу. Тамъ бываетъ въ Ильинъ день тоже общественный молебенъ съ водосвятиемъ. Выѣзжая изъ Домшина, я полагалъ, что все это уже кончено въ Дьяконицѣ; но оказалось, что тамъ еще и иконъ не принесли, — на встрѣчу намъ попадались шедшіе за иконами. Приѣхалъ я прямо къ дѣдушкѣ Дугану, моему пріятелю, который даже въ Вологдѣ бывалъ у меня. Славный, благодушный старикъ. Тоскуетъ бѣдный, что жена у него старовѣрка; но надѣется, что Богъ поможетъ ему обратить ее къ церкви.

Въ ожиданіи крестнаго хода я и здѣсь говорилъ о хожденіи по солнцу и противъ солнца почти то же, что̀ въ церкви

за обѣдней. Когда шла рѣчь о томъ, какъ Марія Магдалина и другія мурносицы вышли на восходъ солнца и встрѣтили Христа, Солнце правды, возсіявшее намъ изъ гроба, и я сдѣлалъ сопоставленіе, что такъ и церковь — невѣста Христова — не боится идти на встрѣчу, не этому на небѣ сіяющему солнцу, а Христу, своему жениху, то меня просили раза два повторить о мурносицахъ: очевидно, эта рѣчь имъ понравилась. Такимъ образомъ я старался разсѣять одно изъ сильныхъ и застарѣлыхъ предубѣжденій противъ нашей церкви: зачѣмъ она ходитъ противъ солнца въ своихъ круговыхъ хожденіяхъ (вокругъ купели, вокругъ храма, вокругъ селеній и городовъ). Бесѣда продолжалась около часа, пока не начали молебенъ. Пѣли по единовѣрческому обычаю почти всѣ, и очень дружно и одушевленно. Послѣ молебна я продолжалъ бесѣдовать, и пробесѣдовалъ довольно долго, пока народъ не разошелся весь по домамъ. Интереснаго въ этой бесѣдѣ было вотъ что. Принесли Книгу о вѣрѣ, и одинъ мужичокъ сталъ читать изъ 30-й главы мѣсто, гдѣ говорится о смѣшеніи божеской и человѣческой власти воедино, какъ признакъ послѣднихъ временъ и наступленія царства антихриста. Это смѣшеніе старовѣры (нѣкоторые) усматриваютъ въ теперешней царской власти, которая будто бы со временъ императора Петра совмѣстила въ себѣ и высшую іерархическую власть, т.-е. царь нашъ будто бы сталъ и патріархомъ. Я объяснилъ народу, что царь не принадлежитъ къ церковной іерархіи и никакихъ дѣйствій ни архіерейскихъ, ни священническихъ, ни даже діаконскихъ не совершаетъ, но наряду со всѣми мірянами есть сынъ церкви, только первый сынъ и покровитель, заботящійся объ ея благосостояніи и благоустройствѣ. Бесѣду я велъ въ пустомъ сараѣ дѣдушки Дугана. Народъ слушалъ хорошо; жалѣлъ только объ одномъ, что Егоръ Романовъ, здѣшній наставникъ Спасова согласія, не пришелъ на бесѣду, хотя, разумѣется, зналъ о ней. Когда (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) я былъ у него въ домѣ, онъ мало бесѣдовалъ, все торопился сѣять горохъ: некогда было, время рабочее. Теперь же былъ праздникъ, время гулевое, — а онъ все же не пришелъ. Я высказалъ предположеніе, что, можетъ

быть, онъ отъ того не идетъ, что у него гости; но мнѣ отвѣтили, что все равно онъ не пошелъ бы на бесѣду, если бы у него и не было гостей, потому что онъ говорилъ, что безъ Харлама и Аввакума онъ не станетъ бесѣдовать. Про этихъ двухъ старовѣрческихъ учителей я не первый разъ слышалъ. Ихъ хотятъ раскольники откуда-то выписать нарочно для бесѣды со мной, и меня просили точно повѣстить въ деревню Дьяконицу, когда именно я приѣду туда еще, чтобы къ тому времени вызвать Харлама и Аввакума.

Ночеваль я у дѣдушки Дугана. Утромъ, когда собрался уходить отъ него, явилась одна женщина по имени Устинья, — овца изъ стада Егора Романова. Она сказала мнѣ: «Я нарочно пришла, чтобы посмотрѣть на тебя, батюшка... Что же? ты ничему худому не учишь, — чего же они не идутъ къ тебѣ на бесѣду, да и намъ не велятъ»?! — Она говорила, очевидно, о своихъ наставникахъ.

XII.

Въ Грязовецкомъ уѣздѣ.

27 іюля былъ я въ селѣ Баклановкѣ, отстоящемъ верстѣ на семь отъ села Спасъ на Сеньгѣ, куда на 29-е число обѣщаль прибыть для служенія преосвященный Израиль и гдѣ, по его приказанію, я долженъ былъ его встрѣтить.

Въ Баклановскомъ приходѣ есть нѣсколько старовѣровъ. Объ одномъ изъ нихъ вотъ что мнѣ рассказывалъ мѣстный священникъ:

«Одинъ прихожанинъ мой ушелъ въ расколъ. Былъ прежде хорошимъ прихожаниномъ, ко мнѣ относился со всѣмъ уваженіемъ; когда бывалъ я въ его деревнѣ, часто приглашалъ меня къ себѣ. Понятно, что съ переходомъ его въ расколъ, отношенія его ко мнѣ перемѣнились: онъ сталъ меня обѣгать, дворъ оказывался всегда запертымъ, когда я приѣзжалъ въ его деревню. Но однажды я случайно встрѣтилъ его въ одномъ домѣ. Уйти ему было неловко, — остался. Я и говорю ему: «А вѣдь мы съ тобой были пріятеля, — ты бывалъ у меня

въ домѣ, и я у тебя бывалъ. И въ церковь Божию ты часто хаживалъ. Напрасно ты отошелъ отъ насъ...» Онъ былъ смущенъ, нѣсколько позамялся и говоритъ: «я и самъ тужу, что разлучился съ вами, да что же дѣлать? — намъ святые отцы повелѣваютъ отходить отъ васъ». Какіе святые отцы? удивился я. Да вотъ, отвѣчаетъ, Златоустъ прямо пишетъ: «аще зазриши своего духовника... избери себѣ мужа духовна...» Вотъ видишь ли? прямо сказано: «аще зазриши...» А мы зазираемъ вашихъ священниковъ, — они вино пьютъ, табакъ курятъ... Вотъ мы и отбѣгаемъ, по Златоусту». — Да вѣдь Златоустъ, — говорю я, — велитъ избирать себѣ мужа *духовна*, а ты выбралъ себѣ мужика простого, а не *духовнаго*...» т.-е. я употребилъ слово *духовный* въ обычномъ, разговорномъ смыслѣ. А потомъ, переходя къ настоящему его смыслу, прибавилъ: «ну, положимъ, я по твоему, не духовенъ; но скажи пожалуйста, — тотъ, къ кому ты перешелъ, духовенъ ли»? Тутъ мой обличитель схватилъ шапку и убѣжалъ... Дѣло въ томъ, что старовѣрческій наставникъ и отецъ, къ которому подъ руководство перешелъ этотъ мой бывшій прихожанинъ, порядочно испиваетъ и дня за два передъ этимъ нашимъ разговоромъ его по всему Грязовцу въ ярмарочный день тащили мертвецки пьянаго... Потому-то и убѣжалъ со стыда за своего *духовнаго* учителя этотъ мужичокъ, заведшій рѣчь о недуховности пастырей великороссійской церкви».

Я нарочно записалъ этотъ рассказъ священника. Онъ очень характеренъ. Случай, здѣсь рассказанный, не рѣдкость. Вездѣ раскольники любятъ хвалиться своею духовностію и, не замѣчая бревна въ своемъ глазу, усматривать въ чужомъ сучки.

По совѣту Баклановскаго священника ѣздилъ я въ д. Отметниково, его прихода, познакомиться съ однимъ мужикомъ. Зовутъ его Филиппъ Осиповъ Васановъ. Онъ любопытенъ тѣмъ, что въ продолженіе 10 лѣтъ находился въ сильномъ колебаніи между церковію и расколомъ. Не переходя ни въ какую вѣру, онъ изслѣдовалъ ихъ одна за другою; знакомился съ знаменитыми наставниками, въ родѣ Аввакума

(нѣтовца) и Никиты Семенова (странника), — и кончилъ тѣмъ, что окончательно прикрѣпился къ церкви, за которую теперь и ратуетъ, по мѣрѣ силъ своихъ, но со всѣмъ усердіемъ. У него довольно нужныхъ для дѣла книгъ. Я съ интересомъ посидѣлъ у него. Пили чай съ медомъ изъ собственныхъ его ульевъ, — онъ зажиточный, какъ видно, мужикъ.

Во время разговора нашего Филиппъ Осиповъ между прочимъ спрашивалъ меня: «можно ли причащаться и исповѣдываться у священника, не соблюдающаго постовъ?» Я, на основаніи словъ: *не судите, да не судими будете, и: ты кто еси, судяй чуждему рабу*, говорилъ, что не наше дѣло разсматривать, какова жизнь священника, — онъ самъ дастъ отвѣтъ за свои грѣхи и соблазны, — что *истинный* священникъ, все же священникъ и, значить, имѣетъ право совершать таинства. Не останавливаетъ благодати Божіей наше недостойнство. Велѣлъ прочесть объ этомъ въ Благовѣстномъ Евангеліи, въ толкованіи на 65 зач. Іоанна.

Васановъ сказалъ, что онъ и самъ такъ же думаетъ о недостойнствѣ священника. Но вотъ, говоритъ, въ Номоканонѣ, въ правилѣ 214 напечатано (читаетъ по книгѣ это правило): «Цареградскій же патріархъ Никифоръ въ пятомъ своемъ правилѣ глаголетъ, яко отъ священника, не постящагося среду и пятокъ, недостойтъ причаститися, ибо отчасти благочествовати, а отчасти нечествовати безмѣстно».

Я сталъ разъяснять, что этого быть не можетъ, чтобы грѣхъ непощенія со стороны священника въ каноническихъ правилахъ церкви считался препятствіемъ къ принятію отъ него причастія. Если есть такое правило, то оно идетъ въ разрѣзъ со всѣми другими, утверждающими ясно и рѣшительно, что священникъ, какъ бы ни былъ онъ грѣшенъ, считается и есть священникъ до законнаго изверженія его изъ сана. «Посмотри, говорю, Кормчую: такъ ли, согласно ли съ Номоканономъ, читается это пятое правило Никифора Цареградскаго?» — Стали читать пятое правило Никифора Цареградскаго по Кормчей, — тамъ въ пятомъ правилѣ совсѣмъ нѣтъ и помину о нарушеніи священниками постовъ. Правило толкуетъ о постриженіи въ монастыряхъ въ чтецы и иподіаконы.

— А какже въ Номоканонѣ оно читается совсѣмъ не такъ? — спрашиваетъ Васановъ.

— Значить, говорю, въ Номоканонѣ ошибка.

— Ошибка?!...

— Да ошибка, все равно, какъ ошибка же есть и въ Стоглавѣ, въ главѣ 40-й о брадобрити. Тамъ сказано: «Правило святыхъ Апостоль сице глаголетъ: «Аще кто браду брѣетъ и преставится тако, недостойтъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь принести. Съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо е навыхоша». Но прочти ты хоть сто разъ апостольскія правила, не найдешь въ нихъ ни одного слова о брадобрити. Явно, что въ Стоглавѣ сдѣлано ошибочное указаніе на несуществующее апостольское правило. Такая же ошибка и въ Номоканонѣ. А старовѣры все кричатъ еще, что старопечатныя книги рѣшительно не нуждались ни въ какихъ исправленіяхъ.

XIII.

29-го числа въ селѣ Спасъ на Сеньгѣ я служилъ раннюю обѣдню и послѣ обѣдни бесѣдовалъ съ народомъ о разныхъ предметахъ, о которыхъ любятъ толковать старовѣры (ихъ довольно въ этомъ двупричтовомъ приходѣ). Бесѣда началась съ разъясненія, что такое миссіонеръ? Я говорилъ, что миссіонеръ есть мировой посредникъ между церковными (православными) и старовѣрами (раскольниками). Многие изъ старовѣровъ нейдутъ къ намъ въ церковь потому, что воображаютъ, будто въ ней собраны и проповѣдуются разныя ереси; многие и изъ церковныхъ думаютъ, что у старовѣровъ нѣтъ ничего рѣшительно хорошаго. Миссіонеръ долженъ разсудить эти двѣ стороны, разобрать ихъ взаимныя другъ на друга обвиненія, разъяснить обоюдныя недоумѣнія и, если поможетъ Богъ, соединить въ одну семью раздѣлившихся братьевъ, чтобы они едиными усты и единымъ сердцемъ прославляли Господа....

Пріѣхалъ преосвященный. Его встрѣчали «со славой», — и я встрѣчалъ. Встрѣтивъ, я вышелъ изъ церкви отдохнуть; но

меня обступили мужики, и мы продолжали бесѣду въ оградѣ (на монастырѣ, какъ здѣсь говорятъ). Я между прочимъ объяснялъ народу, что и въ старопечатныхъ книгахъ есть то, за что насъ несправедливо обвиняютъ старовѣры, есть и *Иисусъ* и «Вѣрую» безъ слова *истиннаго* (въ 8-мъ членѣ) и «Христосъ воскресъ по нашему».

— Быть этого не можетъ! Тамъ все по нашему! — воскликнулъ не то въ изумленіи, не то въ огорченіи, не то въ раздраженіи одинъ мужичокъ изъ филипановъ по имени Иванъ.

Были принесены книги старопечатныя и указано въ нихъ, что слѣдуетъ. Иванъ изумился и долженъ былъ умолкнуть.

За этими разговорами я едва не опоздалъ къ проповѣди.

Послѣ обѣдни ко мнѣ подошла въ церкви одна женщина, уже пожилая, и спрашивала, какими перстами ей креститься.

— Родители, говоритъ, научили меня креститься тремя перстами, а теперь старовѣры смѣются надо мной, — толкуютъ, что это щепоть, что такъ нехорошо креститься, что даже, — страшно и сказать, — будто бы это печать антихриста. Какъ мнѣ быть?

Я отвѣтилъ ей, что изъ-за насмѣшекъ старовѣровъ не надобно перемѣнять перстосложеніе. Они смѣются надъ тѣмъ, чего не понимаютъ и надъ чѣмъ великій грѣхъ смѣяться. Три перста складывали на молитву твои родители, и тебя научили такъ складывать, въ честь Святой Троицы: какъ же возможно надъ этимъ смѣяться? Нѣтъ, ты молись, какъ научили тебя родители, а на безумныя насмѣшки раскольниковъ не обращай вниманія. Если же ты, побоявшись ихъ насмѣшекъ, въ одномъ имъ сдѣлаешь уступку, то они обрадуются этому и пойдутъ еще дальше, — станутъ говорить тебѣ: разведись съ мужемъ (потому что, по ихъ вѣрѣ, и жить съ мужемъ грѣхъ), не исповѣдуйся передъ отцемъ духовнымъ, не причащайся тѣла и крови Христовой.. Вотъ они смѣются надъ тобой, что ты слушаешь родителей, по ихъ примѣру складываешь персты для молитвы, ходишь въ церковь, исповѣдуешься и причащаешься. А ты спроси у любого изъ нихъ: почему ты

крестишься двумя перстами? — отвѣтитъ: такъ благословили родители! Самъ слушаетъ своихъ родителей; а надъ тобой смѣется, что ты своихъ родителей слушаешь. Имъ можно слушать своихъ родителей, а намъ нельзя!»

Этотъ разговоръ слышали и другіе; стали спрашивать: а какъ по книгамъ надобно складывать персты? И я растолковалъ, что въ старыхъ книгахъ различно говорится о сложеніи перстовъ.

Встрѣчать преосвященнаго пріѣзжалъ старшина Жерновской волости. Онъ звалъ меня въ свой Флоровскій приходъ: «у насъ, говоритъ, старовѣровъ очень много». И прихожане Спасскіе говорили, что ихъ старовѣры — только ученики флоровскихъ и корень старовѣрья по Грязовецкому уѣзду именно приходъ флоролаврскій. Я обѣщалъ старшинѣ побывать и у нихъ, если Богъ дастъ здоровья, и побесѣдовать съ ихъ наставниками.

30 іюля ѣздилъ я со священникомъ Побережскаго прихода, о. Александромъ Якубовымъ, въ деревню Аксеново. Деревня большая (дворовъ 60). На улицѣ, возлѣ часовни, мы нашли много народа, — знали, что поѣдетъ черезъ ихъ деревню архіерей и вышли встрѣчать его. При мнѣ встрѣчали владыку. Его попросили освятить зерна на посѣвъ. Онъ благословилъ хлѣбъ-соль, окропилъ святой водой зерна, вошелъ въ часовню и осмотрѣлъ ее; раздавалъ дѣтямъ крестики и умѣющимъ читать — листки религіознаго и нравственнаго содержанія. Бесѣдуя съ народомъ, онъ спросилъ между прочимъ: есть ли раскольники въ вашей деревнѣ?

— Нѣтъ! — отвѣтили нѣсколько голосовъ.

— Нисколько нѣтъ? — переспросилъ владыка.

— Человѣка три есть, а то вся деревня православная.

Преосвященный выразилъ сожалѣніе, что все же есть раскольники, и совѣтовалъ беречься ихъ, потому что расколъ великое зло. Вотъ, прибавилъ онъ, я оставляю вамъ этого батюшку (указываетъ на меня); онъ побесѣдуетъ и съ вами и вашими старовѣрами.

Я открылъ бесѣду, стоя на крыльцѣ часовни. Народъ остался

слушать, не смотря на то, что день былъ рабочій, — возили снопы. Когда я показалъ въ Тріоди патріарха Іова, что «Христосъ воскресе» напечатано по нашему, то многіе воскликнули: «какъ такъ! они говорятъ, что въ старину не пѣли, какъ въ нашей церкви; а вотъ въ древней книгѣ «Христосъ воскресе» напечатано по нашему!» Я показалъ книгу всѣмъ грамотнымъ изъ моихъ слушателей. Запомнилась одна женщина изъ православныхъ — Марья, порядочно начитанная. Она съ большимъ вниманіемъ разсматривала книгу и вообще старалась запомнить, что говорилось въ защиту нашей церкви.

— Вотъ, какъ же вѣрить имъ, что у насъ все перепорчено? — сказалъ я. Если у васъ зайдетъ со старовѣрами толкъ о стихѣ «Христосъ воскресе», такъ вы скажите имъ: сами видѣли, что и въ древнихъ книгахъ есть *по нашему*!

— Что бы ихъ сюда привести! — сказало нѣсколько мужиковъ. Батюшка, распорядитесь ихъ сюда призвать.

— Сходите, позовите.

— Нѣтъ, — сказалъ одинъ мужикъ, — Иванъ Евсевьевъ не пойдетъ.

— Этотъ Иванъ Евсевьевъ — старовѣръ?

— Да.

— Не пойдетъ, — ненадо.

Я сталъ говорить о Символѣ. Опять, когда показалъ народу въ старой книгѣ Символъ безъ слова *истиннаго*, заговорили: «нѣтъ, надо позвать ихъ! что они скажутъ противъ старинной книги? Десятскій, сходи!»

Десятскій подошелъ ко мнѣ: сходить прикажете?

— Просятъ мужики, — надо сходить.

— Да онъ не пойдетъ...

— Не пойдетъ, такъ ты силкомъ не тяни. Да растолкуй ему, что его не требуютъ, а зовутъ для мирной бесѣды. Вѣдь онъ у васъ проповѣдуетъ новую вѣру!

— Вотъ это вѣрно, что новую: вѣдь онъ въ апрѣлѣ только и самъ отсталъ отъ церкви; гдѣ-то досталъ себѣ какихъ-то своихъ поповъ. Онъ не безпоповецъ, не филипанъ, не спасовецъ, — онъ *австріякъ* какъ-то приходится.

Иванъ Евсевьевъ поповецъ — противуокружникъ; попь у него гдѣ-то въ Костромской губерніи.

Десятскій пошелъ, а мы продолжали бесѣду. Я говорилъ объ имени *Иисусъ* (и книги показывалъ старинныя, гдѣ и, страшное для старообрядцевъ, въ этомъ имени есть); потомъ перешелъ къ объясненію того, что перемѣны въ книгахъ новыхъ сравнительно со старыми не касаются вѣры, а только словъ и выраженій. Иванъ Евсевьевъ пришелъ, когда мы слычали «Отче нашъ» по Евангелію отъ Матѳея и по Евангелію отъ Луки. Я обратился къ нему:

— Вотъ вы, старовѣры, говорите: аще кто прибавить, или убавить хоть одну букву, анаѳема да будетъ; а мы видимъ, что у одного Евангелиста очень много такихъ буквенныхъ перемѣнъ, прибавленій и убавленій противъ другого. Разсуждать по вашему, подъ анаѳему подпадетъ не одинъ патріархъ Никонъ, а и Евангелистъ Лука...

— Евангелисты — другое дѣло! отвѣтилъ Иванъ Евсевьевъ. Они могли измѣнять одинъ противъ другого. То было до соборовъ; теперь же, послѣ вселенскихъ соборовъ, уже нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.

— Невѣрно говоришь. Книги: Трїодь, Октоихъ, Четъминей и многія другія книги составлены и написаны послѣ вселенскихъ соборовъ. Прочитай объ этомъ въ Книгѣ о вѣрѣ (гл. 16).

Иванъ Евсевьевъ, однако, объ этомъ не сталъ разсуждать; онъ потребовалъ, чтобы говорить о перстосложеніи, потому что «перстосложеніе — главное самое».

Я ему сказалъ: до перстосложенія дойдетъ рѣчь; теперь же мы толкуемъ, что значитъ слово: «аще кто прибавить, или убавить, анаѳема да будетъ». Но Иванъ Евсевьевъ стоялъ на своемъ. Я обратился къ народу: «судите, правильно ли такъ поступать: пришелъ на бесѣду послѣ всѣхъ, а хочетъ, чтобы мы бросили, что начали, а заговорили бы, о чемъ ему желательно!»

— Что же ты! пришелъ въ чужой монастырь, да съ своимъ уставомъ! Надо приставать къ разговору, а не переби-

вать его. Вѣдь онъ же сказалъ тебѣ, что о перстосложеніи будетъ рѣчь. Подожди!

Но Иванъ Евсевьевъ заговорилъ, что напрасно я его такъ истязую, самъ не даю ему слова сказать, а отъ него требую отвѣта...

— Я тебя не истязую. Я только желаю, чтобы ты показалъ намъ, что твоя вѣра правая. Вѣдь ты проповѣдуешь, что наша — неправая.

— Я не проповѣдую этого.

— Неправда! — закричали мужики. Какъ бываютъ у тебя по воскресеньямъ собранія и ты читаешь книги, что ты намъ толкуешь о нашей церкви?! Какъ же ты говоришь, что не проповѣдуешь?

— Значить ты и теперь, сказалъ я, долженъ защищать свою новую вѣру, а не тогда только, когда тебя слушаетъ неграмотный народъ.

— Да мнѣ некогда: снопы вожу; извините, мнѣ пора домой.

Мужики закричали:

— А намъ есть когда? Мы вѣдь тоже народъ рабочій, и у насъ снопы на полѣ стоятъ! Мы же стоимъ — слушаемъ; и ты стой, да говори съ нимъ!

— Нѣтъ, мнѣ некогда! — И онъ надѣлъ шапку.

— Сними шапку! Видишь, насъ сколько народу и всѣ безъ шапокъ.

Иванъ Евсевьевъ снялъ шапку, но все же пошелъ прочь отъ нашего собранія.

— Стыдно тебѣ уходить, не защитивши своей вѣры! — сказалъ я ему вслѣдъ.

— Съ нами-то онъ боекъ, а теперь бѣжить! — говорилъ народъ. По уходѣ Ивана Евсевьева мы еще немножко побесѣдовали. Потомъ народъ разошелся; тужили, что время рабочее: день стоялъ прекрасный, возили снопы. Звали побывать въ гулевое время — зимой, либо осенью.

Остатокъ дня я провелъ у кузнеца Василя Васильева. Ходилъ къ нему на гумно, гдѣ онъ въ скирду складывалъ снопы. Отъ него черезъ домъ живетъ и Иванъ Евсевьевъ. Я

еще увидалъ его, и снова разговорились. Тутъ, безъ народа, Иванъ Евсевьевъ былъ какъ бы другой человѣкъ. Разговаривалъ безъ горячности въ промежутки между работой. О расколѣ среди австрійцевъ онъ очень мало знаетъ. Я рассказалъ ему исторію Окружнаго Посланія. Оказалось также, что онъ, хоть и противуокружникъ, но не учитъ, что «Исусъ есть инъ богъ», а только считаетъ неправильнымъ такое написание Христова имени; троеперстіе называетъ щепотью, но о печати антихриста не говоритъ...

XIV.

31 іюля я проѣхалъ въ село Сидорово, гдѣ 1 августа было назначено архіерейское служеніе. Еще дорогой узналъ, что туда, въ Сидорово, идетъ для бесѣды со мною изъ Бережка какой-то старикъ Парѣенъ, по прозвищу «несоленный». Говорили про него, что онъ считаетъ грѣхомъ ѣсть съ солью. Думаю, что за чудакъ такой? — и очень заинтересовался имъ.

Часа въ два пополудни былъ я на улицѣ и вижу: идетъ ко мнѣ старикъ, очень старый, съ пожелтѣвшюю сѣдой бородой. Подошелъ, проситъ благословенія. Благословляю я его, да и спрашиваю: не ты ли дѣдушка Парѣенъ?

— Я, батюшка. А ты развѣ меня знаешь?

— Какъ же, — мнѣ про тебя много говорили; сказываютъ, что очень ты будто бы чудѣнъ.

— Чудѣнъ, батюшка... чудѣнъ... все-то у меня не такъ, какъ у людей выходить. Наставь ты меня на разумъ!

И заплакалъ старикъ, — такъ слезы и закапали изъ глазъ. Погладилъ я его по головѣ, какъ малаго ребенка.

— Не плачь, говорю, дѣдушка! Милостивъ Господь. Пойдемъ, поговоримъ въ дому; неудобно здѣсь на жарѣ разговаривать.

И я повелъ старичка въ домъ священника, наверхъ, гдѣ было у меня помѣщеніе. Старикъ безъ затрудненія взобрался по очень крутой лѣстницѣ. Мы усѣлись и стали бесѣдовать.

— Ты, можетъ, уже слышалъ, что я соли не ѣмъ? Надо мною смѣются за это; а по моему — грѣхъ ее ѣсть.

— Какой же грѣхъ-то?

— Да какъ же? Вѣдь въ Евангеліи Спаситель сказалъ: всякъ, кто смочитъ руку въ солило, предастъ меня. Значитъ: кто ѣстъ съ солью, тотъ подобенъ Іудѣ-предателю.

— Что ты, что ты, старикъ?!... Тамъ, въ Евангеліи, совсѣмъ не такъ и не то написано. — И я рассказалъ ему, что написано въ Евангеліи. Старикъ удивился: какъ же случилось, что онъ не такъ читалъ въ Евангеліи!

— У меня, говоритъ, есть Библія, почитаю еще.

— Изъ-за этого ты и не ѣшь съ солью?

— Изъ-за этого...

— Вѣдь не вкусно безъ соли-то ѣсть?

— Сначала очень невкусно было, а потомъ привыкъ, — ничего.

— И давно не ѣшь?

— Лѣтъ тридцать. — Вѣдь не грѣхъ съ солью не ѣсть?

— Какой же грѣхъ? Ты не любишь съ солью, другой не любить съ перцемъ. Нѣтъ въ этомъ грѣха. Но ты не говори, что съ солью ѣсть — грѣхъ. Никакого нѣтъ грѣха въ соли. И въ Евангеліи, — почти хорошенько, — не по твоему о соли рассказано.

— Вотъ я еще не ѣмъ картошекъ.

— Это почему?

— А видишь ли, почему: картошку если положить на солнцѣ, она *перемѣнитъ* цвѣтъ свой.

И старикъ очень замысловато сталъ разъяснять, въ чемъ тутъ дѣло. Его мысли можно передать такъ: краснѣетъ человекъ со стыда за дурное свое дѣло, — совѣсть нечиста; и у картошки что-нибудь неладно, коли она мѣняетъ цвѣтъ свой; значитъ, ее нельзя ѣсть.

— Да къ тому и растетъ она не на землѣ, а подъ землей, — прибавилъ старикъ, — скрылась, какъ воръ, отъ свѣта Божьяго.

— Да вѣдь этакъ, говорю, и рѣдьку и морковь нельзя ѣсть; тоже корень у нихъ въ землѣ растетъ.

— А эти цвѣта не мѣняютъ...

— Да все равно въ землѣ растутъ, «во тьмѣ», какъ ты говоришь.

— Нѣтъ, эти можно!

И старикъ опять о цвѣтѣ заговорилъ... Мяса тоже не ѣсть.

— Это, говорю, хорошо, что мяса не ѣшь. Всякое воздержаніе благословляется. Наша вѣра не запрещаетъ даже и вино пить, — его пить не грѣхъ, но лучше не пить. Можно ѣсть мясо, но лучше не ѣсть. Это ты хорошо дѣлаешь, что не ѣшь мяса.

— Да вѣдь я не потому не ѣмъ, что «можно ѣсть, а лучше не ѣсть»; по моему совсѣмъ нельзя ѣсть мяса, и никому, а не то что мнѣ и монахамъ (а я упомянулъ ранѣе о томъ, что монахи изъ воздержанія не ѣдятъ мяса). По моему, это не порядокъ, что люди для своего чрева убиваютъ тварей Божіихъ, которымъ тоже хочется жить, какъ и намъ. Вотъ почему я не ѣмъ мяса: изъ жалости, а не изъ воздержанія. Воздержаніе само собою, — воздержнымъ и умѣреннымъ надо быть во всякой пищѣ.

— Что жъ? — и это хорошо. У св. Василія Великаго есть проповѣдь о постѣ, гдѣ говорится, между прочимъ: «радуйся постъ, когда безпощадный ножъ повара лежитъ въ покоѣ и ненасытное чрево даетъ отдыхъ своимъ невиннымъ жертвамъ». Значить, въ нашемъ, церковномъ законѣ о постѣ, кромѣ воздержанія скрытъ еще законъ милосердія и состраданія къ тварямъ, которыя теперь стонутъ подъ нашимъ игомъ. Хорошо бы всѣмъ не ѣсть мяса! Но это невозможно, и церковь позволяетъ его употребленіе, указывая однако желающимъ иной порядокъ жизни, высшій.

Старикъ слушалъ меня внимательно. Онъ удивлялся, что я не нахожу худого въ томъ, за что надъ нимъ смѣются и за что бранятъ его другіе.

— Такъ это по твоему, спрашиваетъ, хорошо, что я мяса не ѣмъ?

— Это хорошо, — отвѣтилъ я.

— Еще вотъ что растолкуй ты мнѣ. Читаю я Библию, и тамъ рассказано то-то и то-то. По моему, это все одно наставле-

ніе; не было ничего этого, о чемъ разсказывается; это притчи однѣ. Напр. потопа не было воднаго, а исторія о потопѣ означаетъ, что всѣ люди потонули въ грѣхахъ.

Я сталъ разъяснять ему, что въ Библии дѣйствительно есть много правоученія, есть не мало и притчей, но онѣ очень явственно отличаются отъ дѣйствительной исторіи. Въ Евангеліи даже часто передъ притчей прямо говорится: «рече Господь *притчу* сію». Притча и уподобленіе есть во многихъ мѣстахъ Библии; но Библия не есть сплошная притча. Не знаю, подѣйствовалъ ли я на этого аллегориста.

Потомъ старикъ совсѣмъ удивилъ меня, начавъ говорить что-то очень туманное, изъ чего я понялъ, что у него не существуетъ хронологіи: у него Апостоль Павелъ современникъ царя Давида и Христосъ ровесникъ Адаму... Я пытался добиться, какъ у него произошло такое смѣшеніе времени. Оказалось, что, на бѣду дѣдушки Парѣена, Библия у него со ссылками. Читаетъ онъ, примѣрно, посланія Апостола Павла; смотритъ: подъ строкой ссылка на Апостола Іакова; онъ читаетъ Апостола Іакова въ указанномъ мѣстѣ; тамъ подъ строкой ссылка на Евангеліе, а тутъ ссылка на пророка Исаію; далѣе ссылка на псалмы Давидовы, а тутъ на Моисея... И вотъ у него получилось какое-то смѣшеніе времени, — люди разныхъ временъ оказались современниками. Это первый встрѣтившійся мнѣ человѣкъ, о которомъ можно сказать, что «зачитался Библии». Дѣдушка Парѣенъ доказываетъ спутанностію своихъ понятій, какъ иному человѣку необходима школьная наука, вносящая порядокъ и систему въ понятія.

Не передаю всего разговора съ нимъ. Припомню только еще нѣсколько подробностей. Ему очень понравилось слѣдующее сравненіе. Толкуя о томъ, что надо строго различать время, въ которое что случилось, я сказалъ:

— Въ Библии различаются три періода времени: ветхій завѣтъ, новый завѣтъ и жизнь будущаго вѣка. Ветхій завѣтъ — это какъ бы (указываю) вотъ эта передняя, которую мы прошли и которая осталась позади насъ; новый завѣтъ, въ которомъ мы живемъ, — это какъ бы вотъ комната, въ ко-

торой мы съ тобой сидимъ; а жизнь будущаго вѣка — это вонъ то далекое небо, которому не видать и конца.

Дѣдушка Парѣенъ, уже подъ конецъ бесѣды, сказалъ мнѣ между прочимъ: Когда я шель къ тебѣ, то думалъ, что одной устной бесѣды съ тобой мало будетъ, а нужно потребовать отъ тебя письменнаго отвѣта на мои вопросы. Теперь нахожу это ненужнымъ; благодарю за словесное разъясненіе...

Кстати: во время нашего разговора, вошла къ намъ одна женщина и попросила позволенія послушать. Она одного прихода съ Парѣеніемъ и ей интересно было знать, что мы будемъ говорить. И такъ внимательно слушала, что, казалось, не проронила ни единого слова.

Еще, между множествомъ вопросовъ, дѣдушка Парѣенъ спрашивалъ: почему это церковь положила говорить «Господи помилуй» иногда до 40 разъ?

— Вѣдь, если я къ тебѣ пристану: батюшка, батюшка, батюшка! разъ до сорока одно слово буду твердить, — я тебѣ надоѣмъ. Такъ и Богу, я думаю, неприятно, что Его сорокъ разъ зовутъ!

Какая дѣтски наивная мысль! Отвѣчая ему, я между прочимъ сказалъ:

— Вотъ недавно я читалъ въ книжкѣ, какъ одинъ крестьянинъ безвинно попалъ въ острогъ по напрасному обвиненію въ отравленіи и какъ разъ до милліона, пожалуй, повторилъ онъ: «Господи помилуй!» Языкъ самъ собою говоритъ: «Господи помилуй!» а слезы льются изъ очей. И вспомнилъ я, рассказывалъ онъ послѣ, что не за даромъ же положено въ церкви сорократное «Господи помилуй!»

— Такъ развѣ это для такихъ несчастныхъ молитва? — спросилъ Парѣенъ.

— Всякій грѣшникъ несчастенъ. И кто дѣйствительно чувствуетъ себя грѣшнымъ, тотъ не устанетъ зывать безъ счету: «Господи помилуй!»

Когда мы кончили бесѣду и вмѣстѣ вышли на улицу, дорогой слышу, старикъ Парѣенъ все повторяетъ: «Господи помилуй!»

— Что жь ты это много разъ говоришь: «Господи помилуй?»

— А! Это ты про давѣшнее мое слово вспомнилъ!.. Ничего! На прощаньѣ Парѣенъ благодарилъ меня за бесѣду.

— Много, говорить, ты мнѣ растолковалъ; ну, а все же трудно мнѣ отвыкнуть отъ своихъ думъ. Спасибо!

Онъ тужилъ, что не захватилъ съ собой медку, чтобъ отблагодарить меня. Онъ мужикъ зажиточный. Простившись, онъ пошелъ домой пѣшкомъ, не смотря на свои 80 лѣтъ, и надѣялся дойти; а до дому 20 верстъ. Значить, взадъ и впередъ сорокъ!..

XV.

1-го августа, за обѣдней при архіерейскомъ служеніи я въ обычное время вышелъ изъ алтаря говорить проповѣдь. Народу было такое множество, что заднихъ рядовъ совсѣмъ не видать. Я спросилъ: нѣтъ ли чего подставить подъ ноги? Сейчасъ принесли какой-то сундукъ, обитый бѣлой жестью, и я сталъ на этотъ сундукъ. Никогда еще я не видалъ такого множества лицъ! Сидоровскій приходъ очень великъ (до 3 тысячъ), и былъ, вѣроятно, весь; да изъ сосѣднихъ сель пришло множество народа. Старовѣровъ въ этомъ приходѣ сравнительно немного (человѣкъ до 30). О перстосложеніи и о прочемъ я говорилъ въ промежутокъ между раннею и позднею обѣдней; а теперь въ проповѣди говорилъ о крещеніи, муропомазаніи, исповѣди и причащеніи. Цѣль моя была — объяснить, въ чемъ состоитъ наша вѣра.

3-го августа я былъ въ селѣ Фроловскомъ. Здѣсь одинъ старикъ старовѣръ Зоинъ, изъ деревни Шемекина, сказалъ между прочимъ: пастыри Великороссійской церкви учатъ по-татарски ходить безъ крестовъ. Я спросилъ у народа: есть ли на васъ кресты?

— Есть у всѣхъ! — отвѣтили мнѣ.

— Правда ли, что мы, священники, учимъ васъ ходить безъ крестовъ? — слыхали ли вы гдѣ такую проповѣдь?

— Нѣтъ.

— А вотъ дѣдушка Зоинъ говоритъ, что мы учимъ этому.

Зоину стало стыдно.

— Да я читалъ въ книгѣ, — въ вашей книгѣ, оправдывался старикъ.

— Если въ той книгѣ, которую ты читалъ, написано такъ, какъ ты говоришь, то-есть, что будто бы мы учимъ народъ ходить безъ крестовъ, то въ этой книгѣ написана неправда. Вотъ и все! Мы же такъ не учимъ.

Когда потомъ во время бесѣды я говорилъ Зоину, что въ старинныхъ книгахъ есть Символь вѣры по нашему, онъ попросилъ, чтобъ я записалъ ему на бумажкѣ, гдѣ и въ какихъ именно книгахъ читается восьмой членъ безъ прилога «истиннаго». Я ему записалъ, и онъ взялъ эту записочку: у меня, говорить, много книгъ, я провѣрю. Этотъ старикъ мнѣ запомнился, — и послѣ я видѣлся съ нимъ еще разъ.

XVII.

3-го же августа изъ Грязовца мы должны были отправиться въ Вологду по желѣзной дорогѣ. На станціи узнали, что въ поѣздѣ находится о. Іоаннъ Кронштадскій. Народъ бѣгомъ бѣжалъ, торопясь къ поѣзду, чтобы увидѣть его. Поѣздъ пришелъ, и въ немъ дѣйствительно находился о. Іоаннъ. Платформа, обыкновенно бывающая почти пустою, теперь была запружена народомъ. Я дивился, откуда въ маленькомъ Грязовцѣ набралось столько людей. Всѣ спѣшили получить благословеніе у о. Іоанна. Иные входили въ вагонъ и были счастливы, что видѣли его близко. Я вошелъ въ его вагонъ уже въ Вологдѣ, и у меня, я это замѣтилъ, появилась улыбка. Всегда радостное настроеніе этого священника, облеченнаго въ правду, передается невольно посѣтителю: мнѣ кажется, будучи съ нимъ въ одной комнатѣ, нельзя предаваться тоскѣ и горю. Одинъ его видъ ободряетъ и вдохновляетъ.

Я думалъ, смотря на него: «Господи! не всѣ же, какъ я!.. Есть же и праведные, и радостные, добро творящіе, и щедрые и воздержные»... Отецъ Іоаннъ — слава и радость наша, священническая.

Сопровождавшій его инспекторъ желѣзныхъ дорогъ говорилъ, между прочимъ, о причинѣ своего великаго уваженія къ о. Іоанну: «Былъ у меня братъ, не то чтобы отъявленный безбожникъ, а человѣкъ, очень безпечный о спасеніи души своей. Пришла пора ему умирать: онъ и слушать не хочетъ о христіанскомъ напутствіи въ жизнь вѣчную. Я пригласилъ къ нему о. Іоанна. О. Іоаннъ побесѣдовалъ съ нимъ — и тотъ умеръ христіаниномъ. Другіе благоговѣютъ передъ о. Іанномъ за то, что онъ своими молитвами больныхъ здоровыми дѣлаетъ, а я благоговѣю за то, что онъ мнѣ оживилъ мертвую невѣріемъ душу родного моего брата...»

